СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

3

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

3

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

Собрание сочинений
в шести томах

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1981

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ШЕСТИ ТОМАХ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1981

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ТРЕТИЙ

БАСНИ И САТИРИЧЕСКИЕ СТИХИ
•
БАСНИ В ПРОЗЕ
•
СЦЕНКИ, МИНИАТЮРЫ
•

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1981

Р2
М69

Художник
Ю. БАЖАНОВ

М $\frac{70402\text{-}050}{028(01)\text{-}81}$ подписное 4702010200

БАСНИ И САТИРИЧЕСКИЕ СТИХИ

•

СОЛОВЕЙ И ВОРОНА

СОЛОВЕЙ И ВОРОНА

Со дня рожденья четверть века
Справлял в дубраве Курский Соловей.
(Немалый срок и в жизни человека,
А соловью – тем паче юбилей!)
Среди лесных певцов подъем
и оживленье:
Окрестные леса
Вручают юбиляру адреса.
Готовится банкет. Концерт на два часа.
И от Орла приходит поздравленье.
Счастливый юбиляр растроган и польщен –
Не зря в своих кустах свистел и щелкал он...
За праздничным столом в тот вечер шумно было.
На все лады звенели голоса,
И лишь Ворона каркала уныло:
«Подумать только, чудеса!
Уж мне за пятьдесят давно перевалило,
И голосом сильней, и всем понятней я,
И столько раз Сова меня хвалила...
А юбилей – поди ж ты – Соловья!..»

Вот пишешь про зверей, про птиц и насекомых,
А попадаешь все в знакомых...

1945

ЗАЯЦ ВО ХМЕЛЮ

В день именин, а может быть рожденья,
Был Заяц приглашен к Ежу на угощенье.
В кругу друзей, за шумною беседой,
Вино лилось рекой. Сосед поил соседа.
И Заяц наш как сел,
Так, с места не сходя, настолько окосел,
Что, отвалившись от стола с трудом,
Сказал: «Пшли домой!» — «Да ты найдешь ли дом? —
Спросил радушный Еж. —
Поди, как ты хорош!
Уж лег бы лучше спать, пока не протрезвился!
В лесу один ты пропадешь:
Все говорят, что Лев в округе объявился!»
Что Зайца убеждать? Зайчишка захмелел.
«Да что мне Лев! — кричит. — Да мне ль его бояться?
Я как бы сам его не съел!
Подать его сюда! Пора с ним рассчитаться!
Да я семь шкур с него спущу
И голым в Африку пущу!..»
Покинув шумный дом, шатаясь меж стволов,
Как меж столов,
Идет Косой, шумит по лесу темной ночью:
«Видали мы в лесах зверей почище львов,
От них и то летели клочья!..»
Проснулся Лев, услышав пьяный крик, —
Наш Заяц в этот миг сквозь чащу продирался.
Лев — цап его за воротник!
«Так вот кто в лапы мне попался!
Так это ты шумел, болван?
Постой, да ты, я вижу пьян —
Какой-то дряни нализался!»

Весь хмель из головы у Зайца вышел вон!
Стал от беды искать спасенья он:
«Да я... Да вы... Да мы... Позвольте объясниться!
Помилуйте меня! Я был в гостях сейчас.
Там лишнего хватил. Но все за Вас!
За Ваших львят! За Вашу Львицу!
Ну, как тут было не напиться?!»
И, когти подобрав, Лев отпустил Косого.
Спасен был хвастунишка наш!

Лев пьяных не терпел, сам в рот не брал хмельного,
Но обожал... подхалимаж.

1945

ЛИСА И БОБЕР

Лиса приметила Бобра:
И в шубе у него довольно серебра,
И он один из тех Бобров,
Что из семейства мастеров,—
Ну, словом, с некоторых пор
Лисе понравился Бобер!
Лиса ночей не спит: «Уж я ли не хитра!
Уж я ли не ловка к тому же?
Чем я своих подружек хуже?
Мне тоже при себе пора
Иметь Бобра!»
Вот Лисонька моя, охотясь за Бобром,
Знай вертит перед ним хвостом,
Знай шепчет нежные слова
О том, о сем...
Седая у Бобра вскружилась голова,
И, потеряв покой и сон,
Свою Бобриху бросил он,
Решив, что для него, Бобра,
Глупа Бобриха и стара...
Спускаясь как-то к водопою,
Окликнул друга старый Еж:
«Привет, Бобер! Ну, как живешь
Ты с этой... как ее... с Лисою!»
«Эх, друг! — Бобер ему в ответ,—
Житья-то у меня и нет!
Лишь утки на уме у ней да куры:
То ужин — там, то здесь — обед!
Из рыжей стала черно-бурой!
Ей все гулять бы да рядиться,
Я — в дом, она, плутовка,— в дверь.
Скажу тебе как зверю зверь:
Поверь,
Сейчас мне в пору хоть топиться!..

Уж я подумывал, признаться,
Назад к себе – домой податься!
Жена простит меня, Бобра,–
Я знаю, как она добра...»
«Беги домой,– заметил Еж,–
Не то, дружище, пропадешь!..»
Вот прибежал Бобер домой:
«Бобриха, двери мне открой!»
А та в ответ: «Не отопру!
Иди к своей Лисе в нору!»
Что делать? Он к Лисе во двор!
Пришел. А там – другой Бобер!

Смысл басни сей полезен и здоров
Не так для рыжих Лис, как для седых Бобров!

1945

СЛОН-ЖИВОПИСЕЦ

Слон-живописец написал пейзаж,
Но раньше, чем послать его на вернисаж,
Он пригласил друзей взглянуть на полотно:
  Что, если вдруг не удалось оно?
Вниманием гостей художник наш польщен!
Какую критику сейчас услышит он?
Не будет ли жесток звериный суд?
  Низвергнут? Или вознесут?
Ценители пришли. Картину Слон открыл.
Кто дальше встал, кто подошел поближе.
  «Ну что же,— начал Крокодил,—
Пейзаж хорош! Но Нила я не вижу...»
«Что Нила нет, в том нет большой беды! —
Сказал Тюлень.— Но где снега? Где льды?»
  «Позвольте! — удивился Крот.—
  Есть кое-что важней, чем лед!
  Забыл художник огород».
  «Хрю-хрю,— прохрюкала Свинья,—
  Картина удалась, друзья!
  Но с точки зренья нас, свиней,
  Должны быть желуди на ней».
  Все пожеланья принял Слон.
  Опять за краски взялся он
  И всем друзьям по мере сил
  Слоновьей кистью угодил,
  Изобразив снега, и лед,
  И Нил, и дуб, и огород,
  И даже — мед!
  (На случай, если вдруг Медведь
  Придет картину посмотреть...)
  Картина у Слона готова,
  Друзей созвал художник снова.

Взглянули гости на пейзаж
И прошептали: «Ералаш!»

Мой друг! Не будь таким Слоном:
  Советам следуй, но с умом!
На всех друзей не угодишь.
  Себе же только навредишь.

1945

ЕНОТ, ДА НЕ ТОТ

Известно, что в лесах хватает всем работы...
Вершить делами нор и гнезд
(А это видный и почетный пост)
В лесу назначили Енота.
Енота знают все. Он в обхожденье прост,
Не наступает никому на хвост
И личные ни с кем не сводит счеты...
Но вот
Проходит год.
Что видят зверь и птица?
В лесу порядка нет, хоть правит в нем Енот!
Кругом что только ни творится —
Он даже ухом не ведет!
А если, случаем, кому и доведется
С ним говорить,— тому готов ответ:
«Не время», «Обождем», «Проверим»,
«Утрясется».
Где надобно решать, Енот ни «да», ни «нет».
Заохал, застонал лесной народ:
«И как могли мы ошибиться?
Енот — не тот!
Куда уж Суслику с нуждой к нему пробиться,
Когда Медведь — и то семь дней приема ждет?
Не тот Енот. Не тот!»
«Да,— с горечью вздохнув, заметил кто-то,—
Скорей дойдешь, пожалуй, до Орла,
Чем до Енота!
А у Орла куда важней дела!..»

В одной приемной горсовета
На ум пришла мне тема эта.

1945

БЕЗ ВИНЫ ПОСТРАДАВШИЕ

Прослушать певчих птиц однажды пригласили
Начальство – Льва. (Лев был в чинах и в силе.
И перед ним, дыханье затая,
На задних лапках многие ходили.)
Лев прибыл на концерт. На сцену попросили
Певцов: Скворца и Соловья.
Перед лицом таким, робея от волненья,
Чуть арию свою не позабыл Скворец,
Но под конец
Так разошелся молодец,
Такое на него напало вдохновенье,
Что диву бы дался любой ценитель пенья.
Какой солист!
То вдруг защелкает, то перейдет на свист,
То иволгой кричит, то кенарем зальется,
Кудахчет курицей, как человек, смеется,
И выходкам веселым нет конца!
Но тут заметили, что, слушая Скворца,
Ни разу Лев не улыбнулся,
Напротив – даже отвернулся!
Вот Соловья черед. Лев морщится опять!
Что это значит? Как понять?..
Ему на месте не сидится,
Он хочет встать!
Его с трудом удерживает Львица...
А Соловей?.. Как сладко он поет!
Какие он верха берет!
Но, гривою тряхнув, Лев с места вдруг встает
И, не дослушав песни Соловьиной,
Уходит со своею половиной...
Лиса уж тут как тут: «Певцы тому причиной!
Кто их назвал «солистами лесов»?
Ни дикции, ни голосов!

На Льва все время я смотрела –
Он возмущался то и дело!
Скандал! Позор!»
И отдан был приказ: «Певцов направить в хор!
Заставить наново учиться!»
Но как же так могло случиться?
Лев к пенью вкус имел
(Он даже сам немного пел
И, говорят, довольно мило),
Послушать мастеров ему приятно было.
Чего ж он морщился?.. Он лишнего поел,
И тут как раз ему живот схватило!..
А бедные певцы, которых сдали в хор,
Когда бы не Орел, там пели б до сих пор!

Я басню написал тем людям в назиданье,
Что вкруг начальства вьются без конца,
Готовые уже за указанье
Считать обычное чиханье
Вышестоящего лица.

1945

ЛЕВ И МУХА

Раз Мухе довелось позавтракать со Львом
От одного куска и за одним столом.
Вот Муха досыта наелась,
Напилась,
Собралась улетать, да, видно, расхотелось
(На Львином ухе солнышком пригрелась).
В недолгом времени пошла молва,
Распространяться стали слухи
(Их разносили те же мухи!),
Что Муха-де живет советницей у Льва,
Что в ней
Гроза зверей
Души не чает.
Случись по делу отлучиться ей,
Так он уж загодя скучает —
Не ест, не пьет,
И сам завел такой обычай:
Когда уходит на добычу,
То Муху он с собой берет,
А раз она сидит на Львином ухе,
То может нажужжать, что в голову взбредет!..
Ну, как тут не бояться Мухи?..
А Льву и невдомек, что Муха так сильна,
Что перед ней все лезут вон из кожи
И что она
В его прихожей
Делами Львиными подчас вершит одна!

У нашей басни цель: бороться против зла.
Так вот бы хорошо, когда б для пользы дела
Моя мораль до львов дошла
И некоторых мух легонечко задела —
За дело!

1945

МОРСКОЙ ИНДЮК

Индюк завидовал гусям,
Что могут плавать там и сям.
Короче говоря,
Его к воде тянуло —
На реки, на озера, на моря,
Откуда иногда соленым ветром дуло.
Но более всего его манило то,
Что краше моряков уж не одет никто!..
Везет же индюкам! Индюк попал на флот!
Индюк по-флотски ест. Индюк по-флотски пьет.
В тельняшку он одет, как ходят все на флоте.
Но в воду вы его и силой не столкнете:
Подальше от воды на суше он живет,
А если с берега увидит вдруг волну,
Так уж кричит: «Тону-у!..»
Заехал раз Индюк домой, на птичий двор,
И произвел фурор.
О нем лишь только разговор:
«Какой моряк! Ах! Ах! — кудахчут куры. —
Какой жаргон!
И как татуирован он!
А мы живем за петухами, дуры!»
Надулся наш Индюк, вдруг став героем дня.
Хвост распустил, а сам что было сил
(Хотя особенно никто и не просил)
Заголосил:
«Родня!
Берите все пример с меня!
Довольно вам в пыли купаться!
Я — водоплавающий, братцы!
Жить не могу без корабля!
Аврал! Форштевень! Брамселя!»
Захлопал крыльями весь птичий двор вокруг:

«Как мы горды! Нас посетил Индюк!»
И даже сам Петух пропел «кукареку»,
Воздав хвалу морскому Индюку.

Так прячутся порой нахалы и невежды
За громкие слова и пышные одежды.

1945

МЕДВЕЖИЙ ЗАРОК

Шмелиного Медведь отведал меду.
Укусов бедному не счесть.
Распух, нажаленный, похож стал на урода.
И тотчас радостная весть –
Что он раскаялся и мед зарекся есть –
Дошла в пчелиную колоду.
Тут пчелы подняли трезвон,
Жужжат, кружатся:
«Наш мед спасен! Наш мед спасен!
Теперь нам нечего бояться!»
И шлют к Медведю на поклон
Двух пчелок с просьбой, чтобы он
Зашел бы хоть полюбоваться,
Взглянуть на гордость их трудов –
На мед! На лучший из медов!..
«Ну, так и быть! – сказал Медведь. –
Уж разве только посмотреть!..»
Вот гостя важного встречает рой пчелиный –
Ему и место и почет,
Раскрыты перед ним ячейки сочных сот,
В них – сладкий дар садов, душистый дар долины.
Посмотришь – и слюна ручьем течет!
В сравненье с ним идет ли мед шмелиный?
Так сам и просится Медведю на язык!
И в тот же миг
Наш Косолапый,
Урча от жадности, залез в колоду лапой
И до тех пор держал открытой пасть,
Пока, бесстыжий, не наелся всласть.

А после даже вылизал колоду,
Чтоб капле ни одной не дать пропасть!..

Когда на то моя была бы власть,
Я, зная медведей породу,
Не допускал бы их до меду!..

1945

ЗАЯЦ И ЧЕРЕПАХА

Однажды где-то под кустом
Свалила Зайца лихорадка.
Болеть, известно, как не сладко:
То бьет озноб его, то пот с него ручьем,
Он бредит в забытьи, зовет кого-то в страхе...
Случилось на него наткнуться Черепахе.
Вот Заяц к ней: «Голубушка... воды...
Кружится голова... Нет сил моих подняться,
А тут рукой подать — пруды!»
Как Черепахе было отказаться?..
Вот минул час, за ним пошел другой,
За третьим начало смеркаться —
Все Черепаху ждет Косой.
Все нет и нет ее. И стал больной ругаться:
«Вот чертов гребешок! Вот костяная дочь!
Попутал бес просить тебя помочь!
Куда же ты запропастилась?
Глоток воды, поди, уж сутки жду...»
«Ты что ругаешься?» — Трава зашевелилась.
«Ну, наконец пришла, — вздохнул больной. —
Явилась!»
«Да нет, Косой, еще туда-а иду...»

Я многих черепах имею здесь в виду.
Нам помощь скорая подчас нужна в делах,
Но горе, коль она в руках
У черепах!

1945

НУЖНЫЙ ОСЕЛ

Обед давали у Вола.
Хлев переполнен был гостями,
А стол – харчами.
Пора бы уж гостям и сесть вокруг стола,
Но тут разнесся слух: «К обеду ждут Осла!
Как только он изволит появиться,
Хозяйка знак подаст – гостям за стол садиться!»
Вот долгожданный гость явился наконец.
Напротив племенной Коровы
Посажен он в кругу Овец.
Хозяин налил всем: «Так будем же здоровы!
Внимание! Осел имеет слово!»
Веселые умолкли голоса.
Как наш Осел завел... насчет овса!
Почем теперь овес, да как овес хранится,
Да почему сытней он, чем пшеница...
Он говорит уж полчаса.
Один Баран успел напиться,
Заснула старая Овца,
А речи про овес все нет и нет конца:
Ослу невмочь остановиться!
Уже гостям ни есть, ни пить, ни петь.
И начали ряды гостей редеть.
Окончен бал, как говорится.
Охрипшего Осла остался слушать Вол...
Как мог такой Осел попасть к Волу за стол?
Ужели он с Волом был так сердечно дружен?
Осел в почете был. Осел Волу был нужен:
Когда б кормушками на скотном он не ведал,
Он у Вола бы не обедал!

1945

КОЗА, МЕДВЕДЬ И ГЛУХОЙ ОСЕЛ

Медведю от Козы глухой Осел завез
Однажды под вечер продуктов целый воз!
  Завез да и свалил в берлогу
  Всего помногу –
И за год Мишеньке не съесть!..
  «Откуда мне такая честь? –
Задумался Медведь. – Что это означает?
  Видать, Рогатая души во мне не чает!..»
Вот наш Медведь дня через два встречает
  И от души благодарит Козу.
«За что?» – «Да как за что? – Топтыгин отвечает. –
  За то, что было на возу!»
Коза рогами только замотала:
«О чем ты, Миша? Право, не пойму!..»
А как домой пришла, так уж Ослу попало:
Гостинцы он завез. Но только не тому!
Коза их, как на грех, другому посылала!
Вот догадаться бы: куда?.. За что?.. Кому?..

1945

КУКУШКА И СКВОРЕЦ

«Чего распелся ты так рано над крыльцом?» —
Кукушка из лесу Скворцу прокуковала.
«Ах, если бы, Кукушечка, ты знала! —
Ей отвечал Скворец. — Я нынче стал отцом!
Теперь мне в пору петь с рассвета до заката:
В скворечнике моем пищат мои Скворчата!
Я полон гордости — растет мой скромный дом!» —
«Вот невидаль! Нашел же чем гордиться! —
Кукушка из лесу в ответ. —
Чем удивил ты белый свет!
По мне, так лучше быть свободной птицей!»
«А где несешься ты?»
«В любом чужом гнезде!»
«А где твои птенцы?»
«Не знаю где. Везде!»
«Да кто ж выводит их?»
«Другие их выводят.
Я не из тех, кто в этом смысл находит...
Семья мне не нужна. Я жить одна хочу,
Куда задумаю — туда и полечу!
Где захочу — там прокукую.
Вот, Скворушка, тебе бы жизнь такую!»
«Нет, — отвечал Скворец. — Пример моих отцов
Подсказывает мне иметь весной птенцов!»
И надо же такому вдруг случиться:
Пернатый хищник, старый вор,
Скворчатинкой задумав поживиться,
Явился как-то раз к моим Скворцам во двор.
Но грозно встретила его семья Скворцов!
Едва отбившись от птенцов и от отцов,
Разбойник улетел. А над лесной опушкой
Он с одинокой встретился Кукушкой —
И все ж позавтракал в конце концов!

1945

ДВЕ ПОДРУГИ

«Красиво ты живешь,
Любезная сестрица! –
Сказала с завистью в гостях у Крысы Мышь. –
На чем ты ешь и пьешь,
На чем сидишь,
Куда ни глянешь – все из-за границы!» –
«Ах, если б, душенька, ты знала, –
Со вздохом Крыса отвечала, –
Я вечно что-нибудь ищу!
Я день-деньской в бегах за заграничным –
Все наше кажется мне серым и обычным,
Я лишь заморское к себе в нору тащу:
Вот волос из турецкого дивана!
Вот лоскуток персидского ковра!
А этот нежный пух достали мне вчера –
Он африканский. Он от Пеликана!»
«А что ты ешь? – спросила Крысу Мышь. –
Есть то, что мы едим, тебе ведь не пристало!»
«Ах, душенька! – ей Крыса отвечала. –
Тут на меня ничем не угодишь!
Вот разве только хлеб я ем и сало!..»

Мы знаем, есть еще семейки,
Где наше хают и бранят,
Где с умилением глядят
На заграничные наклейки...
А сало... русское едят!

1945

ПАУК И МЕТЛА

Один Паук задался мыслью вздорной
Такую сеть коварную сплести,
Чтоб негде было в комнате просторной
Ни пролететь, ни проползти!
Проходит день, другой и третий.
Что говорить! – растут паучьи сети,
И горе тем, кто залетел в окно:
Спастись от гибели немногим суждено!..
Но...
Все меняется на свете!
И в комнату явилась раз Метла!
Она прошлась с угла и до угла,
От пола и до потолка,
И паутину начисто смела,
И придавила насмерть Паука...

Торопится, спешит сейчас другой Паук,
Сеть паутины день и ночь плетется,
И замыкается паучьей нити круг...
Что ж, надо полагать, и здесь Метла найдется!

1945

БЕШЕНЫЙ ПЕС

Однажды, в знойный день, взбесился Пес
цепной
И, ядовитой брызгая слюной,
Сорвался вдруг с цепи, махнул через ограду —
Да прямо к стаду!
Сначала он напал по-волчьи на телка,
Потом задрал невинного ягненка,
Одних загрыз, другим порвал бока
И насмерть ранил пастушонка.
Короче: натворил таких он бед,
Каких не видел свет!
Когда б разбойника облавою не взяли,
То многие еще бы пострадали.
Но был в конце концов захвачен
лютый Пес,
И... производством дело началось!
Уж не одна неделя пролетела —
Полгода суд идет. Растет и пухнет дело —
Чинят свидетелям допрос.
Бандит в тюрьме окреп, подрос,
Так на харчах казенных откормился
И обленился,
Что от хвоста до шеи залоснился.
Он только знает спать да есть.
При нем друзья. Услуг не счесть:
Ему ошейники меняют,
Его родные навещают,
А два Шакала, посчитав за честь,
Перед судом ретиво защищают:
Скулят, визжат, и лают,
И, чтобы умалить его вину,

Повторный требуют анализ на слюну...
«Чего же судьи ждут? Когда ж повесят Пса? –
Слышны повсюду голоса. –
Какой другой конец возможен для урода?..»

Известны нам суды такого рода.

1945

ВОЛК-ТРАВОЕД

Вожак воров и сам матерый вор,
Волк-живодер
Как избежать облавы ни старался,
А все ж попался.
Теперь над ним свершится приговор,
Не избежит преступник наказанья!
Свидетели дают
Правдивые, прямые показанья:
«Зарезал здесь овцу, задрал теленка тут,
А там свалить коня не посчитал за труд...»
Улики налицо. Но судьи ждут,
Что им убийца скажет в оправданье.
«Известно,— начал Волк,— что испокон веков
Всегда травили нас, волков,
И скверные про нас пускали толки.
Заблудится овца у сонных пастухов,
Корова пропадет — все виноваты волки!
А волки между тем давным-давно
Не могут видеть кровь, не могут слышать стоны,
На травку перешли и на зерно,
Сменили стол мясной на овощной — зеленый.
А если иногда то там, то тут
Ягненка одного-другого задерут,
Так только с целью самообороны...
Надеюсь я на объективный суд!..»
И порешили судьи тут:
Дать Волку выговор и не лишать свободы,
Раз изменился нрав у всей его породы.

Но вот прошли уж годы,
Как огласили этот приговор,
А волки нападают до сих пор
Все на стада, а не на огороды!

1945

ПОЛКАН И ШАВКА

Косого по лесу гоняя,
Собаки – Шавка и Полкан –
Попали прямо в пасть к волкам,–
Им повстречалась волчья стая.
От страха Шавка вся дрожит:
«Полкаша... Некуда деваться...
Я чую смерть свою... Что будем делать?..»
«Драться! –
Полкан в ответ ей говорит.–
Я на себя возьму того, что покрупнее,
А ты бери того, что рядом с ним».
И, до врага достав прыжком одним,
Вцепился храбрый пес зубами в волчью шею
И наземь Серого свалил,–
Но тут же сам растерзан был.
Что думать Шавке? Очередь за нею!
Тут Шавка взвизгнула и в ноги бух волкам:
«Голубчики мои! Не погубите!
Сродни ведь прихожусь я вам!
Вы на уши мои, на хвост мой посмотрите!
А чем не волчья шерсть на мне?
Сбылась мечта моя – попала я к родне!
Пошли за мной, я показать вам рада,
Где у реки пасется стадо...»
Вот волки двинулись за Шавкою гуськом,
Вначале лесом, после бережком,
Под стадо вышли, на хвосты присели,
Посовещалися на волчьем языке
И от коров невдалеке
На всякий случай раньше Шавку съели.
Но сами тож не уцелели –

В жестокой схватке полегли:
Сторожевые псы то стадо стерегли
И ружья пастухи имели...

Сей басне не нужна мораль.
Мне жаль Полкана. Шавки мне не жаль!

1945

ДАЛЬНОВИДНАЯ СОРОКА

Изнемогая от тяжелых ран,
К своим трущобам отступал Кабан.
  В чужие вторгся он владенья,
Но был разбойнику отпор достойный дан,
  Как поднялось лесное населенье...
Сороке довелось в ту пору пролетать
  Над полем боевых событий.
И – кто бы ожидал такой сорочьей прыти! –
Сорока, сев на ель, вдруг стала стрекотать:
«Так, так его! Так, так! Гоните Кабана!
Мне с дерева видней – он не уйдет далеко!
  Я помогу, коль помощь вам нужна.
А вы еще разок ему поддайте сбоку!»
«Дивлюсь я на тебя. Ты только прилетела,–
  Сказал Сороке Воробей,–
  А трескотней своей, ей-ей,
    Всем надоесть уже успела!»
      «Скажи, мой свет,–
  Сорока Воробью в ответ,–
  Что толку, если б я молчала?
  А тут придет конец войне –
    Глядишь, и вспомнят обо мне
Да скажут где-нибудь: «Сорока воевала!..»

Сороке выдали медаль.
              А жаль!

1945

ЗАРВАВШИЙСЯ ПЕТУХ

Увидев Коршуна, что над деревней плыл
И на цыплят напасть намеревался,
  Охотник хищника убил.
Разбойник как упал, так и лежать остался.
Но долго над землей еще кружился пух...
Тогда из-под кустов и вылез наш Петух.
Недвижим тот лежал, кого он так боялся!
Бессилен острый клюв, и хищный взор потух.
  Воинственный проснулся в Петьке дух!
Издав победный клич, он чуть не надорвался —
  Налился кровью Петькин гребешок:
«Эй, птицы, все сюда!» Вот прилетели птицы.
Что видят? Коршуна у петушиных ног!
  «Ну, дипломат! Ну, Плимутрок!
  И кто б подумать только мог?!»
  А наш крикун все пуще петушится
И победителем глядит на всех вокруг
  Но тут какой-то друг
  Перевернул убитого на спину
  И из-под перьев выклевал дробину,
А там еще одну. И... все открылось вдруг!

К иному приглядишься человеку —
Точь-в-точь как тот Петух, кричит он «кукареку»

1945

НАЗОЙЛИВЫЙ КОМАР

Комар поэтом возомнил себя
(Пищать он в рифму научился!)
И вот, что было сил в свой хоботок трубя,
Терпение зверей испытывать пустился.
Покоя нет от Комара:
Подумать, вредная какая мошкара –
С утра до вечера вокруг ушей кружится
То над волом, то над конем,
То, обнаглев, козлу на плешь садится
И все в свою дуду дудит не надудится!
Не знаю, сколько бы могло такое длиться,
Когда б однажды днем
Он не был пойман Воробьем...

Бывает, что Комар Орлом себя считает,
Поскольку крылья есть и он на них летает.

1945

СВИНЬЯ

Увидел Поросенок заграницу –
Все тридевять земель, далекие края.
Он вырос, возмужал, объездив все столицы.
И вот домой вернулся, как... Свинья.
И что же?
Все дома – не по ней, все дома – ей негоже.
Знай хрюкает о том, что есть в чужой стране.
И на свиней заморских так похожа...
Что басню сочинять и то противно мне.

1945

РЫБЬИ ДЕЛА

Раз в тихом бочажке, под бережком, чуть свет,
Рыбешка мирная собралась на совет:
В реке их Щука донимала,
И от зубастой им житья не стало.

«Казнить разбойницу! Казнить – двух мнений
нет!..»
И Щука старая, как ни сильна была,
Все ж кверху брюхом как-то раз
всплыла...

Победа многих вдохновила:
«Преступница нам больше не страшна! –
Разумная Плотичка заявила. –
Но в дальней заводи живет еще одна.
Не худо бы расправиться и с нею!» –
«Конечно, вам, плотве, виднее, –
Из-под коряги молвил сытый Сом, –
Но, правду говоря, та Щука ни при чем –
Она сюда не заплывала,
Вам до нее и дела мало!»
Плотичка возражать не стала,
И дело кончилось на том...

В зеленых берегах текут спокойно воды,
Вьюны и пескари в них водят хороводы,
И караси не залезают в грязь,
Зубастой хищницы отныне не боясь.
Но мирные деньки не больно долго длились –
Исчезло в ясный день плотичек десять штук,
Два пескаря домой без плавников явились
И пропадать уклейки стали вдруг.

Рыбешкам снова не житье, а мука.
Из дальней заводи переселилась Щука
И привела с собою двух подруг!

Мне бедных рыбок жаль. Зато другим наука
Не слушайте сомов, уничтожая щук!

1946

ХИТРАЯ МЫШКА

Однажды, видимо спросонок,
Упала Мышь в пивной бочонок
И начала тонуть.
«Тону-у! Спасите кто-нибудь!
Я гибну в жигулевском пиве!
О, как же смерть моя проста!
Клянусь, была бы я счастливей
Погибнуть в лапах у Кота!»
«Ну что ж! – с окна сказал Котище. –
Я вытащить могу вас. Но...
Вы сразу превратитесь в пищу!»
«Спаси! Спаси! Иду на дно!
В сто раз милей мне смерть на воле!
Ей-ей, не так она страшна!»
И Мышь от смерти в алкоголе
Была для смерти спасена.
Но, очутившись в страшных лапах,
Дрожа до самого хвоста,
Пивной распространяя запах,
Мышь улизнула от Кота.
«Я съем вас поздно или рано, –
Сказал, облизываясь, Кот, –
Но что склонило вас к обману?
Какой бессмысленный расчет?
Где ваше слово? Ваша честь?
Вы обещались дать вас съесть!»
«Ах, что вы? – Мышка пропищала. –
Я это спьяна обещала!»

1946

РАЗБОРЧИВАЯ КОШЕЧКА

В девицах Кошечка жила.
Она разборчивой слыла.
И выбрать жениха по вкусу не могла:
Тот — чересчур усат, тот — худ, а этот — лыс!
Один не ест мышей, другой боится крыс!
А третий — просто кот: как вечер, он в окошко —
На каждом чердаке ждет не дождется кошка!
За этого идти — уж больно он ревнив,
За ним состаришься до срока!
Уж этот всем хорош, да, говорят, ленив:
Весь день на печке рыжий лежебока!..
Так наша Кошечка в девицах и жила.
Но вдруг... котяток принесла!
И в этот вечер многие коты
Сидели по домам, поджав свои хвосты...

1946

ВОРОНА И ГУСЬ

На птичий двор
Ворона залетела
И села
На забор.
Сидит и каркает: «Кра-кра!
Близка пора:
Лишатся гуси пуха и пера!
А петухи ослепнут и оглохнут.
Их перережут и съедят!
И хоть наседки выведут цыплят —
Цыплята эти передохнут!»
Воронье карканье услышал умный Гусь:
«Я слушаю тебя, ворона, и дивлюсь:
Ужели для того ты всякий вздор болтаешь,
Чтоб в нашем птичнике из всех гусынь и кур
До смерти запугать двух-трех пернатых дур?
Как будто ты не знаешь,
Что в этой стороне
Нет веры ни тебе, ни всей твоей родне!..»
«Хочу и каркаю. Твое какое дело?!»
«Ну, если ты уж каркать захотела,
Так лучше бы за океан летела,
Любое карканье, там, говорят, в цене!»

Читал я тут на днях заморскую газету
И сразу по перу узнал ворону эту.

1947

ОСТОРОЖНЫЕ ПТИЦЫ

Топтыгин занемог: вскочил чиряк на шее —
Ни сесть ему, ни лечь, ни охнуть, ни вздохнуть
И не уснуть.
Вот Дятла он велит к себе позвать скорее,
Чтоб тот чиряк немедленно проткнуть.
За дятлом послано... Как лекарь появился,
Он тотчас же, и так и сяк,
Со всех сторон обследовал чиряк,
Но вскрыть его, однако, не решился,
Топтыгину сказав при этом так:
«Уж если сам, злодей, до ночи не прорвется
И протыкать его придется,
То следует созвать совет из лекарей.
К тому ж у Филина, известно, клюв острей!»
За Филином, за Петухом послали...
Глаз не сомкнул больной всю ночь.
На утренней заре врачи слетаться стали,
Слетелись и... сидят — решают, как помочь.
И сообща приходят к мненью:
«Чиряк покамест не вскрывать!
А если к вечеру не будет облегченья,
Опять собраться всем и Журавля позвать,
Поскольку у него и глаз вернее
И клюв длиннее!»
Тем временем Медведь, ворочаясь в углу,
Вдруг ненароком придавил Пчелу.
И храбрая Пчела, как это ей пристало,
Жужжа в шерсти, свое вонзила жало.
И ожил наш Медведь! Пчела его спасла!
Вздохнули лекари: им тоже легче стало.

Не потому, что жало в цель попало,
А потому, что малая Пчела
С них, так сказать, ответственность сняла!..

Перестраховщики! Я басню вам прочел
Не для того, чтоб вы надеялись на пчел!

1948

МАРТЫШКА И ОРЕХ

Мартышка где-то разыскала
Невиданный кокосовый Орех...
Им накормить бы можно было всех!
Он мог бы радости доставить всем немало,
И счастья, и утех!
Мартышка же грозить Орехом стала –
И всех вокруг пугать не устает:
«Вот если он кому на голову сорвется
Да разорвется,
То будет уж не смех, а грех –
Он многим, кажется, внизу попортит мех!»
«Нет спору, плод велик! Кто отрицать
посмеет?! –
Мартышке как-то раз заметил мудрый Крот.–
Но если кто другой такой же плод имеет?
Ты заглянула бы в соседский огород!
Быть может, там такой Бурак растет
Или такая Тыква зреет,
Что перед ними твой Орех бледнеет?..»

Кто спросит у меня, о чем здесь речь идет,
Какой вопрос меня волнует,–
Тому отвечу я, и всяк меня поймет:
Не так уж страшен черт, как нам его малюют!

1949

НЕПЬЮЩИЙ ВОРОБЕЙ

Случилось это
Во время птичьего банкета:
Заметил Дятел-тамада,
Когда бокалы гости поднимали,
Что у Воробушки в бокале –
Вода! Фруктовая вода!!
Подняли гости шум, все возмущаться стали,
«Штрафной» налили Воробью.
А он твердит свое: «Не пью! Не пью! Не пью!»
«Не поддержать друзей? Уж я на что больная, –
Вопит Сова, – а все же пью до дна я!»
«Где ж это видано, не выпить за леса
И за родные небеса?!» –
Со всех сторон стола несутся голоса.
Что делать? Воробей приклювил полбокала.
«Нет! Нет! – ему кричат. – Не выйдет! Мало! Мало!
Раз взялся пить, так пей уже до дна!
А ну налить ему еще бокал вина!»
Наш скромный трезвенник недолго продержался –
Все разошлись, он под столом остался...
С тех пор прошло немало лет,
Но Воробью теперь нигде проходу нет,
И где бы он ни появился,
Везде ему глядят и шепчут вслед:
«Ах, как он пьет!», «Ах, как он разложился!»
«Вы слышали? На днях опять напился!»,
«Вы знаете? Бросает он семью!»
Напрасно Воробей кричит: «Не пью-ю!
Не пью-ю-ю!!»

Иной, бывает, промахнется
(Бедняга сам тому не рад!),

Исправится, за ум возьмется,
Ни разу больше не споткнется,
Живет умней, скромней стократ.
Но если где одним хоть словом
Его коснется разговор,
Есть люди, что ему готовы
Припомнить старое в укор:
Мол, точно вспомнить трудновато,
В каком году, каким числом...
Но где-то, кажется, когда-то
С ним что-то было под столом!..

1952

ДУТЫЙ АВТОРИТЕТ

Я слышал от зверей, что где-то некий Лев
Тушканчика назвал вторым по силе зверем,
Что будто страшен он, когда приходит в гнев!
И все задумались, ушам своим не веря.
Когда бы это слышать от Осла –
Ослу прийти на ум такая блажь могла!
Но это ж Лев сказал! Кто смеет сомневаться?
И стали все Тушканчика бояться...
Медведь его зовет на праздничный обед,
С ним дружбы ищет Волк, а старая Волчица
Пугает им Волчат, которым днем не спится:
«Скажу Тушканчику! На вас управы нет!»
Но, видно, уж судьба Тушканчику была
Нарваться на Лису, что ночью лесом шла.
Он пикнуть не успел – разбойница насела,
Его за шиворот взяла
И съела!
А после чуть сама не померла,
Когда узнала, с кем имела дело!
Она его за Зайца приняла,
А указанье Льва случайно проглядела!

1952

БАРАНЬЯ КРИТИКА

«Чего ты все снуешь без отдыха, без сроку! –
Петух однажды на дворе
В сердцах отчитывал Сороку. –
Я хоть бужу хозяев на заре.
А ты все тянешься к открытому окошку,
Все норовишь стянуть где ложку,
Где сережку!
Что говорить, на это ты ловка!
А что до твоего, болтушка, языка,
Так от него не жди ни толку и ни проку!»
Услышав, как Петух отчитывал Сороку,
Баран накинулся на доброго Коня:
«Чего ты на дворе торчишь средь бела дня?
То бочкой прогремишь, то – бороной,
то – бричкой!
А уж возить навоз вошло в твою привычку!
Как будто ты не мог найти чего другого,
Что бы свалить хозяину во двор?!
Скажу тебе в глаза: пошляк ты, право слово!
Ни вкуса у тебя, ни мыслей нет! Позор!»

Недавно я прочел критический обзор,
И, будучи с обзором не согласен,
Я басню новую добавил в книгу басен.

1952

КОТЫ И МЫШИ

Кот Тимофей – открытая душа,
Коту Василию принес в зубах мыша:
Кот Васька отмечал день своего рожденья
  И принимал преподношенья...
Увидев дичь, что гость ему принес,
Хозяин проурчал, брезгливо морща нос:
  «Спасибо, брат! Но только зря старался!
  Давно прошли те дни,
  Когда мышами я питался...
  Уж ты меня, дружище, извини!»
Смущенный гость был удивлен безмерно:
Чтоб кот не ел мышей? Ослышался, наверно!
Хотел переспросить, но... подали обед:
Сметану, масло, сыр, печенку и паштет,
Колбасы всех сортов и даже
Такую колбасу, которой нет в продаже!..
  К столу все новые закуски подносили.
  Тимошка-кот наелся до ушей.
«Вот так, брат, и живем... – мурлыкал кот
                Василий, –
  Обходимся, как видишь, без мышей!»

  Когда бы у меня читатели спросили,
  О чем завел я в этой басне речь,
  Я им ответил бы, что данный кот Василий
  Жрал то, что должен был стеречь!
  А этаких котов, не ловящих мышей,
  Из кладовых пора бы гнать взашей!

1954

ПЕТУХ-БОЛТУН

Петух с бессонницы завел себе привычку
Всех раньше подниматься по утрам
И начинать до срока перекличку
С другими петухами по дворам.
Конь, что в упряжке за день наломался,
Не отдохнув, в конюшне просыпался.
Пес вздрагивал во сне и открывал глаза.
Вставали на ноги Корова и Коза...
«Вставайте, лодыри! Проснитесь, лежебоки! —
Кричал Петух. — Проспали вы все сроки!
Довольно вам валяться на боку!
  Кукареку! Кукареку!»
Охрипнув от бессмысленного крика,
Всех на ноги подняв от мала до велика
И этим показав, какой «работник» он,
Петух потом весь день в крапиве отсыпался..
  (Он даже в курах не нуждался
И годен был лишь разве на бульон!)

Подобное и среди нас бывает:
Иной, как тот Петух, с трибуны призывает,
Шумит, кричит, приказы отдает,
Работы требует. А сам баклуши бьет!

1954

ПРЕСТУПЛЕНИЕ БЕЗ НАКАЗАНИЯ

От пяток до ушей дрожа,
Зайчишка налетел в потемках на Ежа.
И только тут остановился...
«Откуда ты, Косой? – Колючий удивился. –
Как лист осиновый дрожишь!
Куда и от кого бежишь?»
Еще сильней Косой затрясся:
«Не спрашивай меня... От смерти чудом спасся!»
«Да что случилось, толком расскажи!»
«Мы... зайцы... собрались на поле... у межи...
Вдруг слышим: выстрелы!.. Глядим: автомобили!
Посевов не щадя, несутся напрямик!
И в тот же миг нас фары ослепили...
Один я уцелел... Всех наших перебили...» –
Вздохнул Косой и головой поник.
«Какое нарушение закона!
Чудовищный рассказ, когда не врешь! –
С большой сердечностью заметил добрый Еж. –
Я вспоминаю дедушку Семена,
Как прошлым летом провинился он:
Убил до срока кряковую утку –
Не вовремя открыл охотничий сезон.
Ему тогда попало не на шутку:
Сам прокурор был возмущен
И наказал его за браконьерство!
Но то, что видел ты, – уж не разбой, а зверство!
Так зайцев истреблять – позор! Позор! Позор!
Под суд мошенников! Судить злодеев надо!»
А где-то продолжалась канонада:
«Охотился» районный прокурор...

Закон для всех один — все перед ним равны!
Иные ж прячутся за званья и чины,
Как будто бы для них не писаны законы, —
Они уверены, что отвечать должны
Лишь виноватые Семены.

1954

СЕДОЙ ОСЕЛ

Слон, Заяц и Осел решили строить мост,
Но оказалось, что вопрос не прост
И многое для всех троих неясно...
«Поставить нужно мост, — твердил упрямый Слон, —
На каменных быках, закованный в бетон!»
«Нет! — Заяц возражал. — Быки? Бетон? Ужасно!
Мост должен легким быть! Все, что легко, —
прекрасно!»
«Послушайте, друзья! — седой Осел изрек. —
Нам следует сперва решить единогласно,
Как будем строить? Вдоль иль поперек?»

Вы спросите: о чем же басня эта?
О членах одного ученого совета!

1954

КУ-КА-РЕ-КУ!

Два Петуха — два глупых крикуна —
С каких-то пор вдруг так завраждовали,
Что на неделе день нашелся бы едва ли,
Когда б у них с утра не шла война.
У каждого вокруг свои догадки:
Кто говорит — вражда из-за Хохлатки,
Которая сперва с одним была,
Ну, а потом другого предпочла...
Кто говорит, что началась война
Из-за какого-то жемчужного зерна
Которое они не поделили...
Различные предположенья были,
Пока однажды Шарик — тихий пес —
Не задал одному из Петухов вопрос
(Драчун неподалеку в луже мылся):
«Я вижу, ты опять с приятелем сцепился!
За что ты бьешь его и сам теряешь пух?»
«Он обокрал меня!» — сказал в ответ Петух.
«Он обокрал тебя? На что же он польстился?»
«Из песни, что я пел на утренней заре
Украл он у меня единственное ре!»

Есть сочинители и музык и стихов,
Похожие на этих Петухов.

1954

ПОЗИЦИЯ ЖУКА

Он начал штурм намеченной вершины,
Едва забрезжил утренний рассвет
Ему грозили страшные лавины –
Он лез и лез: преграды смелым нет!
Страх и смятенье преодолевая,
Боясь сорваться в пропасть каждый миг,
Он полз и полз, других опережая,
Он полз и полз... И цели он достиг!..
Ах, кто бы посмотрел, как важный Жук навозный
С той кучи мусорной взирал на двор колхозный!

1956

ЗЕЛЕНЫЙ И ВАРЕНЫЙ

Живой зеленый Рак, речной пропахший тиной,
Глазами пожирал собрата своего.
Тому естественной причиной
Был необычно яркий цвет его.
«О, как же он хорош! Как фрак его
прекрасен! —
Восторженно шуршал зеленый Рак. —
Да я любой клешней пожертвовать согласен,
Чтоб только нарядиться так!»
«Чему завидуешь, дурак? —
Сказала мудрая и старая Рачица. —
Ты тоже можешь быть так ярок и душист!
Для этого тебе достаточно свариться
И чтоб в кастрюльке был лавровый лист!»

Порой моих друзей такая зависть гложет,
Что только кипяток им, кажется, поможет!

1956

ЛЕВ И ЯРЛЫК

Проснулся Лев и в гневе стал метаться,
Нарушил тишину свирепый, грозный рык –
Какой-то зверь решил над Львом
поиздеваться:
На Львиный хвост он прицепил ярлык.
Написано: «Осел», есть номер с дробью, дата,
И круглая печать, и рядом подпись чья-то...
Лев вышел из себя: как быть? С чего начать?
Сорвать ярлык с хвоста?! А номер?!
А печать?!
Еще придется отвечать!
Решив от ярлыка избавиться законно,
На сборище зверей сердитый Лев пришел.
«Я Лев или не Лев?» – спросил он раздраженно.
«Фактически вы Лев! – Шакал сказал резонно. –
Но юридически, мы видим, вы Осел!»
«Какой же я Осел, когда не ем я сена?!
Я Лев или не Лев? Спросите Кенгуру!»
«Да! – Кенгуру в ответ. – В вас внешне,
несомненно,
Есть что-то львиное, а что – не разберу!..»
«Осел! Что ж ты молчишь?! – Лев прорычал в
смятенье. –
Похож ли я на тех, кто спать уходят в хлев?!»
Осел задумался и высказал сужденье:
«Еще ты не Осел, но ты уже не Лев!..»
Напрасно Лев просил и унижался,
От Волка требовал, Шакалу объяснял...
Он без сочувствия, конечно, не остался,
Но ярлыка никто с него не снял.

Лев потерял свой вид, стал чахнуть понемногу,
То этим, то другим стал уступать дорогу,
И как-то на заре из логовища Льва
Вдруг донеслось ослиное: «И-аа!»

Мораль у басни такова:
Иной ярлык сильнее Льва!

1957

ОСЕЛ В ОБОЙМЕ

Ослу доверили однажды пост завидный.
Лесным дельцам сказать не в похвалу,
Какой-то важный зверь, где надо, очевидно,
По дружбе оказал протекцию Ослу...
Осел на должности что было сил старался:
Одним указывал, других учить пытался;
Но как бы он себя с достоинством не вел, —
Каким он был, таким он и остался:
Ушами поведет — все видят, что Осел!..
По лесу поползли невыгодные слухи.
В порядке критики пришлось при всех признать:
«Не оправдал надежд товарищ Лопоухий!
Не справился. С поста придется снять».
И вот на пост Слона, ушедшего в отставку,
Зачислили Осла. Опять на ту же ставку!..
И снова слухи по лесу ползут:
«Он, говорят, проштрафился и тут!»
Одни смеются, а другие плачут:
«Что, если к нам теперь его назначат?!»

Вопрос с ослами ясен, но не прост;
Ты можешь снять с Осла, коль это нужно, шкуру
И накрутить ему за все ошибки хвост,
Но если уж Осел попал в номенклатуру,
Вынь да подай ему руководящий пост!

1957

БОЛЬНОЙ КАБАН

К ученой птице – умному Павлину –
Хавронья на прием явилась не одна –
Хавронья привела с собою Кабана.
(Павлин был доктором – умел лечить скотину!)
Павлин спросил: «Чем вам помочь, друзья?»
«Мой Боров заболел! – ответила Свинья. –
Весь день на всех рычит, копытами топочет –
Всем угрожает он! Знать ничего не хочет!
Доходит дело чуть ли не до драк.
Он никаких не терпит возражений
И не стесняется в подборе выражений».
«Я очень нервным стал!» – заметил мрачный Хряк.
Павлин задумался: «Скажите, а бывает,
Что и на Льва он голос поднимает?»
«Нет, этого пока не замечала я,
Со львами вежлив он», – прохрюкала Свинья.
«Быть может, он волков и тигров оскорбляет?»
«Нет, этого мой Хряк себе не позволяет!»
«Ну что ж, – сказал Павлин, – диагноз мой таков:
Поскольку ваш супруг не трогает волков,
Ни тигров и ни львов, а значит, разумеет,
Что голос повышать на сильного не смеет,
И перед ними вовремя робеет, –
Он, с точки зренья докторов,
Здоров!»

Знавал я одного начальника такого:
На подчиненных брызгал он слюной.
«Уволю! Накажу! – кричал он через слово. –
Как вы стоите тут передо мной?»
Его однажды вызвали, прижали,
И у него коленки задрожали:
«Простите! -- говорит. – Я нервный! Я больной!»

1957

ВОЛК-ДИПЛОМАТ

Зайчишка получил от Волка приглашенье
Пожаловать к нему с супругой на банкет
Другой бы отписал: «...Примите уверенья...
Я нездоров... Мерси... Пардон... Привет...»
Но данный Волк, хоть не был гуманистом,
На зайцев не рычал, когда встречал,
Их не травил в лесу, не трогал в поле чистом,
На их поклон поклоном отвечал...
Вот почему, польщенный приглашеньем,
Сказав Зайчихе: «Причешись! Пойдем!»,
Придумал громкий тост, предвидя угощенье,
И, преисполненный почтенья,
Явился Заяц к Волку на прием.
Хозяин гостю рад: «Как долго не видались!
Да вы поправились!»
«На целый килограмм!»
Пока в прихожей зайчики топтались,
Хозяин подмигнул зубастым поварам...
Я тот банкет описывать не буду.
Для полной ясности я лишь сказать могу,
Что повара к столу подали блюдо,
И это было... заячье рагу!

Сравнение мое, быть может, грубовато,
Но я имел в виду зайчат в системе НАТО.

1957

ЗНАКОМЫЙ ГОЛОС

О чем бы ни зашел случайный разговор,
Он тут как тут – и сразу просит слова:
«Зачем и от кого поставлен здесь забор?
Что там поет Петух? «Кукареку» не ново!
Козе – бубенчик? А Коню – хомут?
Где демократия? Где равноправный труд?
Гусиный выводок – не выводок, а каста!
Я не могу молчать! Довольно! Хватит! Баста!»
Восторженный галдеж пошел среди Ворон:
«Как смело говорит! Как независим он!
Вот это критика! Жаль только, голос тонок!..»
Не удивительно, что голос тонок был,–
То на дворе испытывал свой пыл
Самонадеянный молочный Поросенок!

Мне хочется сказать всем юным демагогам:
Прочтите басню вашим педагогам!

1957

ТИХИЙ ВОДОЕМ

Летела к югу стая диких уток.
Устав махать натруженным крылом,
Одна из них к исходу третьих суток
Отбилась от своих и села за селом.
К ней подплыла домашних уток стая —
Сородичи по пуху и перу:
«Останься здесь! Придешься ко двору!
Мы тут, как видишь, сыты, не летая!
Спокойно мы живем:
Нас не пугают выстрелы с болота —
Весной и осенью утиная охота
Обходит этот водоем...»
«Чуток передохну,— им Кряква отвечала,—
Но насовсем остаться не могу:
Мне, перелетной птице, не пристало
Сидеть безвылетно на вашем берегу!..»
Вот день прошел... Пошли вторые сутки...
Прошла неделя... Месяц... Минул год...
Как изменился нрав у нашей дикой утки:
Среди домашних до сих пор живет!
Она со всеми сыта у корыта,—
Что ей теперь озера и леса?!
И среди прочих тем лишь знаменита,
Что изредка глядит на небеса...

———

Я встретил как-то по перу собрата,
И он со мною откровенен был:
«Я не сую свой нос ни в споры, ни в дебаты!
И хорошо живу — дай бог, чтоб ты так
жил!»

1958

СМЕЛОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

«Что делать нам с Лисой!
Житья от Рыжей нет! —
Словами этими Индюк открыл совет. —
Все те, кто крякают, кудахчут на дворе,
Все скоро будут там... У Лисоньки в норе!
Кто хочет выступить? Какие есть сужденья?
Как проучить злодейку наконец?..»
Тут кто-то с места внес такое предложенье:
«Чтоб слышать издали Лисицы приближенье,-
Повесить ей на шею бубенец!..»
«Мы вовремя всегда успеем разбежаться!» —
Сказала Курица, приняв серьезный вид.
«Что ж! — согласился Гусь. — Что ж!
Я за это, братцы!
Идея хороша! Как в этом не признаться!
Но кто из нас ее осуществит?!»
«Ну, это уж технический вопрос!» —
Ответил тот, кто предложенье внес.

Я басню сочинил. Мораль ее проста.
Без практики, увы, теория пуста!

1958

СВИНКИ И СВИНЬИ

Сидели в клетке две Морские Свинки,
Владелец их гулял на вечеринке,
А Свинки те смотрели из угла,
Как за столом компания пила:
От выпитых без счета стопок водки
Тупели взгляды, хрипли глотки,
Бессвязной становилась речь,
Одних — тянуло в пляс, других — клонило лечь...
«Мне страшно! Я боюсь! — сказала Свинка Свинке, —
Мурашки у меня уже бегут по спинке...
Что, если завтра нас отправят в институт
И станут так травить, как этих травят тут?»
«Не делай выводов и приглядись сначала! —
Вторая Свинка первой отвечала. —
Никто не травит их. Они же сами пьют!
Ты слышишь, как они поют,
Хоть, правда, в голосах и нет у них единства!»
«Что ж происходит здесь?»
«Здесь происходит... свинство!»

1958

СОРОКА-НАУШНИЦА

Сорока запросто к Орлу домой ходила
(Что уж само собой довольно странно было.
Хотя не нам судить
О том, как жить орлам, с кем дружбу им водить
Но в данном случае Сорока та была
Подругой юности сестры жены Орла...).
Орел, что в облаках над прочими парил
И в силу этого от жизни оторвался,
По прихоти жены с Сорокою общался,
Ей лично лапку жал и с нею говорил.
Сорока верещит, Сорока в курсе дел:
Тот – свил себе гнездо, а этот – улетел...
Орел в два уха слушает Сороку,
А у нее любое лыко в строку:
«Я слышала на днях, как Соловей поет.
Подумать только, с кем концерты он дает:
Как ночью на пруду заквакают лягушки,
Он начинает вторить им с опушки...»
«Ну, а Скворец?»
«Ах, это ли певец!
Сказать по совести, он только то и знает,
Что каждую весну скворечники меняет...»
«Что скажешь про Дрозда?»
«Признаюсь, не тая,
Как осень, так глядит в заморские края...»
Сорока верещит без всякого стесненья –
Орел о птицах формирует мненье...

———

Иной, что мнит себя на должности Орлом,
Таких наушниц держит под крылом!

1959

ШАРИК-БОБИК

У ресторана «Горная вершина»,
Где ждут курортников и шашлыки и вина,
С утра до вечера крутился тихий Пес.
Всем посетителям равно хвостом виляя,
На трезвых не рыча, на пьяного не лая,
Он повседневно здесь свое дежурство нес.
Пес откликался на любую кличку,
И это у него вошло в привычку:
Окликнут Шариком — он вмиг хвостом вильнет.
«Эй, Бобик!» — он уже к чужой коленке льнет,
А сам глядит в глаза — глядит и не моргнет!
«А ну, Дружок! Поди сюда, собачка!»
Собачка тут как тут — и ей уже подачка:
Кидает чья-нибудь рука
То косточку от шашлыка
С кусочком сладкого, поджаренного жира,
То птичье крылышко, то просто ломтик сыра...
Нет, хлеба не искал курортный этот пес —
От хлебного куска он воротил свой нос...
Его собратья сторожат жилища,
На складах тявкают, врага по следу ищут —
Несут служебный долг, гордясь своим постом,
А этому милее кров и пища,
Добытые глазами и хвостом...

Любых мастей и видов тунеядцы!
Ведь это вы попали в басню, братцы!

1959

НЕВРУЧЕННАЯ НАГРАДА

За честный труд и поощренья ради
Один из Муравьев представлен был к награде —
К миниатюрным именным часам.
Но Муравей не получил награды:
Вышесидящий Жук чинил ему преграды,
Поскольку не имел такой награды сам!

Ах, если бы прискорбный этот случай
Был ограничен муравьиной кучей!

1959

ЗАВИДНОЕ УПОРСТВО

Хозяйка в кладовушке, на окне,
Оставила сметану в кувшинé.
  И надо ж было,
Чтоб тот кувшин прикрыть она забыла!
Два малых лягушонка в тот же час –
Бултых в кувшин, не закрывая глаз,
И ну барахтаться в сметане!.. И понятно,
Что им из кувшина не выбраться обратно,–
Напрасно лапками они по стенкам бьют:
Чем больше бьют, тем больше устают...
И вот уже один, решив, что все равно
Самим не вылезти, спасенья не дождаться,
Пуская пузыри, пошел на дно...
Но был второй во всем упорней братца –
Барахтаясь во тьме что было сил,
Он из сметаны за ночь масло сбил
И, оттолкнувшись, выскочил к рассвету...

Всем, с толком тратящим упорство, труд и пыл,
Я в шутку посвящаю басню эту!

1961

ЖУРАВЛЬ И ХАВРОНЬЯ

В «Лесных Пенатах»
На выставке картин художников пернатых
Произошел неслыханный скандал:
Портретом Журавля Хавронья возмутилась,
Как на базаре, с ним при всех сцепилась,
И тот в сердцах ей по загривку дал!
Все началось, как я сказал, с портрета.
Хавронья хрюкнула: «Как выставляют это!»
«Что именно?» — послышалось в ответ.
«Да всю эту мазню, включая ваш портрет!»
«Позвольте!..»
«Да! Да! Да! Вы не туда идете!»
«Помилуйте!»
«Погрязли вы в болоте!»
«Да как вы смеете!»
«Как смела до сих пор!..»
Печально кончился «дискуссионный» спор...
Но что, по существу, Хавронью так задело?
Хотите знать? Тут вот в чем было дело:
Журавль был графиком — он клювом рисовал,
Хавронья пятачком картины малевала.
Мазков на полотне — Журавль не признавал,
Штрихов на полотне — Свинья не признавала.

1962

НАГЛЫЙ ЗАЯЦ

Спасаясь от врага, что на него напал,
И мало что уже соображая,
Зайчишка, в страхе по лесу петляя,
В нору к Лисе с разбегу вдруг попал.
Нет, не убежище для Зайца лисья хата!
Косой хотел рвануть было назад.
Но тут, придя в себя, увидел «детский сад»:
Лисицы дома нет — в норе одни лисята!..
«Опять не повезло! — вздохнул наглец Косой. —
А я-то шел сюда расправиться с Лисой!..»

1963

СТАРЫЙ ЛЕВ

Лев юбилей справлял. Седой, почтенный Лев,
Как говорят, видавший в жизни виды.
Со своего поста ушел он, одряхлев,
За время долгих лет остыли страсть и гнев.
А чем тупей клыки, тем тяжелей обиды...
Когда-то грозный рык уж не страшит теперь
Того, кто перед ним всегда дрожал от страха.
Спокойный, мудрый нрав обрел с годами зверь,
И для него уже что – Слон, что – Черепаха!
И вот сейчас к нему посланцев шлют леса:
Овечки нараспев читают адреса,
И лапу жмут ему тушканчики степные.
«Да здравствует наш Лев! – Он слышит голоса. –
Живи еще сто лет!» – и возгласы иные...
А он? Что может он? Должно быть, ни-че-го!
Что было, то прошло! Все позади него!

Я был не раз на юбилеях Львов
И слышал множество пустоедейных слов.

1963

СИНИЦА ЗА ГРАНИЦЕЙ

Бездумной, легкомысленной Синице
Однажды довелось поехать за границу.
  Попав в заморскую среду
  И оказавшись на виду
  У иностранных какаду
И у павлинов с пышным опереньем,
Синица стала с непонятным рвеньем
  Чернить родной свой лес.
К Синице тотчас был проявлен интерес:
  В ее родном краю
Пока что у нее не брали интервью,—
А здесь вокруг скрипят чужие перья,
Колибри у нее автографы берут...
Синичка верещит: «Уверена теперь я,
Что по достоинству меня оценят тут!»
От лести у нее «в зобу дыханье сперло»,
И из нее такое вдруг поперло,
Что даже Попугай — столетний старичок —
Ей бросил реплику: «Попалась на крючок!»

1963

ШАКАЛ В ПОСОЛЬСТВЕ

Шакалу новый пост пришелся по душе:
Отныне он – посольский атташе.
А получил он назначенье это,
Поскольку с детства острый нюх имел
И в прошлом вел «отдел чужих секретов»
По министерству разных странных дел.
Упаковав дорожный чемодан,
Он прибыл, так сказать, в одну из дальних стран...
Посольский штат подобран был отменно:
Советник – Крокодил, в секретарях – Гиена,
А сам посол... Опустим данный ранг –
Допустим, что посол там был... Орангутанг!
Аккредитованный по всем статьям, Шакал
Стал носом землю рыть.
Но что же он искал?
То на чужом дворе окажется «случайно»,
То вдруг заглянет за чужой забор,–
Ему нужна хоть маленькая тайна,
И раздобыть ее мечтает он, как вор,
Ему любой секрет не терпится добыть...
И как-то, проявив особенную прыть,
Он сунулся туда, где хвост ему прижали!
«Шакал не виноват! – в посольстве завизжали.–
Он – дипломат! Он занимает пост!..»
Короче говоря, заморское посольство
Активно проявило недовольство.
Но у Шакала был в капкане – хвост,
А в объективе был – секретный мост!

———

Что ж, дипломатам некоторых стран
Полезно иногда напомнить про капкан.

1963

СПЛЕТНЯ

Веселый Чиж в пансионате «Клен»
Не ведал, что творит, когда однажды он,
По простоте душевной,
на скамейке
Спел песню на ушко знакомой Канарейке.
Наутро загудел лесной пансионат:
«Она ведь замужем! А он, поди, женат!»
«Вы видели, как он ей лапку жал,
Когда ее на ванны провожал!»,
«Он так влюблен,— вовсю злословят Куры,—
Что пропускает даже процедуры!»,
«Она меняет каждый день наряды,—
За туалетами ее не уследишь!..»
Чиж ловит на себе с утра косые взгляды,
И слышит за спиной, и слышит где-то рядом:
«Чиж с Канарейкой!»,
«С Канарейкой Чиж!»
«Они прошли!» — стрекочет вслед Сорока.
«Они идут!» — шипит жена Орла...
Затравленный вконец,
Чиж улетел до срока,
А Канарейка в клинику слегла...

Мещанское гнилое любопытство,
Как будто бы за нравственность борясь,
За дух морали выдает бесстыдство
И все хорошее затаптывает в грязь!

1963

СБОКУ ПРИПЕКУ

Зазнались голуби!
Их белокрылый брат
Стал символом борьбы за дело Мира.
О нем везде поют, повсюду говорят,
Его прославили
резец,
и кисть,
и лира.
Зазнались голуби!
У них надменный вид,
На даровых хлебах разъелись, словно куры.
Их представительство наглядно говорит
О разновидностях
и формах
конъюнктуры.

1963

ПОЛУПРАВДА

«Где наш отец?» — выспрашивал упрямо
Сын-Червячок у Мамы-Червяка
«Он на рыбалке!» — отвечала Мама...

———

Как Полуправда к Истине близка!

1964

МАТЬ...

«Зачем ты своему зайчишке
Заткнула в уши по зеленой шишке,
Как это понимать?» —
Седой Медведь спросил Зайчиху-мать.
«Охотники в лесу! — Зайчиха отвечала, —
И уберечь ребенка я спешу —
На то, чтоб нас убить, у них надежды мало,
Но уж наслушаться придется малышу...»

1965

СОМНИТЕЛЬНОЕ БАХВАЛЬСТВО

«Детеныша вскормить — не велика наука! —
Кормящей Львице Жучка изрекла. —
Ты угонись за мной! Попробуй! Ну-ка!
Я нынче семерых под утро принесла!..»
«Конечно, — проурчала мама Львица, —
В собачьей логике ты, может быть, права,
И все ж позволь с тобой не согласиться:
Я одного ращу, зато, как видишь, Льва!»

———

Приплодом никому не следует хвалиться —
Иному псу и лев в подметки не годится,
И то, что выдают порой за льва,
То может за кота сойти едва-едва...

1967

РАСТОРОПНАЯ КУРОЧКА

Забравшись под хозяйское крыльцо,
Пеструшка-курочка снесла себе яйцо
И раскудахталась, как будто что случилось —
Как будто не яйцом, а тыквой разродилась!
«Куд-куд-куда!.. Куд-куд-куда!..
Скорей, ко мне: Сюда! Сюда!..»
Сбежались куры. Смотрят на яичко.
«Чего шумишь! Кого зовешь, сестричка?»
«Зову хозяина! — Пеструшка им в ответ. —
Хочу, чтоб вовремя он утром съел омлет!»

1967

ТРУДНЫЙ ХЛЕБ

На конзаводе
Трудился добрый Конь — в упряжке, при подводе.
Он знал, что рысакам и чистокровкам
То, что положено по штату,— то дано.
И Конь завидовал их стойлам, их подковкам,
Подстриженным хвостам, холеным гривам, но...
Ни разу он не видел ипподрома,
Когда в поту и в пене, на кругу,
Трехлетка-жеребец от Ласточки и Грома
У финиша хрипит: «Боюсь не добегу!»
Вот так иной судить-рядить берется
О тех, кто на виду и как кому живется...

1969

РУСЛАН И ТРЕЗОР

«Чего ты все ворчишь — все чем-то недоволен?! —
Спросил Руслана пес Трезор. —
С чего бы у тебя такой потухший взор?
Иль чем-нибудь ты ненароком болен?»
«Поди ты... — прорычал Руслан в ответ. —
Осточертел мне белый свет!»
«Да чем же он тебе осточертел, однако?
Ты сыт, и ты в чести, как ни одна собака, —
За службу верную ты получил сполна,
На выставке медаль, гляди, тебе дана — и не одна!
Чем на своих рычать, кидаться, гавкать, злиться,
Ты мог бы опытом с молодняком делиться.
Слова мои ты не прими в укор!»
Поставил точку смелый пес Трезор.

Хочу сказать я этим диалогом
Пусть не о многих, но зато о многом!

1970

БОЛЬШАЯ КОСТЬ

Ворона жадная, раскрывши клюв, глядела,
Как пес Волчок со смаком кость глодал.
Той костью овладеть Ворона захотела
И сверху вниз, как ястреб, налетела!
Такого натиска Волчок не ожидал.
И он, не разобрав, откуда кто напал,—
Шасть под крыльцо!
А наглая воровка,
Что подлый свой маневр придумала так ловко,
Вцепилась в кость... Однако кость была
Не по Вороне тяжела.
И как Ворона ни старалась,
Ни тужилась, ни надрывалась,
Все ж уволочь с собой добычу не смогла,
Да хорошо еще, сама жива осталась —
Волчок, придя в себя, ей вырвал полкрыла!

———

Одна из первых мер предосторожности:
Соразмерять желанье и возможности.

1970

МИРАЖ

Щенок был одинок — он в детстве потерялся
И вот теперь с трудом в собаки выбивался:
Тут переспит, там драку обойдет,
Где выпросит кусок, где стянет, где найдет,—
Короче говоря, жилось бедняге туго,
Бездомный, он искал в любом мальчишке друга.
Однажды увязался за одним,
Весь день сопровождал, хвостом ему виляя,
В глаза смотрел, подобострастно лая,
Но от порога был опять гоним...
За чье-нибудь крыльцо, под чей-нибудь забор,—
Когда бы спать бедняжа ни ложился,
Один мираж ему туманил взор,
Один блаженный сон ему упорно снился,
Один и тот же сон сегодня, как вчера:
Ошейник. Цепь. Собачья конура...
Когда же этот сон однажды сбылся,
Он тихо стал скулить с утра и до утра...

1972

СОБАКА И ОСЕЛ

Собака каждый день хозяина встречала,
Когда он поднимался на крыльцо,—
Стараясь показать, что без него скучала,
Она пыталась, всякий раз, сначала
Как можно ласковей лизнуть его в лицо.
Хозяин, потрепав ее по шее,
В дом проходил за ней иль перед нею...
Осел, что тоже нес при том же доме службу,
Решил с хозяином свою упрочить дружбу —
Приветствуя его однажды горячо,
Он положил ему копыто на плечо
И так хозяину перемусолил баки,
Что тотчас на спине почувствовал метлу...

То, что позволено собаке,
То не дозволено ослу!

1973

УЧЕНЫЙ КОТ

В испуге от Кота спасалась бегством Мышка,
И вот, еще чуть-чуть – и ей пришла бы крышка!
Да подвернулась норка на пути:
Не часто может так Мышонку подвезти!
Кот возле норки сел, притих и, переждав,
Затявкал по-собачьи: «Тяв! Тяв-тяв!»
Известно, что мышам не так страшна собака!
Тут Мышка вылезла... И ей пришел конец!
«Один чужой язык полезно знать, однако!» –
Заметил про себя ученый Кот-хитрец.

1973

ЧЕРВЯК НА КРЫЛЬЯХ

Скворец схватил однажды Червяка
И вместе с ним вознесся в облака...
Другой Червяк пускай теперь доложит,
Что он летать, рожденный ползать, может!

1977

ДЫМ БЕЗ ОГНЯ

Нет ничего гнуснее Лжи,–
Но то, что это Ложь,– попробуй докажи!

———

Прошел по лесу слух, что будто Заяц – вор.
(Что он украл – не ясно до сих пор!)
Напрасно Заяц наш пытался оправдаться:
«Что я украл? Когда и у кого?
Все это ложь! Вы разберитесь, братцы!»
Никто не захотел за экспертизу браться –
У всех хватало дела своего...
Косой дошел до Льва. Тот, видно, был не в духе,
В пол-уха выслушал Косого и сказал:
«Уж лучше ты признайся, Лопоухий,
Когда не крал, то что без спросу взял?»
И где теперь ни появись Зайчишка,
Все говорят: «Ну, как дела, Воришка?»

1980

ОРЛЫ И ВОРОБЬИ

Гнездятся беркуты в горах, бог знает где! –
В заоблачных краях, на неприступных скалах
И беркутят воспитывают малых,
Как и положено, в своем родном гнезде.
У крупных хищников обычаи свои –
Орлы и Львы не любят мелочиться!
Пронюхав это, стали воробьи
С орлиною семьей в одном гнезде селиться.
Орлиное гнездо настолько велико,
Что Воробьишке в нем пристроиться легко –
И есть, где жить, и есть, чем поживиться...
Орел домой с охоты прилетит –
Накормлены прожорливые детки,
А там, глядишь, и Воробьишко сыт –
С орлиного стола ему идут объедки.
До этого Орлу и дела нет,
Лишь был бы у него у самого обед...
– Как можешь ты иметь таких соседей? –
Однажды у Орла спросил Медведь. –
Признаюсь откровенно, мы, медведи,
Таких нахлебников не стали бы терпеть!
Орел сказал: – Да просто я привык
К тому, что по утрам я слышу: «Чик-чирик!»

———

Есть люди, как такие воробьи,
У них для жизни правила свои.
Попробуй ухватить такого за полу,
Он тотчас завопит: «Пожалуюсь Орлу!»

1980

ЩЕНОК И ГАДЮКА

Гадюка заползла на солнечный пенек,
Где разлеглась, свое расправив тело.
К ней несмышленый подбежал Щенок –
Общался он не с теми то и дело!
«Я вижу, ты одна! – сказал Щенок Змее. –
Давай с тобой дружить, пока нам не наскучит.
Я не спешу домой – меня в моей семье
С утра до вечера чему-нибудь да учат!»
Напрасно от Змеи Щенок ответа ждал,
Как мертвая, она не отвечала.
И вдруг, пока Щенок еще вблизи стоял,
Свернулась вся в клубок и в ход пустила жало.
Так глупенький малыш бесславной смертью пал...

Приходят с возрастом и опыт, и наука –
Уменье различать, где Уж, а где Гадюка.

1980

ДВА ВОРОБЬЯ

Упитанный и гладкий Воробьишка
В районе повстречал худого Воробья:
«Откуда и куда летишь, братишка?
Какие, так сказать, оставил ты края?»
Худой ему в ответ: «Могу тебе открыться!
Хочу у вас немного подкормиться —
Цель у меня действительно одна!
Ты не суди меня за это строго,
Откуда я лечу, поверишь, на дорогах
Мне не сыскать ни одного зерна!»
«У нас, конечно, есть чем поживиться! —
Сказал Толстяк. — Когда идет страда,
По нашей области, там, где везут пшеницу,
Ты наклюешься зерен без труда!»

———

Когда уж Воробьи о хлебе так судачат,
Так это что-нибудь да значит!

1980

ДОБРЫЕ СОВЕТЫ

ТЕМНОТА

Построил очень странный дом
Один большой чудак.
На месте были в доме том
Крыльцо, подвал, чердак,
Труба на крыше, и балкон,
И каждая стена,
Но в доме не было окон —
Ни одного окна!

И стало жить семейство в нем:
Отец, и мать, и дочь.
И часто им казалось днем,
Что наступила ночь.
Отец ложился днем в кровать,
Кричал: «Тушите свет!»
А в полночь говорила мать:
«Пора варить обед!»

При свете вечного огня,
За каменной стеной,
С любым веселым часом дня
Смешался час ночной.

Но как-то раз сказал отец
Семейству своему:
«Мне надоело наконец!
Чего мы терпим тьму?»
И, с фонарем найдя топор,
Он в руки взял его
И прорубил окно во двор
Из дома своего.

Но было за окном темно —
Была в ту пору ночь.

«Светлей не станет все равно!» —
Отцу сказала дочь.
«Что есть окно, что нет окна —
Один и тот же свет!
Теперь испорчена стена!» —
Был матери ответ.
И в наступившей тишине,
Споткнувшись о кровать,
Отец сказал: «Придется мне
Окно замуровать!»

Все — от строки и до строки —
Я просто сочинил.
Ведь есть такие чудаки,
Которым свет не мил.

1944

РОЖДЕНИЕ ОДЫ

К начальству вызвали бухгалтера-поэта,
Но принимал его не «зав», а «зам»:
«Вы пишете стихи, у вас выходит это,
А вот у нас выходит стенгазета,
И басни в ней писать мы поручаем вам!
Разить порок пером учитесь у Крылова –
Возьмите образы зверей.
Курьершу хорошо изобразить Коровой,
Инспектора – Бобром... А впрочем, вам видней!»
Поэт, придя домой, был от смущенья красен:
Он знал, что путь его отныне стал опасен,
Ведь многие не любят басен.
Но все же сел писать,
Начальству своему не в силах отказать.
А надобно сказать,
Был в этом пыльном тресте
Для баснописца непочатый край:
«Зав» – бюрократ (ни совести, ни чести!),
«Зам» – подхалим, завхозу – что ни дай!
Кого сравнить с Ослом? Кого с Енотом?
Кого назвать Свиньей? Как ни крути – поймут,
А там подсиживать начнут,
Чуть что – отнимут счеты
И выгонят с работы...
Поэт трудился до седьмого поту:
Стопу бумаги измарал,
Весь мир животных перебрал –
Опасна каждая порода!

Вертел поэт, крутил, к утру зашел в тупик.
Обратно повернул, и в тот же миг...
Хвалебная начальству вышла ода!
Не ожидал он сам такого хода!

От баснописца не добьешься толка,
Когда он лезет в лес, а сам боится волка!

1945

ТОЛСТЫЙ И ТОНКИЙ

«Я лягу на полок, а ты потри мне спину,—
Кряхтя, сказал толстяк худому гражданину.—
Да хорошенько веничком попарь.
Вот так-то я, глядишь, чуток и в весе скину
Ты только, братец, не ошпарь!»
Трет Тонкий Толстого. Одно пыхтит лежачий
«Еще разок пройдись!.. Еще наддай!..
А ну, еще разок! Смелей — я не заплачу!
А ну, еще разок!..» — «Готово, друг! Вставай!
Теперь я для себя парку подкину.
Мочалку мылить твой черед!»
«Нет, братец, уж уволь! Тереть чужую спину
Мне не положено по чину.
Кто трет другим, тот сам себе потрет!»

Смеялся от души народ.
Смотря в предбаннике, как Тонкий одевался
И как в сторонке Толстый волновался:
Он чином ниже оказался!

1945

ТЕКУЩИЙ РЕМОНТ

«Иван Тарасович, а я к тебе по делу!»
«Ну, в чем твоя нужда?» — «Да мне немного мелу!
Пока стоят хорошие деньки,
Хотим мы побелить в конторе потолки,
И мелу сущие нам нужно пустяки!»
«Ты больно скор, тут надобно решенье!»
«Да ведь горит у нас!» — «А ты имей терпенье,
Такой вопрос нельзя решать сплеча
И сгоряча,
Здесь важно мнение Степана Кузьмича!
Посмотрит Клим Фомич и даже сам, быть может,
Матвею Саввичу доложит,
Тот резолюцию наложит
И сам поставит на совет.
А уж совет решит, белить вам али нет!..»
«Ну и дела у вас!» — «Сам видишь — не гуляем!»
«Все трудитесь?» — «Да, братец, заседаем!»

В основу басни сей я взял нарочно МЕЛ.
Чтоб не затронуть поважнее дел!

1945

ГИГАНТ И ЦИТАТА

Один Гигант районного масштаба
Прославился на всю округу тем,
Что на любую из насущных тем
Мог прочитать доклад — на пять минут хотя бы,
Но мог и растянуть на пять часов подряд —
За счет цитат...
Вот как-то при одном из выступлений,
Уже почти кончая свой доклад
Набором исторических сравнений,
Гигант запнулся... Люди говорят,
Что как бедняга ни старался,
Как за стакан с водой ни брался,
Но как дойдет до места: «...фараон,
По имени Тутанхамон...» —
На этом слове спотыкался,
Произносил невнятно первый слог,
А три других совсем сказать не мог.
Так фараон безвестным и остался!
А виноват
Во всем был аппарат
И тот, кто сочинил сей каверзный доклад,
Кто в глубине души таил надежду,
Что выведет на свет невежду!

По мне, уж если прибегаешь
К чужим и мыслям и трудам, —
О чем с трибуны «докладаешь»,
Ты заучи хоть по складам!

1945

ПЕГАС И ПОЭТ

В глухой, полночный час
Один Поэт стал призывать Пегаса.
  Услышал этот зов Пегас
  И прискакал с Парнаса.
«Послушай, добрый конь,— сказал ему Поэт,—
  Ты служишь мне немало лет,
А толку от тебя, я вижу, нет и нет:
Что я ни напишу, за все меня ругают,
Ни песен не поют, ни сказок не читают.
  В чем дело? В чем секрет?»
«Изволь,— сказал Пегас.— Меня манит полет,
Безудержный галоп за мыслью вдохновенной!
Я Пушкина знавал. Вот был ездок отменный!
Как вспомню я о нем, так, право, дрожь берет!
А ты свои стишки строчишь в часы досуга
  И вот уже который год
Садишься на меня все задом наперед
  И все рысцой трусишь на мне по кругу!
Ну что ж, поехали? Уж солнышко встает».

На днях прочел стихов две толстые тетрадки,—
Как видно, наш Поэт не изменил посадки!

1945

СМЕШНАЯ ФАМИЛИЯ

Каких фамилий только нет:
Пятеркин, Двойкин, Супов,
Слюнтяев, Тряпкин-Дармоед,
Пупков и Перепупов!

В фамилиях различных лиц,
Порою нам знакомых,
Звучат названья рыб и птиц,
Зверей и насекомых:

Лисичкин, Раков, Индюков,
Селедкин, Мышкин, Телкин,
Мокрицын, Волков, Мотыльков,
Бобров и Перепелкин!

Но может некий Комаров
Иметь характер львиный,
А некий Барсов или Львов –
Умишко комариный.

Бывает, Коршунов иной
Синичкина боится.
А Чистунов слывет свиньей,
А Простачков – лисицей!

А Раков, если не дурак,
Невежда и тупица,
Назад не пятится, как рак,
А все вперед стремится!

Плевков фамилию сменил,
Жемчужиным назвался,
Но в основном – ослом он был,
Ослом он и остался!

А Грибоедов, Пирогов
Прославились навеки!
И вывод, стало быть, таков:
Все дело не в фамилии, а в *человеке!*

1946

ОКЕАН И ПРОФАН

В морских делах не спец, верней – Профан,
Впервые с берега увидел Океан
В безветренную, ясную погоду
И с удивлением сказал, смотря на воду:
«Какие враки мне плели,
Что это, мол, вода ломает корабли!
Взгляните, как она прекрасна!
Где ж эта грозная волна,
Что так страшна
И так опасна?»
И на воду велев спустить челнок
(Остановить никто его не мог!),
Он тотчас в плаванье пустился.
Откуда ни возьмись, поднялся ветерок,
И Океан зашевелился –
Пошла расти волна, а ветер подналег
В сиянье солнечной погоды.
И вот средь бела дня так взбушевались воды,
Что наш несчастный в утлом челноке,
С веслом в руке,
Не видел бы вовек родного небосвода,
Когда б не помощь с парохода,
Что был в тот миг невдалеке...

Встречаются подобные профаны!
Глядишь, иному уж совсем конец! –
Идет ко дну, в глубины океана...
Но... с парохода кинули «конец»,
И он опять доволен и смеется
И снова обо всем судить берется.

1947

ПОЭТ И НАБОРЩИК

Один Поэт,
Молчавший много лет,
  Напал на тему,
В две ночи настрочил поэму
  И сдал ее в печать,
Сказав решительно: «Довольно мне молчать!»
  На третью ночь Поэту сон приснился:
Какой-то человек во сне ему явился.
«Что надобно тебе?» — спросил его Поэт.
  «Ты нужен мне! — услышал он ответ. —
Я прочитал твой труд. Мне смысл его не ясен.
  Я не согласен
С поступками людей, которых вывел ты!
Герои строк твоих фальшивы и пусты!
Где ты вокруг себя нашел их и увидел,
  Откуда выкопал? Верней,
Зачем ты клеветой унизил и обидел
  Живых героев наших дней?»
«Как смеешь ты судить о том, чего не знаешь! —
  Вскричал Поэт. — К чему твой разговор?
Не нравятся стихи, зачем ты их читаешь?»
  «Я вынужден читать: я делаю набор!»

К иным наборщикам, к их мыслям и советам
Полезно иногда прислушаться поэтам.

1947

ЗАВИСТЛИВЫЙ БОЛЬНОЙ

«Приятелю привет! И ты, брат, на леченье?»
«Эх, лучше бы меня не спрашивал, Бобров!
Тут я к себе узнал такое отношенье,
  Что, видно, мне придется заявленье
  Строчить на здешних докторов!
  Одним больным – пилюли и микстуры,
Другим – и порошки, и грязи на живот,
И гальванические утром процедуры,
То ванны, то массаж, то на голову лед,
  Им специальная диета,
И более того: их водят на укол!
А мне, поверишь ли, прописан общий стол,
Побольше двигаться и не курить при этом.
И больше ни-че-го! Здесь явный произвол!..»

Ей-ей, такие есть, что завистью исходят,
Когда при них другим зонды и шприцы вводят!

1947

ТЩЕСЛАВИЕ

«Здорово, друг!» — «Ах, это ты? Привет!»
«Куда спешишь?» — «Такое, брат, случилось:
Я напечатался! Вот номера газет!»
«Ты напечатался? Скажи на милость!
Куда же ты бежишь?» — «Порадовать семью!»
«Так что ж ты сочинил? Рассказ? Стихи? Статью?
Не знал я за тобой, что ты владеешь слогом».
«Да нет... В числе других фамилию свою
Я подписал вот здесь! Смотри! Под некрологом!»

1948

ИВАН ИВАНЫЧ ЗАБОЛЕЛ...

Иван Иваныч заболел,—
Не потому, что он дурное что-то съел
  Иль сквозняком его продуло,—
Но уж едва-едва он привстает со стула
  И еле-еле руку подает,
  А многих вообще не узнает.
Что спросишь — он в ответ то промычит невнятно,
  А то возьмет да заорет:
«Я занят! Нет меня! Закройте дверь! Понятно?..»
Жену оставил он. С семьей он не живет...
Ближайшие друзья ему дают советы:
  Один рекомендует спорт,
  Другой — поехать на курорт,
  А третий — соблюдать диету...
Больному нашему не впрок ни то, ни это!
    Но вот
Иван Иваныча взялся лечить народ:
В один прекрасный день его освободили
    От всех забот,
  Что у бедняги были,
    От всех хлопот
    И даже от
    Автомобиля,
Что день и ночь дежурил у ворот!
  И все пошло наоборот:
Иван Иваныча как будто подменили:
Кого не узнавал — теперь он узнает,
Кого не принимал — тех в гости сам зовет,
С людьми он говорит охотно, просто, внятно,
Вернулся он в семью, отлично в ней живет...
    Понятно?!
              Вот!

1950

КОЛИЧЕСТВО И КАЧЕСТВО

«Поздравь меня, товарищ Петушков!»
«С чем?» — «С премией!» — «За что?»
«Да как за что? Сверх плана
Я выпустил сто тысяч гребешков
И в сеть торговую забросил без обмана!
А ты, должно быть, от текущих дел
Совсем, я вижу, облысел?»
«Нет, братец, потому я без волос остался,
Что гребешком твоим сегодня причесался!»

Ты эту басенку запомни, бракодел,
Покамест «Фитилю» случайно не попался!

1950

ПОРТНОЙ НА ЛАВРАХ

Жил-был мужской портной – хороший мастер,
«Собаку съел» он по портновской части,
И это было видно по тому,
Что каждый, кто хотел принарядиться,
Мечтал попасть на очередь к нему:
Так трудно было мастера добиться.
И в самом деле,
Портной не портил зря сукно –
Отлично на заказчиках сидели
Что пиджаки, что брюки – все равно!
Сезон сменял сезон – так проходили годы.
Наш знатный мастер жил да жил,
Все шил да шил.
Росла о нем молва – росли его доходы...
Но вдруг
Все стали подмечать вокруг,
Что у портного изменилась хватка
И, невзирая на размер задатка,
Известным мастером пошитое пальто
Уже не то!
Обужена спина. Не там, где надо, складка.
Морщит подкладка.
Неладно вшиты рукава...
Другая разнеслась по городу молва,
А там узнали все, ушам своим не веря:
Кроят и шьют теперь в портновской
подмастерья!
А мастер, задавая важный тон,
Лишь помогает выбирать фасон.
Сам больше не кроит, не шьет, не мерит он,
Он лишь визирует готовые изделья
И даже запил от безделья...
Свой опыт растеряв в теченье ряда лет,

Портной в конце концов совсем сошел на нет
И отказались от него клиенты.

Да! К месту здесь сказать: иным идут во вред
Излишние аплодисменты!

1951

КОГДА ВЕЗЕТ

Всех по дороге обгоняя,
Неслась машина легковая.
И тот, кто за рулем сидел,
На всех людей, пешком идущих
И на колесах отстающих,
С пренебрежением глядел.

Но с ним в пути беда случилась
Машина вдруг остановилась!
И тот, кто за рулем сидел,
Теперь уж на людей идущих
И даже на волах ползущих
С печальной завистью глядел.

Он над мотором неисправным
Капот бесцельно поднимал,—
По существу и в самом главном
Он ничего не понимал...

———

Тот, кто без знаний и уменья
Стремится вырваться вперед,
Не так ли полон самомненья
В тот миг, когда ему... везет?!

1951

ПРОСТАЯ СПРАВКА

Раз вышла с басней у меня запарка:
Я сел писать про львиный юбилей,
А сколько львы живут? Забыл я, хоть убей!
Ну что же, позвоню в контору Зоопарка!
Звоню. Прошу помочь в неведенье моем.
Мне отвечают очень лаконично:
«Подобных справок мы заочно не даем!
Зайдите лично!»
Что делать? Захожу. Прошу мне справку дать.
«Откуда? Кто такой?» — «Поэт я. Автор басен».
«Придется подождать!» — «Ждать? Что, вопрос не ясен?»
«Нет, ясен ваш вопрос, но... надо подождать!»
Покорно жду... И наконец решенье:
«Львы не собаки! (Важный аргумент!)
Придется вам прислать с запросом отношенье —
Получите ответ на документ!..»
И дело это кончилось на том,
Что приобрел я Брема первый том
И там про львов прочел такие вещи!
И сколько львы живут, и кое-что похлеще...

Такую «бдительность» иные проявляют,
Чтоб ни за что нигде не отвечать,
А сами, между прочим, оставляют
В открытом сейфе круглую печать!

1952

ТАЛАНТЫ И КОММЕРСАНТЫ

В народный суд явились два Поэта.
«О чем вы спорите?» – спросил у них судья.
«Мы спорим о правах на авторство сюжета! –
Сказал один Поэт. – А означает это,
Что рифмы здесь – его, а в рифмах мысль – моя!»
«Да! – заявил другой. – Он подсказал мне тему.
Но пусть народный суд сейчас подскажет нам,
Как славу нам делить и деньги за поэму?
Я предлагаю треть. Он хочет – пополам!»

Дал Пушкин Гоголю сюжет
Бессмертного произведенья,
Но он не ждал вознагражденья,
Не намекал на свой бюджет...
Как широко щедры таланты
И как ничтожны коммерсанты!

1952

СО СВОЕЙ КОЛОКОЛЬНИ

«Пал Пахомыч! Помоги!
В пятом цехе паника:
Лаптев просится в колхоз!
Отпустить механика?»

«Лаптев? Просится? В колхоз?
Лаптев пусть останется.
Отпустите Кузьмина:
Жулик он и пьяница!»

«Пал Пахомыч! Мы горим!
Говорю заранее!
Темкин ехать на село
Изъявил желание».

«Темкин? Ехать? На село?
С производства нашего?
Оформляйте на отъезд
Лодыря Балбашева».

«Пал Пахомыч! Как нам быть?
Мать и дочь Ведерины
Наш поселок на село
Променять намерены!»

«Наш поселок? На село?
Две многостаночницы?
Сплавьте Тряпкиных-сестер!
Надоели склочницы!..»

Принимаются у нас
Важные решения.
Выполнять бы надо их
В срок! Без промедления!

Но сидят то там, то тут
Те чины казенные,
Что взирают свысока
На дела районные.

1953

КЛАДОВАЯ ПОЭТА

Поэт Аркадий Деловой
В своей домашней кладовой
Хранил запасы нужных слов
Для сочинения стихов:
Мешок «лугов», мешок «полей»,
Вязанку «лип» и «тополей»,
Две бочки «зорь», одну – «ночей»,
Кадушку «ласковых очей»,
Ушат «разлук», корзину «грез»,
Набор «девичьих кос» и «слез»
И ящик возгласов: «Ура!»,
«Вперед!», «Дружней!» и «На-гора»...

Из этих бочек и мешков
Он черпал мысли для стишков,
Употребляя так и сяк
Одних и тех же слов косяк.
Его терпели много лет,
Но как-то раз сказали: «Нет!
Не подойдет. Стихи – мура,
Сегодня те же, что вчера!
Ни новых слов, ни новых тем,
Вы исхалтурились совсем!»
Поэт Аркадий Деловой
Весь вечер рылся в кладовой,
Там все мешки перевернул,
Во все кадушки заглянул,
Но кроме «зорь», «лугов», «полей»,
«Девичьих слез» и «тополей»,
«Разлук» и «ласковых очей»

И кроме прочих мелочей –
Для созиданья новых строк
Он ничего найти не смог!..

———

Мы здесь назвали кладовой
То, что должно быть головой.

1953

КЛАССИЧЕСКИЙ ПРИМЕР

Два молодых поэта
Пришли в один журнал.
Сверхосторожный критик
В журнале им сказал:

«Все ваши сочиненья
Вы пишите вдвоем.
Прошу вас, расскажите
О методе своем.
Писателю, поэту,
По мненью моему,
Естественнее как-то
Трудиться одному».
Один поэт замялся,
Вздохнул и промолчал.
Другой поэт, подумав,
С улыбкой отвечал:

«Зачем вам это надо,
Чтоб я творил один?
А Сухово-Кобылин?
А Салтыков-Щедрин?
А Щепкина-Куперник?
А Мамин-Сибиряк?
А Шеллер и Михайлов?
Они писали как?»

Смутился горе-критик
(Он был хоть сед, но сер):
«...Меня вы убедили —
Классический пример».

1953

ПРОСТОЙ СЕКРЕТ

Морозный был денек.
Два председателя — колхозных два соседа —
Погреться в чайную зашли «на огонек»,
Здесь по душам пошла у них беседа:
«Кирилл Прокофьевич! Желаю долгих лет!
  Я пью за твой авторитет,
Хотя ты позабыл о старом друге!
Что ж... Слава о тебе гремит по всей округе!..»
  «Зря, зря, Демьян Кузьмич!
  Я, знаешь, не из тех,
Которым кружит голову успех.
  Твои-то как дела?»
  «Мои-то? Хуже всех!
Небось читал районную газету?
Опять нас, грешных, взяли в оборот!
        Ну и народ!
Ну, никакой сознательности нету!
Ославили по свету!.. Еще по маленькой?»
  «Не хватит ли, сосед?
  Один ты выпил полграфина!»
«Да эта порция мне что слону дробина!
  Ты лучше дай совет
И опыт передай, как смог всего добиться!»
«Могу, Демьян Кузьмич, с тобою поделиться!
Секрет простой: я каждый день чуть свет
  Встаю, чтобы начать трудиться,
  А ты с того день начинаешь свой,
  Что, еле встав, с тяжелой головой
  Все ищешь, где б опохмелиться!»

1954

БЮРОКРАТ И СМЕРТЬ

За Бюрократом Смерть пришла,
Полдня в приемной прождала,
Полдня в приемной просидела,
Полдня на очередь глядела,
        Что все росла,
        А не редела...
И, не дождавшись... померла!

«Что-о? Бюрократ сильнее Смерти?»
Нет!
Но живучи все же, черти!

1954

РАДИ ДРУГА

«На славу угощу! Держи стакан, сосед!
Вина такого не пивал ты сроду:
Ты только посмотри его на свет!
Попробуй на язык, увидишь: слаще меду!»
Пригубил гость стакан, отпил глоток вина,
Поморщился... но выпил все ж до дна.
«Ну, как вино?»
«Признаться, скулы сводит,—
Оно, видать, давно в бочонке бродит?»
«Опомнись! Бог с тобой, дурная голова!
Чем говорить такие-то слова,
Не лучше ли вино распробовать сперва?»
«Уж я распробовал!»
«Распробовал, да худо!
Придется повторить!»
«И не проси, не буду!
Я выпить был бы рад, но, право, не могу:
Недавно я хворал... Желудок берегу!»
«Давай, давай!»
И гость как ни старался,
Но устоять не смог: так в стельку нализался,
Что к вечеру уже в больнице оказался...

Пей, да с умом, и не греши вином!
Читатель мой! Смысл басни здесь в ином:
Нередко просят нас (не видя в том дурного)
Взять в штат работника заведомо дрянного,
В котором толку нету ни на грош.
А ведь нажмут покрепче — и возьмешь!

1954

СОКРАЩЕНИЕ РАСХОДОВ

Министр... а впрочем, нет! – директор Зоосада
Раз получил приказ. В нем говорилось: «Надо
Предельно сократить расход зерна на птиц».
Директор списки взял – Дроздов, Щеглов, Синиц –
И, сократив сто сорок единиц,
На место их зачислил трех Орлиц,
Которым с этого же часа
Пошло довольствие: уж не зерно, а мясо!
Сто сорок или три?
Что ж! Не одно и то же!
А в корень посмотри:
Ведь мясо-то дороже?!

Не так ли в министерских аппаратах
Решают иногда вопрос о штатах?

1954

БОГАТЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Два друга встретились: «Привет! Кого я вижу!»
«Привет, привет!» — «Откуда?» — «Из Парижу!»
«Ты был во Франции?» — «Да вот, как видишь, был!»
«Ну, расскажи скорей, как жил, куда ходил?»
«Признаться, мне жилось в Париже преотменно!»
«Ты видел Нотр-Дам? Понравилась ли Сена?» —
«Я сена не искал. А что до нотр дам,
Скажу по совести, что их премного там,
И всех мастей! Но только нет, шалишь!
Не дам смотреть я послан был в Париж!»
«Зачем же ездил ты, приятель, за границу?»
«А что тут много говорить,
Нам есть чему в Европе поучиться,
Чтоб лучшее потом у нас внедрить!»
«Какие ж новые ты видел достиженья?»
«Что ж... Видел кое-что... К примеру, взять кино:
У *них* в кино разрешено куренье,
У *нас* в кино курить запрещено!
А пепельницы там! Оформлены прекрасно!
А если бы ты знал, каких я вустриц ел!
Постой, куда же ты?» — «Да все уже мне ясно:
Хоть много видел ты, да не туда смотрел!»

Таким «мыслителям» зачем бывать в Париже?
Их можно посылать куда-нибудь поближе!

1956

ЧУЖАЯ БЕДА

От шума за окном проснувшись на заре,
Испуганный Степан спросонья догадался,
Что это наглый волк к соседу в хлев забрался
И режет у него скотину на дворе.
«Я думал, что тебя, Петрович, дома нет,—
С укором поутру встречал его сосед.—
Чего же ты с ружьем на улицу не вышел?
Волк ночью у меня теленка уволок!»
«А я намаялся и спал без задних ног! —
Зевнул в ответ Степан.— Я ничего не слышал...»

Урок тому сей басней дан,
Кто глух и слеп к соседским бедам.
Но может ведь иной Степан
Сам стать Степановым соседом.

1956

ТРИ ПОРТРЕТА

Был однорук и одноглаз
Великий хан Ахмед.
Трем живописцам как-то раз
Он заказал портрет.

«Иметь портрет угодно мне,—
Всем трем он заявил,—
Где б я в бою и на коне
Написан вами был!»

Трубят рога. На грозный суд
Того, кто всех сильней,
Два первых автора несут
Работу многих дней.

Перед портретом хан встает,
Разгневан, возмущен;
Нет! Он себя не узнает!
Нет! На коне не он!

«Я одноглаз и однорук,
А этот хан сидит —
Двумя руками держит лук,
Во все глаза глядит!

Ты исказить меня посмел,
И ты мне дашь ответ!»
«Казнить угодника»,— велел
Сердитый хан Ахмед...

Своим вторым портретом хан
Не меньше оскорблен.
«Я узнаю коварный план! —
Затрясся в гневе он.—

На радость всем врагам вокруг
Ты подчеркнул, смутьян,
Что одноглаз и однорук
Твой повелитель хан!..»

Так портретист-натуралист
Погиб во цвете лет...
Его собрат, дрожа как лист,
Еще несет портрет.

Поскольку хан изображен
Верхом и не анфас,
Неясно, однорук ли он
И есть ли правый глаз.

Видна здоровая рука,
Что крепко держит щит,
И левый глаз, что цел пока,
Как у орла, глядит!..

Художник этот стал богат,
Ходил в больших чинах
И умер, люди говорят,
При многих орденах.

Я среди авторов не раз
Встречал таких ребят —
Они не пишут жизнь анфас,
Все в профиль норовят!

1956

ДАЛЬНОВИДНАЯ САМОКРИТИКА

К начальнику явился подчиненный
И заявленье положил на стол.
Престранной просьбой очень удивленный,
Начальник вслух прошение прочел.
А эта просьба излагалась так:
«Прошу меня уволить. Я – дурак».
Был сух и строг начальника ответ:
«Нам лучше знать, дурак вы или нет».
Из кабинета подчиненный вышел.
И обратился с той же просьбой выше.
Здесь на прошенье был ответ таков:
«У нас в системе нету дураков!»
«Но я – дурак! И самый настоящий!
Прошу меня освободить от дел!»
«А нам виднее!» – Бас руководящий
Из-за стола угрюмо прогудел.
Настойчив был дурак самокритичный,
Он про себя сказал: «Не унывай!
Ты – феномен. Твой случай не типичный!
Ходи. Пиши. И дальше пробивай!»

Во всех инстанциях он побывал с прошеньем
И был освобожден. Однако... с повышеньем!

1956

СКАЛА И УТЕС

Экскурсию (которым нет числа
На наших Минеральных Водах)
Курортная тропа в ущелье привела,
Где над водой нависшая Скала
Сулила путникам привал и отдых.
Несчастная Скала! От головы до пят
Она была исписана словами:
«Здесь были А. и Б.», какой-то «Жорж Пират»!
С ним рядом: «Дураков с женой и сыновьями»!
Плохой пример! Так и на этот раз
Больной тщеславием нашелся среди нас:
Он в пропасть со Скалы чуть было не сорвался,
Но своего добился – расписался!..
В тени передохнув, экскурсия ушла.
Осталась над водой нависшая Скала.
И снился ей в ночи Утес под снегом чистым,
Доступный разве только альпинистам...

1956

ДОБРЫЕ СОВЕТЫ

У Прова Лукича на ферме заболели
Шесть племенных молочных поросят:
Два почему-то дышат еле-еле,
А четверо все время голосят.
Пров – через двор, к соседу за советом:
«Приятель, помоги! Пришел к тебе с бедой!»
Начитанный сосед не задержал с ответом:
Не надо поросят поить сырой водой!»
Сказал как отрубил! Вот человек ученый!
(А кто из нас друзьям не доверял?)
Пров свинок стал поить водою кипяченой –
Двух поросят наутро потерял...
Опять к соседу Пров: «Скажи, как быть, дружище?»
Сосед собрал морщины на лице:
«Гм-м-м! Думается мне, что в поросячьей пище
Нехватка витаминов А, В, С!»
Пров раздобыть что нужно постарался –
Стал поросят кормить, как друг ему велел.
На следующий день двоих недосчитался,
А через сутки пятый околел...
Пров снова впопыхах туда же за советом:
«Приятель! Я пропал! Как хочешь, выручай!»
«Ты греешь поросят лечебным синим светом?»
«Не пробовал!» – «Попробуй! Облучай!»
Пров «синий свет» достал, но... рвется там, где тонко!
Сам по себе совет, быть может, был не плох,
Да он не уберег шестого поросенка,
При свете синих ламп и этот тоже сдох...
«Ну, как твои дела? – спросил сосед у Прова, –
Здоровы хрюшки-то?» – «Какое там здоровы! –

Ответил грустный Пров. — Уж их в помине нет!»
«Ах, жаль! Я мог бы дать еще один совет!»

Что этой притчей я сказать хочу
Для тех, кто сам не может догадаться?
Что надлежало Прову Лукичу
К ветеринарному врачу,
А не к соседу обращаться!

1957

ФЕДОТ, БОЛОТО И ПАСТУХ

Дружки-приятели водились у Федота,
Они и завели товарища в болото.
Он, говорят, идти за ними не хотел,
Да отказаться не посмел...
Как начали дружки тонуть
Поодиночке –
Стал прыгать наш Федот от кочки и до кочки
И наконец допрыгался до точки:
Ему уже ни охнуть, ни вздохнуть –
Засасывает гниль и тянет вниз Федота.
Федот идет ко дну. Федоту жить охота!..
Пастух, что в тех местах в то утро стадо пас,
Трясину обходил – искал в лесу ягненка,
Вдруг видит: человек в гнилой воде завяз,
На убыль у него уже идет силенка!
Чтоб жизнь свою от гибели спасти,
Карабкается он из тухлой, ржавой жижи
К сухому берегу все ближе, ближе, ближе,
За все, что под рукой, хватаясь по пути...
«Держись, Федот!» – тут закричал Пастух
И протянул Федоту палку.
Собрал Федот последний дух,
Собрал Федот всю волю, всю смекалку
И выбрался на берег чуть живой,
Едва не поплатившись головой
За всех своих дружков и за характер свой.

Когда тебя дружки в болото волокут,
Мозгами шевельнуть не посчитай за труд!

1957

ВОЗНИЦА, КОНЬ И ПЕНЬ

Возница на телеге въехал в лес
И колесом в лесу на пень налез.
Остановился Конь и смотрит на Возницу –
Красноречив Коняги умный взгляд,
Он будто говорит: «А ну, подай назад!
Не то у колеса повылетят все спицы!»
Вознице бы и впрямь телегу осадить,
Объехать вредный пень, что вырос на дороге,–
Нет! – он Коня вожжами начал бить!
Конь поднатужился, напряг с усильем ноги,
Рванул вперед что было сил,–
Телегу развалил, а пень не своротил!
Мужик в сердцах клянет телегу и дорогу,
А Конь косит глаза: «Вот ведь дурак, ей-богу!
Что без толку других в беде винить?
Зачем было с пеньком вступать в единоборство
И проявлять нелепое упорство,
Где надо бы смекалку применить?!»

1957

ЗАВИСТЬ

По кладбищу, где испокон веков
Железный мир крестов, надгробий и венков
С живою зеленью бок о бок размещался,
Приезжий человек ходил и возмущался:
«Какая благодать! Порядок здесь какой!
Благоустройство! Тишина! Покой!
Что за часовенки! Каким плющом увиты!
Какие мраморные плиты!
Вот ведь живут! Куда ни посмотри:
Здесь — два венка, а там — их целых три!»

Тот человек, что завистью томим,
Завидует и мертвым, как живым!

1957

АХ, КОКА-КОЛА!

По выставке американской,
Что освещает быт заокеанский
(Но почему-то не со всех сторон!),
Ходил прелюбопытный посетитель,
До заграничного, видать, большой любитель —
То тут, то там прегромко ахал он:
«Ах, что за стильная модерная посуда!»,
«Ах, что за живопись! Законно! Мирово!»,
«Ах, сразу видно, что она *оттуда!*»,
«Ах, ах, абстрактное какое мастерство!..» —
Так, ахая под звуки рок-н-ролла,
Он наконец дошел до кока-колы...
Тут у него совсем вскружилась голова:
«Ах, до чего напиток ароматный!
Ах, что вы говорите, он бесплатный?!
Прошу стаканчик! Нет, подайте два!..»
Американка вежливо подносит.
Гость пьет и хвалит. Пьет и снова просит.
Уж у него в желудке колотье,
А он знай льет в него заморское питье...
Чего греха таить! Любитель заграницы
Попал в палату городской больницы.
Бесплатно в ней лечился и питался.
Но этому ничуть не удивлялся,
А только требовал и на сестер ворчал...
Перед чужим он слепо преклонялся,
А своего, увы, не замечал.

1959

ОСЛЫ

За чтением газет я проводил досуг,
Когда услышал вдруг за дверью странный звук.
Я тотчас дверь открыл и вижу: на пороге
Стоит Осел. Да, да! – Осел четвероногий!
Откуда взялся он и как сюда попал?!
Я был в своем уме. Был трезв. И я не спал!
В квартирах городских ослов я видел многих –
В чинах и без чинов. Но не четвероногих!
Когда, придя в себя, я снова речь обрел,
«Чем вам могу служить?» – спросил я осторожно.
«А только тем, чтоб впредь не освещать нас ложно! –
С металлом в голосе сказал в ответ Осел. –
Вы в баснях пишете: «Один Осел когда-то...»,
А под Ослом имеете в виду
Тупицу, неуча, невежду, бюрократа.
И получается, что мы в одном ряду?!
Нам аллегории осточертели эти!
Мы честно трудимся. У нас есть тоже дети!
Не могут отвечать ослы и ишаки
За то, что среди вас пасутся дураки!..»
Осел закончил речь и вдруг исчез. Пропал!
Я выглянул за дверь – за дверью гостя нету!
Вернулся я к столу. Сел. Развернул газету,
И на одну статью мой взгляд упал.
Цитировалась в ней речь адвоката НАТО
На совещании известных малых стран...
Я басню сочинил: «Жил-был Осел когда-то...»
Хоть мог бы написать: «Жил-был один Баран...»

1959

СРЕДНИЙ УРОВЕНЬ

У Джона было: два стандартных дома,
Два телевизора и новых два авто.
А у его однофамильца Тома:
Голодный взгляд и драное пальто.

Но в среднем эти оба гражданина,
По неким данным, жили наравне:
Дом, телевизор, новая машина –
Для одного достаточно вполне!

1959

ДАННОЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО

Родителям своим беспечный ученик
В один прекрасный день торжественно и лично
Дал обязательство учиться на «отлично»,
Но продолжал вести себя обычно
И хуже этого: не открывая книг...
Две «двойки» тут как тут. Испорчен весь дневник!
И вот, естественно, боясь головомойки,
Он переделать их сперва решил на «тройки»,
Но, призадумавшись, предвидя дома крик,
В предчувствии, возможно, даже порки,
Он переделал «тройки» на «пятерки»
И, радостный, перед семьей возник...
Он слышит похвалу, его ведут в кино,
Он ест пирожные за папин счет в буфете...
И вот уже он вырос:
Пьет вино,
В кругу почетном сидя на банкете,
О нем статья, его портрет в газете,
Он, к сожаленью, даже награжден...
Я узнаю его:
Очковтиратель — он!
Он так же переделывает «двойки»,
Дав обязательства по стройке и по дойке.

Друзья! Товарищи!
Прошу вас, будьте зорки:
Умейте отличать, где «двойки», где «пятерки»!

1960

ОСОБАЯ МЕБЕЛЬ

Аврал на мебельно-фанерном комбинате!
На видном месте вывешен приказ:
Вне плана выполнить к определенной дате
В масштабе области почетный спецзаказ!..
Приняв наряд, ведущий мастер цеха
Сам отбирает бук и высший сорт ореха,
Шлет в распиловку лучшие пеньки.
В конструкторском бюро горячие деньки:
Эскизы, выкладки, расчеты, копировка...
Модель представлена. Модель утверждена
И в производство спущена она.
Теперь идет в цехах — пригонка, фанеровка,
В двенадцать рук, в две смены полировка,
Умельцы варят специальный клей...
Заказ готов! Бухгалтеру неловко,
Что себестоимость его пятьсот рублей!..
На мебельно-фанерном комбинате
К намеченному дню две новых спецкровати
  Заказчику сданы
  За полцены...
Спит на одной из них лицо мужского рода,
Не оправдавшее доверия народа,
И, как ни странно, даже смотрит сны
В масштабе области под мерный храп жены.

Тот, кто по праву занял видный пост,
Тот, как павлин, не распускает хвост.
Ему не нужно спальни заказной —
Он в нашей жизни ищет смысл иной!
А тот, кто думает, что он незаменим,
И ценит лишь того, кто пляшет перед ним,
Тот, несмотря на пост высокий свой,
Чванливой тупости для нас пример живой!

1961

ПОКЛЕП

Жил некий гражданин. Все говорили: «Вор!»
И был у вора дом и вкруг него забор,
За ним – фруктовый сад, в саду – огромный пес,
Который день и ночь за мясо службу нес.

Но в жизни никогда тот человек не крал.
То был поклеп.
Он только взятки брал.

1961

О ДУРАКЕ

С хвоста коня бояться надо,
С рогов – корову и быка.
Со всех сторон, с любого взгляда
Бояться надо дурака!

Когда дурак сидит на месте,
Где умный должен был сидеть,
Там нам его, сказать по чести,
Подчас не просто разглядеть.

Дурак и вежливым бывает,
И не всегда на всех рычит,
Красноречиво выступает,
Многозначительно молчит.

Дурак один такое может
Наворотить и там и тут,
Что сотня умных не поможет,
Сто мудрецов не разберут.

Но, как в народе говорится,
Управа есть и на него:
Насмешки даже тот боится,
Кто не боится ничего!

1962

КОЛЕЯ

От пункта А до пункта Я
Был так наезжен путь,
Что не давала колея
Куда-нибудь свернуть.

Телега катится вперед
Наезженным путем
Из года в год, из года в год
То вниз, то на подъем...

Не нужно думать и гадать
И тратить мысли зря —
Тишь, гладь и божья благодать,
Короче говоря!

«Эй, друг! Махнем по целине!
Проложим новый путь!»
«Валяй! Задача не по мне!
Мы тут уж как-нибудь!»

И как тут не сказать, друзья,
Когда вопрос назрел,
Что нам мешает колея
В решенье многих дел!

1962

ЮНЕЦ-ИНДИВИДУАЛИСТ

«Запомни наш охотничий закон:
Обложен волк, пошел загон,
А ты стоишь «на номере» под елкой,
Ни в зайца, ни в лису — пусть даже выйдет слон! —
Не смеешь ты стрелять!..
Стой, дожидайся волка!..»
Так старый егерь наставлял стрелка,
Что на облавах не бывал пока.
И тот теперь, зажав в руке двустволку,
Грозился загодя: «Уж я-то всыплю волку!..»
Команда на местах.
Стрелки в засаде.
Ждут.
Уже загонщики галдят в черте обклада.
Но тут —
Дуплет в лесу... да не такой, как надо!
Зайчишку увидав, не утерпел юнец
И выпустил в него из двух стволов свинец.
А волк ушел...
На зайце в клочья шкурка...
Сошлись охотники, в сердцах клянут придурка,
В глаза его на все лады костят,
А он в ответ: «Простите! Виноват!»
Наутро вновь налажена охота:
Флажками красными зафлажено болото
И волк, вчерашний волк, опять лежит в кругу —
Следы знакомых лап на выпавшем снегу.
И снова замерли охотники в засаде —
Стоят «на номерах», сквозь мелкий ельник глядя,
Двустволки на весу...
Пошел загон.
И с лежки волк поднялся.

Как вдруг (вот сосунок!) опять дуплет раздался:
Не утерпел юнец и выпалил... в лису!
А волк опять ушел...

Так нам вредит любой,
Кто в общем деле занят лишь собой!

1964

МУХА И СЛОН

Что там за шум?
Столпотворенье!
Из Мухи сделали Слона!
Все рвутся посмотреть:
как выросла она?!
Козявка в панике.
Кит при особом мненье.
Слоны строчат куда-то заявленье...
А Муха больше всех сама удивлена,
Поскольку никогда в слона
не превращалась —
Какой она была,
такою и осталась!
Ей, прямо скажем, тяжело,—
Она, бедняжка, бьется о стекло,
Пока вокруг нее кипят дебаты...

В подобных случаях не мы ли виноваты?

1964

НАРОДНЫЙ АРТИСТ

Артист, что посвятил свой славный труд
народу,
Пил в ресторане клюквенную воду.
К нему, шатаясь, пьяный подошел
И говорит:
«Пожалте к нам за стол!
У нас компания. Мы сразу вас узнали —
В последнем «Фитиле» вы пьяницу играли!..»
«Играть — играл, но сам-то я не пью».
«Не пьешь и не поешь?»
«Не пью и не пою».
«А почему не пьешь?»
«Да как-то не собрался...»
«Эх, ты! — сказал нахал, —
«Народный», а зазнался
И оторвался от народных масс —
Не хочешь пить ни с нами, ни за нас?!»
«Ну что ж, — вздохнул артист, —
В семье не без урода!»

По духу отличай пьянчугу от народа,
Хоть пьет народ не только хлебный квас.

1965

ДВЕ МОРАЛИ

Иван Петрович – активист
И человек весьма приличный,
Как говорится: «В жизни личной –
Кристально чист». Кристально чист!

С друзьями – друг, с детьми – отец,
Он вне работы, то есть дома,
Во всем – моральный образец
И для семьи, и для райкома.

Но, возглавляя «свой» завод,
Он, ради чести коллектива,
Соврет – недорого возьмет! –
Чтоб только выглядеть красиво.

Он не считает за обман
Как поставщик надуть клиента
И завершить досрочно план,
Заниженный на три процента.

Иван Петрович – голосист
И, несмотря на голос зычный,
Со всеми прост и в жизни личной –
По всем статьям кристально чист!

Его туда, его сюда
Неоднократно выбирали...
Так в человеке иногда
Сосуществуют две морали!

1966

КЛЕВЕТНИК

Он только тем и знаменит,
Что он повсюду письма пишет
И в этих письмах тех чернит,
Кто рядом с ним живет и дышит

В нем ни стыда, ни чести нет –
Он всех преследует и травит,
Любой полученный ответ
Он без ответа не оставит.

И с клеветой, и с клеветцой
Он предстает перед законом
Где – беззащитною овцой,
Где волком, где – хамелеоном.

Он тонко маскирует ложь,
И склоки сеет, как заразу.
Его не сразу разберешь,
Раскусишь и поймешь не сразу!

Он – «справедливости родник».
А между тем на самом деле
Он просто-напросто гнойник
На чистом и здоровом теле!

1966

ПРОБЛЕМА ИШАКА

Мамед Гусейн жил в доме на горе –
Полтысячи шагов наверх от родника –
И потому при доме на дворе,
Как дед и как отец, держал он ишака.

Идет Мамед домой по тропке налегке –
Два бурдюка воды везет на ишаке.
Идет Мамед домой из леса налегке –
Вязанку хвороста везет на ишаке.
Ишак ему помощник, верный друг,
В горах без ишака крестьянин как без рук...

Али Камал, что в городе живет,
На кухне у себя из крана воду пьет.
За хворостом ему ходить не надо в лес –
Тепло и свет дает в избытке ГЭС.

И вот Али Камал строчит такой приказ:
«Поскольку в коммунизм мы держим путь сейчас,
Нам следует отныне на века
Искоренить в деревне ишака!»
И вот уже Гусейн тропой от родника
Сам тащит на себе два полных бурдюка
И шепчет на ходу: «Не понимаю, как
Мог новой жизни помешать ишак?!»

1968

ЗАВЕТНОЕ ЖЕЛАНИЕ

Бог Саваоф (так говорит легенда!)
Среди живых людей нашел себе Клиента
И говорит ему: «Послушай, друг!
Что, если вдруг
Я выполню твое заветное желанье:
Допустим, ни за что тебе присвоят званье —
Ты станешь доктором каких-нибудь наук!
Подумай и скажи. Ну, словом, дай заданье!»
«Помилуй, бог! — воскликнул тут Клиент. —
Не нужно мне ни звания, ни чина!
Есть легковая у меня машина,
Которую зимой я ставлю под брезент.
Так дай мне, бог, гараж! Поближе! Возле дома!
Чтоб ордер выдан был решеньем исполкома
И чтобы я его сегодня в руки взял!»
«Тут я бессилен...» — грустно бог сказал.

Читатели! Не будем слишком строги —
В простых земных делах, увы, не властны боги!

1969

БЕДНЫЙ ЗЯБЛИКОВ

«Сызмальства
Блюди дистанцию и почитай начальство –
Где надо – улыбнись, где надо – подольсти,
Где – место уступи, где – к месту пропусти.
И если сей закон постичь сумеешь
На жизненном пути своем,
То без труда преодолеешь
Служебной лестницы подъем».

Так думал Зябликов, шагая помаленьку
Вверх, со ступеньки на ступеньку...
И вдруг... Что стало с ним?
    Переступив порог
Заветного большого кабинета,
При всех, кто был и кто заметил это,
Не поклонился он, а отпустил кивок
Тому, кто запросто его представить мог
К Почетной грамоте Верховного Совета!
Подав на подпись нужный документ,
Он над столом учтиво не сломился,
А продолжал стоять, как монумент,
И, уходя, опять не поклонился...

Ну, кто из нас посплетничать не прочь!
Предположенья складывались быстро:
«За космонавта выдал замуж дочь?»,
«Стал зятем самого товарища Министра?»

А бедный Зябликов ничем не знаменит,
В счастливую судьбу теряя веру
И вспоминая шефа грозный вид,

Клял в туалете свой радикулит,
Который подрывал ему карьеру.

Где в кресле — бюрократ,
Там рядом — подхалим.
Я эту басню посвящаю им!

1970

ЖЕРТВА МОДЫ

На черноморском пляже
Две дамы встретились в невыразимом раже
«Счастливая! Какой загар! О боже!
А я вся в пузырях и лезу вон из кожи!
Сегодня три часа на пляже провела,
А загореть ни капли не смогла!»
«Мне так же, как и вам, не повезло сначала,
Вторая с превосходством отвечала.—
Но я теперь весь день на пляже провожу:
  Лежу, сижу, хожу.
От солнца, кажется, уже с ума схожу,
В глазах круги. Но тени избегаю!
И вот вам результаты, дорогая:
  Лишилась аппетита, сна,
  Зато черна!..»

В палящий зной на пляже расставаясь,
Подруги наши были не одни:
От солнечных лучей разумно укрываясь,
Осел — на что осел! — и тот стоял в тени!
Ну, как не уважать ослиную породу
За трезвый, здравый взгляд на солнце и на моду!

1970

ГОРСТКА ГАЕК

Гаврила втихаря из цеха вынес гайку –
Запрятал он ее за пояс, под фуфайку,
Для личных нужд она была ему нужна,
И две копейки ей была цена.
Не задержали парня в проходной,
Стал гайки он теперь таскать не по одной...
Гаврила под судом – с поличным пойман вор.
У старого судьи не выплакать прощенья,
Выносит он законный приговор,
Согласно кодексу, за мелкое хищенье.
«За горстку гаек припаяли срок! –
Гаврилу в перекур его дружки жалеют. –
Добро бы, вынес по частям станок,
А уж от этого завод не обеднеет!»

А я скажу такому вору,
Что поделом ему, как правда ни горька!
Ведь можно растащить горстями даже гору,
Пусть будет та гора ой-ой как велика!

1971

ТРИ ОТВЕТА

Корреспондент, чтоб написать статью,
У трех строителей брал как-то интервью.

«Вы чем тут заняты?» – спросил рабочих он
И кнопочкой включил магнитофон.

Один ответил: «Кирпичи вожу!»
Другой сказал: «Я стену возвожу!»

А третий, ну совсем по возрасту юнец,
Ответил гордо: «Строится дворец!»
Среди товарищей, хоть был он ростом мал,
Поставленный вопрос он шире понимал.

1973

НЕСОВМЕСТИМОСТЬ

«Дружище! Мы с тобой не виделись сто лет!
Поздравить я хочу тебя с законным браком.
Ты пополнел, с иголочки одет...
Рассказывай, как ты живешь, однако?»

«Уж год, как я не ем студенческих котлет –
Живу как человек с тех пор, как стал супругом,
И все ж кривить душой не буду перед другом...
Теперь меня домашний ждет обед
И накрахмалена на каждый день рубашка.
Жена моя – заботливая пташка,
И коль случится занемочь,
Она меня со всем стараньем лечит
И все щебечет, все щебечет,
Щебечет и щебечет день и ночь,
Щебечет, хоть беги из дома прочь,
Чтоб самому себе варить опять сосиски...»
«Зачем же ты женился?»
«Для прописки!..»

1976

ФАЛЬШИВОМОНЕТЧИКИ

В одном из городов жил рисовальщик ловкий,
Он преотменно деньги рисовал —
Подделывал так чисто сторублевки,
Что запросто на рынке их сбывал.

Но есть всему предел. С поличным пойман он.
Теперь уже свой суд над ним свершит Закон.
Но что за чепуха? Его из-за границы
Уже приветствуют влиятельные лица!
В его защиту пишет президент!
Заморский диктор, надрывая глотку,
Вопит в эфир: «В России за решетку
Опять попал художник-диссидент!»

«Поборники свобод! Я снова к вам с вопросом:
Не лучше ли копать то, что у вас под носом?..»

1977

ПЯТАК И РУБЛЬ

Бумажный рубль, лежавший в кошельке,
Презрительно судил о Пятаке:
«Ничтожная монета!» – он сказал.
Но тут его за угол кто-то взял
И разменял на двадцать пятаков –
По содержанью Рубль ведь таков,
Но он таким самодовольным был,
Что он про мелочь эту позабыл!

1980

ГУСЕНИЦА И БАБОЧКА

Навстречу Бабочке, присевшей на цветок,
Червяк мохнатый полз, он Гусеницей звался
И, несмотря на кучу мелких ног,
Довольно медленно по стеблю продвигался.
Зато у Бабочки с боков по два крыла
Диковинного радужного цвета –
Она самой природою была
Так празднично, нарядно разодета.
«Мне неприятно на тебя смотреть! –
Сказала Гусенице Бабочка-красотка, –
Такая у тебя противная походка,
Что так и хочется скорее улететь!..»
И Бабочка вспорхнула над цветком.
И в солнечных лучах затрепетала,
А Гусеница двинулась ползком
И вскоре тоже бабочкою стала..

Моя мораль сама сошла с пера:
Не забывай, каким ты был вчера!

1980

ГРОМООТВОД

АРБУЗ

Арбуз, что из земли тянул нещадно соки,
Что более других лежал на солнцепеке
И вырос до такой величины,
Что все другие кавуны
С ним оказались не равны,
Перед собратьями своими возгордился:
«Я тяжелее всех, каков же я на вкус?!
Всяк скажет про меня: «Арбуз так уж арбуз!..»
Так до тех пор он хвастал и кичился,
Пока в хозяйских вдруг руках не очутился.
А как попал под нож,
То оказался уж не так хорош.
Что толку, что велик? Велик, да толстокож!
На цвет? Да как сказать, не бел, но и не красен.
На вкус — трава травой...

Смысл этой басни ясен:
Иной, глядишь, и говорит пестро,
Осанка хоть куда, так важно носит пузо,
А ковырни его да загляни в нутро —
Оно как у того Арбуза!

1939

КОЛОС И ВАСИЛЕК

Однажды
Колос умирал от жажды.
Но в бедствии своем он не был одинок:
От зноя погибал и Василек.
И вот в свой смертный час взмолился к туче Колос.
И туча серая, что краем поля шла,
Свернула вдруг с пути, услышав тихий голос,
И на хлеба свой дождик пролила.
Тут встрепенулся каждый стебелек –
И ожил Колос, ожил Василек –
Он жадно потянул живительные соки...

Края у туч настолько широки,
Что пользуются этим Васильки,
Которые хотя и синеоки
И украшают девичьи венки,
Но, как известно, все же... сорняки!

1945

ВИНТИК

Однажды некий Маховик
Заважничал и стал хвалиться.
«Ну, до чего же я велик!
Кружусь — и все вокруг кружится!
Один работаю за всех!»
Но, как на грех,
В машине где-то Винтик обломился.
Наш Маховик рванул вперед,
Заметно вдруг убавил ход
И под конец совсем остановился...
У басенки моей мораль весьма проста.
Зависит многое от малого Винта!

1945

ЗАБЫТЫЙ ХРАМ

В глуши лесов стоял забытый храм,
В котором много лет был свален разный хлам,
Покрытый толстым слоем пыли.
Но как-то раз установили,
Что это памятник глубокой старины,
Что нет ему цены,
Что он является народным достояньем
И надобен надзор за этим древним зданьем,
Чтоб мог его обозревать народ.
И вот –
Где нужно, утвердили штаты
И фонд зарплаты,
Назначены и «зав» и «зам»,
И стал музеем древний храм.
Все было б хорошо, когда б одна идея
Не озарила вдруг дирекцию музея:
Дабы расширить людям кругозор –
Снести с лица земли старинную ограду,
Что претерпела не одну осаду
И память о былом хранила до сих пор...
Ограда древняя! Ты видела немало!
Ты перед полчищами ханов устояла,
А разобрал тебя на щебень и кирпич
Ефим Кузьмич!

1947

РУКИ

«Я – Правая Рука! Во мне вся мощь и сила!
Я ставлю подписи и потому важней!»
«Прекрасно! – Левая с обидой возразила. –
Но чтоб ты делала без помощи моей?»
«Я чаще на виду, я голосую «за»
И руки жму чинам!» – ей Правая сказала.
«Не так уж выгодно бросаться всем в глаза!» –
Сказала Левая и кукиш показала...

А мы заметим: спор напрасным был!
Заведуя какими-то ларьками,
Хозяин рук Рукою Руку мыл
И брал, где мог, обеими руками!

1947

КИРПИЧ И ЛЬДИНА

Плыл по реке Кирпич на Льдине,
Он у нее лежал на середине
И все учил ее, что не туда плывет,
Что надо бы прибавить ход,
Что нужно иначе держаться:
Напрасно не трещать и к берегу не жаться!
А Льдина таяла, приветствуя весну...
Пришло мгновение – Кирпич пошел ко дну

Кирпич напомнил человека мне,
Что думал про себя: «Я нынче на коне!»
Учил других, командовать пытался,
А сам не «на коне» – на льдине оказался!

1947

«МОСКВИЧ» И «ВОЛГА»

Однажды две машины легковые
Разговорились по душам впервые:
«Вид у тебя измученный и жалкий!
На кузове твоем зеленой тины след!
Откуда ты явилась?» – «Я? С рыбалки!.
Рыбачила... – послышалось в ответ. –
Горючего сожгла в пути немало.
Крыло помяла. Буфер поломала...
Опять в ремонт, живого места нет!»
«Вот удивительно! У нас один хозяин,
И, право, недовольной быть нельзя им!
Он обходителен... Как на него пенять? –
Сказал «Москвич». – Уж мне ль его не знать!»
«Оно понятно. Ты ему дороже! –
Пожаловалась «Волга» «Москвичу».
Ведь мы своей судьбою тем лишь схожи,
Что обе служим Глебу Кузьмичу.
Но час придет: охота ли, рыбалка –
Меня сечет метель и летом солнце жжет...
Ведь я – казенная. Меня ему не жалко.
Ты – личная. Тебя он бережет...»

Тут не в машинах дело! Разумей-ка!
Я этой басней тем урок даю,
Кому не дорога народная копейка
И кто трясется только за свою!

1952

КУРАМ НА СМЕХ

Ученый рецензент (оговоримся ранее,
Что он как педагог довольно много знал)
Связал свою судьбу с «Дошкольным воспитанием» —
Есть, говорят, у нас такой журнал.
В объемистой развернутой рецензии
Он предъявил суровые претензии
К труду поэта в двадцать восемь строк
С простым названьем «Петя-Петушок».
Научно, всесторонне, обоснованно,
Солидно и весьма организованно
Он разобрал беднягу Петушка,
А заодно и автора стишка —
От коготков до гребешка!
«Придерживаюсь я такого мнения, —
Писал авторитетно рецензент, —
Что в названном дошкольном сочинении
Есть, так сказать, сомнительный момент:
Нет курицы! А в птицеразведении
Она — наиважнейший компонент!..
Нам кажется, что дети малолетние —
Трехлетние, а также пятилетние —
Поверхностный, псевдонаучный труд
Не примут. Не полюбят. Не поймут».

Мне жаль, что рецензент, в статье хвативший лишку,
Решив ее послать в известный нам журнал,
Не посмотрел сперва на своего сынишку
(Тот был смышлен, хоть мал):
Прижав к своей груди зачитанную книжку,
Он с нею спал... Он книжку принимал!
То был его любимейший стишок,
Все тот же самый «Петя-Петушок»!

1952

В ЗНОЙНЫЙ ДЕНЬ

«Не лучше ли тебе лечь в лужу на дворе,
Чем изнывать на эдакой жаре?» —
Так в знойный летний день Коза Свинье сказала.
«Давно бы я легла, да в луже места мало:
В ней пьяница лежит. Он каждый выходной
В нее ложится, выйдя из пивной!»

Вот так со свиньями роднит себя иной!

1954

ВОРОНЫ И СКУЛЬПТОРЫ

На здании на башню-верхотуру
Установили некую скульптуру –
Большую обнаженную фигуру.
Прохожие ее не видели с земли,
Судить о ней Вороны лишь могли...
Вороны на фигуре посидели,
Покаркали, фигуру оглядели
И к выводу пришли, собрав совет,
Что Скульпторы ошибку допустили:
Они о потребителе забыли,
Раз на скульптуре мест для гнезд вороньих нет!

Произведения искусства создавая,
Свое поднять пытаясь мастерство,
Твори, художник, ясно сознавая,
Что создаешь, *зачем* и *для кого!*

1954

ДВА ТОПОРА

Пошли рубить два новых Топора.
(Мы знаем, Топоры на это мастера!)
Так вот, один из них попал в зеленый Бор,—
И разгулялся же Топор!
Был с лесом у него короткий разговор:
Столетние дубы, и молодые ели,
И сосны стройные, что кронами шумели,
Черемухи, что так весной цвели,—
Под первым Топором в расправе полегли...
Второй Топор попал в соседний Бор,
Но стал Топор вершить свой приговор
Над теми лишь в лесу, что жили до сих пор
За счет других, собратьям жить мешая,
И заглушая их, и света их лишая.
К загнившим на корню он беспощаден был —
Под самый корень их рубил,
Чтоб лес, здоровый лес от них освободился!
И благодарный лес преобразился —
Помолодевший, ветви распростер,
Бездомных всех певцов собрал под свой шатер
И с новой силой к солнцу устремился.
И эту силу дал ему — Топор!..

1956

РОМАШКА И РОЗА

«Прошу меня простить за обращенье в прозе! —
Ромашка скромная сказала пышной Розе. —
Но вижу я: вкруг вашего стебля
Живет и множится растительная тля,
Мне кажется, что в ней для вас угроза!»
«Где вам судить о нас! — вспылила Роза. —
Ромашкам полевым в дела садовых роз
Не следует совать свой нос!»
Довольная собой и всех презрев при этом,
Красавица погибла тем же летом, —
Не потому, что рано отцвела,
А потому, что дружеским советом
Цветка незнатного она пренебрегла...

Кто на других глядит высокомерно,
Тот этой басни не поймет, наверно...

1956

ЗЕРНО САТИРЫ

Какой-то Критик, полный самомненья,
Однажды в землю посадил Зерно.
И часа не прошло, как, потеряв терпенье,
Он побежал смотреть, не проросло ль оно?
Увы! Не проросло!.. Тут Критик наш в волненье
Взял вытащил Зерно, перевернул,
Другим концом в другую лунку ткнул
И вновь его землей засыпал аккуратно,
Час переждал и выкопал опять:
«Непостижимо! Непонятно!
Зерно не хочет прорастать!
Что за упорное, упрямое Зерно!
Ну, просто смех!.. Да что-то не смешно!»

Не пропадут сатириков труды,
Коль их не дергать без нужды!

1956

ЛЮБИТЕЛЬ КНИГ

К приятелю, чтоб скоротать досуг,
Зашел однажды гость. «Ты стал читать,
мой друг?!» —
Воскликнул он от удивленья
И посмотрел восторженно вокруг
На новые тома собраний сочинений —
Гюго, Дюма, Шекспира, Маршака,
Что полки заняли почти до потолка...
«Ты что молчишь? Смущен моим вопросом?
В коллекции такой, бесспорно, прок велик!
Но как ты достаешь до самых верхних книг?»
«А очень просто, братец! Пылесосом!»

Известно мне: в домах иных
Стирают только пыль с изданий подписных.

1956

ПАСТУХ И БЛОХА

Пастух в горах оплакивал свою
Сторожевую верную собаку:
Бесстрашный пес вступил с волками в драку
И, выполнив свой долг, в неравном пал бою...
«Спасая от беды моих овец отару,
Ты в жертву жизнь принес!» – шептал
Крестьянин старый.
Откуда ни возьмись, ничтожная Блоха
Свой голос подала, услышав Пастуха:
«Мне жертвенность чужда! Уж если я кусаю,
То, укусив врага, сама не погибаю!»
«Ну, где тебе понять высокий, смелый дух –
Безумство храбрых не в твоей натуре!
Всю жизнь ты на чужой сидела шкуре
И потому цела!» – ответил ей Пастух.

Иной юнец, еще не знавший жизни,
Не давший ничего народу и Отчизне,
Знай судит о другом точь-в-точь как та Блоха
«Он подвиг совершил? Какая чепуха!»

1957

МУХА И ПЧЕЛА

Перелетев с помойки на цветок,
Лентяйка Муха Пчелку повстречала –
Та хоботком своим цветочный сок
По малым долькам собирала...
«Летим со мной! – так, обратясь к Пчеле,
Сказала Муха, глазками вращая. –
Я угощу тебя! Там – в доме, на столе –
Такие сладости остались после чая!
На скатерти – варенье, в блюдцах – мед.
И все – за так! Все даром лезет в рот!»
«Нет! Это не по мне!» – ответила Пчела.
«Тогда валяй трудись!» – лентяйка прожужжала
И полетела в дом, где уж не раз была,
Но там на липкую бумагу вдруг попала...

Не так ли папенькины дочки и сынки,
Бездумно проводя беспечные деньки,
Безделье выдают за некую отвагу
И в лености своей, от жизни далеки,
Садятся, вроде мух, на липкую бумагу!

1958

ХИРУРГИЯ И САТИРА

В палатах Хирургической Науки
Всем операциям предшествует момент,
Когда хирурги чисто моют руки
И кипятят стерильно инструмент.

Сатирик что хирург! Не зря сравненье это:
И цель у них одна, и действия одни –
Не терпят грязных рук и ржавого ланцета
Ни тот и ни другой, когда честны они...

1959

ОТВЕТ ВЗЛОМЩИКА

Как будто до сих пор живя с соседом в мире,
Вор как-то раз в соседский двор проник
И «фомкой» выломал замок в чужой квартире,
Но был с поличным взят за воротник.
«Зачем ты перелез через чужой забор?!»
«Калитка у тебя, сосед, была закрыта!»
«А для чего в дверях ты выломал запор?»
«Я не имел ключа!» – гласил ответ бандита.

1960

ДОМ И ПЛАН

Строителей, что воздвигали дом,
Однажды срочно вызвали в райком.
Там им сказали просто: «Вот что, братцы.
Вы понимаете, что значит слово «план»?
Так вот, чтоб нам в горкоме отчитаться
И среди первых первыми остаться,
Дом должен быть до срока нами сдан!»
Приказ – и не приказ, а вроде указанье.
Решенья нет, а вроде решено...
К намеченному дню указанное зданье
Записано в графу под рубрикой «сдано»,
Проведено
Районное собранье, –
Доклад заслушан, знамя вручено,
Но...
В зданье жить нельзя, и не без основанья:
Того гляди, развалится оно...

———

Нельзя прощать того, кто, «выполняя план»,
К почетным грамотам спешит через обман.

1961

САТИРИК И САПЕР

Сатирик похож на сапера, друзья,—
Минирует он, и минирую я!
Задача сапера, коль в корень смотреть,—
Врага подорвать, самому уцелеть.
Но если ты дрожь ощущаешь в руках,
Бросай свою службу в саперных войсках,—
Ведь есть же на свете другие посты —
Ну, скажем, писать наградные листы!
Здесь следует тоже сноровку иметь,
Чтоб лист без помарки оформить суметь!..

1962

ФОРМА И СОДЕРЖАНИЕ

Родился он из блюдца с мыльной пеной,
С конца соломинки спорхнул – и полетел.
Своей окраской необыкновенной
Он всех и всюду поразить хотел.

Потоком воздуха гонимый и влекомый,
Коснувшись на пути какого-то сучка,
Он лопнул на глазах у всех своих знакомых,
Оставив мокрый след не больше пятачка.

1963

ЖИВАЯ ВОДА

Живой водой полны земные реки.
И пусть она прозрачна не всегда,
Ей не чета рожденная в аптеке
Дистиллированная чистая вода.
Искусственно лишенная солей,
Она мертва – как ты ее ни лей!

1965

ГРОМООТВОД

С обугленным стволом напротив дома
Столетний дуб вершину поднимал.
Не раз в грозу он под раскаты грома
Удары молний грудью принимал.
Но кто-то вдруг решил, что ствол могучий
Лишь портит вид из дачного окна.
И старый дуб срубил он, чтобы лучше
Калитка в сад была ему видна.
Но грянул гром,
И дом с пристройкой вместе
От молнии в грозу сгорел дотла.
Та молния в ту ночь на прежнем месте
Громоотвод привычный не нашла...

1967

ГОЛОВА И НОГИ

Расхвасталась дурная Голова
Перед Ногами, что под ней шагали.
И работяги Ноги услыхали
Обидные, надменные слова:
«Я, Голова, Ногами управляю,
А это значит, я руковожу!
Пойдут они тогда, когда я пожелаю,
Свернут они туда, куда я прикажу!»
В ответ на это Ноги
Вдруг взяли и споткнулись на дороге
О камень, что лежал в траве.
И в тот же миг на Голове
Такая шишка появилась,
Такая дуля налилась,
Что Голова потом два месяца лечилась
И задаваться зареклась...

Не красит человек любой служебный пост,
Когда тот человек не скромен и не прост.

1967

ГРИБЫ

Рос Мухомор посереди полянки.
Бросался всем в глаза его нахальный вид:
«Смотрите на меня! Заметней нет поганки!
Как я красив! И как я ядовит!»
А белый гриб под елочкой молчал.
И потому его никто не замечал...

1967

ЖИВОЙ РОДНИК

Из недр земли упорно прорывался
И наконец прорвался и возник
Неиссякаемый Родник.
На водопой олень к нему спускался,
Он путника поил, который с ним встречался,
Как в зеркале, в нем месяц отражался,
И он всегда, до дна, прозрачным оставался,
Готовый каждого приветить каждый миг.
Но кто-то как-то раз до Родника добрался,
Развел вблизи костер, и... начался «пикник»:
Под дикий ор участников попойки
Завален был Родник отбросами помойки,
И так его вода была замутнена
И так загрязнена,
Что в Роднике уже не стало видно дна...
Но не заглох Родник! Его живая сила,
Что била из земли, все нечистоты смыла,
И хоть воды при том немало утекло,
Опять живой Родник прозрачен, как стекло!

1970

ФРУКТ

Хвалился фрукт,
Что он-де спел и сладок,
Да оказался гнил и гадок
И с тем попал в помойное ведро...
Порой за кожурой
Не разглядеть нутро!

1974

НЕУПОМЯНУТЫЙ

Он ерзал целый час на стуле,
Пока с трибуны шел доклад.
Увы! – его не помянули
Среди помянутых подряд.

До глубины души обижен,
Он раньше всех покинул зал.
«В докладе ничего толкового не вижу!» –
Он с возмущением сказал...

1976

ЧЕМОДАН БЕЗ РУЧКИ

Он тащит чемодан
в базарный день,
с толкучки.
Тот чемодан давно уже без ручки,—
Его бы где-нибудь оставить по пути,
Да жалко выбросить, хоть не с руки нести...

Так и в политике.
Иной политикан,
Что искушен в дискуссионной прыти,
Своих понятий старый чемодан
Не в силах выкинуть
за борт больших событий.

1978

НЕБЛАГОДАРНЫЙ ГОСТЬ

Он в дагестанский дом был приглашен обедать,
И там кавказских блюд ему пришлось отведать:
Шашлык, хингал, долму, чуду,—
Ну, словом, всякую домашнюю еду.
Хозяин подливал, хозяйка угощала,
А гостю все казалось: мало! Мало!
И столько выпил он, и столько разом съел,
Что заболел...
В больнице он лежит в тиши своей палаты
И шепчет про себя — аварцы виноваты!..

1978

СТЕНА И ДОМ

Остаток крепости – кирпичная стена
На древней площади мешала Горсовету,
И вот взорвать решили стену эту,
Чтоб вид на новый дом не портила она.
Решенье принято. Назначен день и час,
И как-то ночью площадь взрыв потряс,
Но вид на новый дом при этом не открылся –
Стена осталась, как была,
Она лишь трещину дала,
А новый дом напротив... развалился!

———

Я к тем строителям свой обратил упрек,
Что строят тяп да ляп, чтоб только сляпать в срок.

1978

МУРАВЬИ

В пути друг другу помогая
И ношу тяжкую все дальше продвигая,
Лесной тропинкою, меж листьев и корней,
Два малых муравья товарища тащили.
Им это было явно не по силе –
Был мертвый муравей намного их крупней.
Но муравьи – загадочное племя,
Что обладает качествами теми,
Которых нет порою у людей...

Дружинник на посту с хулиганьем сражался.
Шли мимо граждане – никто не задержался!..

1980

ПЯТИМИНУТКА

Шутка

Собрались однажды вместе
Иностранные коты
И расселись, честь по чести,
Распушив свои хвосты.

Из посольств они явились,
Там, где мыши завелись,
Помяукав – сговорились,
Помурлыкав – разошлись...

У себя, в своих квартирах,
И от дома вдалеке
Говорят все кошки мира
На кошачьем языке.

Означают по-турецки
«Мяу-мяу» и «мур-мур»,
Точно так же и по-шведски,
По-французски и немецки –
«Мяу-мяу» и «мур-мур».

Мог единством похвалиться
Тех котов недолгий сбор.
А послы договориться
Все не могут до сих пор!..

1980

ПЛЮЩ НА ВЫСОТЕ

Плющ, что вкруг дерева в саду у дома вился,
В один прекрасный день вдруг взял и возгордился
На всех, кто ниже рос, взирая свысока:
«Ну, до чего ж у нас растительность мелка
Черемуха и та, на удивленье просто,
Чуть выше человеческого роста,
А если взять цветы, то мне за них обидно
За то, что с высоты мне их почти не видно!»
«Послушай, Плющ! – от возмущенья зол,
Поежившись, сказал сосновый Ствол. –
Когда бы за меня всю жизнь ты не цеплялся,
Ты так бы высоко сегодня не забрался!»

1980

ПОШЛЯК С БУКЕТОМ

На свадьбу к молодым явился Гость с букетом
И свой презент невесте преподнес.
— Я шел на кладбище, — он пошутил при этом, —
Да изменил маршрут и вам цветы принес!.. —
Такой бестактности никак не ожидали!
Невесту бедную пошляк довел до слез
И вылетел за дверь — ему по шее дали!

Бестактность с пошлостью — две стороны медали!
Тактичных пошляков еще мы не видали.

1980

САМОСОХРАНЕНИЕ

Однажды, в непогоду,
С крутого берега упал ребенок в воду,
Барахтается в ней, зовет на помощь мать,
Того гляди, бедняжка захлебнется...
Какой-то человек кричит: «Спасать! Спасать!»
А сам на берегу стоит, не шевельнется.
Когда спасли мальчонку наконец,
Спросили у того, кто так взывал к народу:
«Скажите, гражданин, по виду вы — пловец,
Чего ж вы мешкали и не бросались в воду?»
«Я безусловно на воде держусь, —
Ответил человек, не чувствуя подвоха. —
Но если я и плаваю неплохо,
То простудиться все-таки боюсь».

1980

О, ГАЛИЛЕЙ!

Оставив человечество во мгле,
Великий Галилей с душой поэта
Пошел под суд за то, что о Земле
Посмел сказать, что вертится Планета.

О, Галилей! С тех пор прошли века
И никуда теперь уже не деться –
От академика и до ученика
Все знают, что закон Земли: вертеться!

Но и сегодня, в просвещенный век,
Столкнувшись с тем, что выше пониманья,
Как сотни лет назад, не может Человек
Преодолеть привычный круг познанья.

1980

ЛИЧНОЕ ВЕДРО

Туристы, отдыхавшие на воле
И коротавшие у речки вечера,
С колхозного картофельного поля
Картошку набирали в два ведра.
И, заложив ее в золу костра,
Ее пекли и ужинали сытно —
Печеная картошка аппетитна,
И горяча, и в меру солона!
А вот откуда, как взята она,
Об этом так судил тот, кто картошку ел:
— Подумаешь! Колхоз не обеднел!
На каждого из нас пришлось по две картохи!
Ведь это — крохи!..

———

Житейский этот факт мне подал мысль одну:
Так можно растащить по крохам всю страну,
Когда в большое личное ведро
Класть беззастенчиво народное добро!

1980

ТРОПА

О людях проявляя беспокойство,
Закономерный видя в том резон,
Заботливый «отдел благоустройства»
В микрорайоне вырастил газон.
Пока он рос — площадку охраняли,
Со временем охрану эту сняли.
Но только не учел отдел районный,
Что невозможно будет проследить,
Как станут этот островок зеленый
И взрослые и дети обходить.
И вот уже кому-то неохота
Вокруг травы отмеривать шаги.
И он шагает, этот первый, кто-то,
В траве оставив след своей ноги.
Потом за ним прошли второй и третий —
Ни для кого теперь запрета нет!
А там уже и взрослые, и дети —
Жильцы домов идут друг другу вслед.
За две недели поперек газона
Районный житель вытоптал тропу.
Составлен акт милицией района,
Подтверждено инспекцией АПУ...

———

Кто эту басню с толком прочитает,
Тот, может, и поймет, чего нам не хватает!

1980

НОВЫЙ ПРЕПАРАТ

Был изготовлен новый препарат,
Достойный медицинского признанья.
Научный коллектив был беспредельно рад,
Что может людям облегчить страданья.
Чудесный Препарат проверен, утвержден,
Сам Институт Дипломом награжден,
Статья опубликована в газете
О том, что Препарат необходим,
Что нет ему подобного на свете
И скоро будут пользоваться им
Не только взрослые, но и больные дети...
Прошло три года, пять и больше лет,
А Препарата и сегодня нет –
На Базе нет, и нет его в продаже,
И – удивительно – нет у министра даже!

———

Бывает легче Что-нибудь открыть,
Чем в производство Это же внедрить!

1980

НЕГОДНАЯ МАШИНА

На черном рынке продавали
То, что признать смогли бы вы едва ли
За ходовой автомобиль, –
Его давно пора бы сдать в утиль! –
Нарушена система управленья:
Заклинен руль и сорвано сцепленье,
Запорот двигатель, сгубила кузов ржа.
И вызывало только удивленье,
Как вывезли его из гаража.
Но был обманчив внешний вид «товара»,
И всех изъянов он не выдавал,
К тому ж вовсю светили обе фары
И безотказно действовал сигнал...
– Здесь на полтыщи с лишком только сварки! –
Машину оценил автомобильный спец.
– Зато она американской марки! –
Заносчиво ответил продавец.
Спец усмехнулся: – Что ж, оно похоже!
Могу сказать Америке в глаза:
Машина и она – почти одно и то же:
Заклинен руль, не держат тормоза!..

1980

ПЕРЕВОДЫ

Из А. Исаакяна

(С армянского)

МЕДВЕДЬ И ЗМЕЯ

С Медведем дружбу завела Змея –
Водой не разольешь: одна семья!
И клятву верности друзья друг другу дали,
И с этих пор они
Совместно проводили дни –
Гуляли, ели, ночью рядом спали.
Душевно, чинно и без пререканья,
Друг к другу преисполнены вниманья,
Они дружили долгие года,
Да только вот Змеи немое пресмыканье
Не нравилось Медведю иногда.
Случилось как-то раз, на берегу высоком
Стоял Медведь дыханье затая,
И вдруг увидел он, увидел ненароком,
Как, словно вор, тайком к ручью ползла Змея.
Сомнение Медведя охватило,
В груди его волненье поднялось:
«Нет! Будь ты друг иль брат, сдержаться я не в силах!
Моей душе противно и постыло
Все то, что движется ползком и вкривь и вкось!»
И вмиг разделавшись с пятнистым мерзким гадом,
Медведь расправил лапой труп Змеи
И сбросил со скалы в ручей бегущий рядом,
В холодный блеск его прямой струи.
И глядя вслед Змее, чей труп, воде послушный,
Тупой стрелой мелькал среди камней,
Медведь сказал: «Быть надо прямодушней!
Отныне прям твой путь! Вот так-то, друг, верней!»

1955

САТАНА И ЕГО ДОЧЕРИ

Трех дочерей имел всесильный Сатана,
И кроме трех была еще одна...
Дочь старшую за князя выдавая,
«Гордыней» будешь ты! – ей Сатана сказал. –
Ты будешь «Жадностью» отныне, дочь вторая!
Тебя купец богатый в жены взял.
Ты, третья дочь моя, уходишь в дом к поэту,
Ты будешь «Завистью» навеки с этих пор!
Других имен вам, трем замужним, нету!» –
Так прозвучал отцовский приговор.
А дочку младшую, с горячей, пылкой кровью,
Что ближе всех всегда была ему,
Рогатый Сатана в сердцах назвал «Любовью»
И отдал человечеству всему!

1956

ИЗ М. КОРЮНА

(С армянского)

ЧУЖОЙ УСПЕХ

«Скажи мне, что с тобой? Ты мрачен, словно ночь.
Едва-едва сквозь зубы цедишь слово...
Ты весел должен быть! Жена твоя здорова,
И сам ты жив-здоров, и замуж выдал дочь!
Ты чем-то огорчен? Работа?.. Сердце?.. Совесть?..»
«Ты хочешь правду знать, приятель, что со мной?
Ты написал отличнейшую повесть...
И то, что мрачен я, она тому виной!»

1968

МАТЬ И СЫН

За тридевять земель, моря и океаны
Поехал Сын смотреть чужие страны.
Он на чужбине пробыл много лет,
Исколесил почти весь белый свет
И в путешествии порядком утомился...
Вот час настал – домой он воротился.
Соседи в тот же день зашли проведать Мать:
«Ну, как твой Сын? Наверно, не узнать?»
«О нет,– вздохнув, сказала Мать в ответ.–
Он только поменял фуражку на берет!»

1968

ИЗ СТОЯНА МИХАЙЛОВСКОГО

(С болгарского)

ПАВЛИН И ЛАСТОЧКА

У Ласточки, весь день парящей в вышине,
Спросил Павлин, играя опереньем:
«Хотелось бы мне знать, какого мненья
Вы, птицы разные, ну, скажем, обо мне?»
«Что ж,— Ласточка Павлину отвечала,—
Я о тебе от птиц не раз слыхала,
Одно и то же о тебе твердят».
«Что я красив? Что пышен мой наряд?»
«Да нет, не то».— «Так что же?» — «Уж не сетуй:
Что ты глупец, богато разодетый!»

1957

ФИЛИН И СВЕТЛЯЧОК

В глухой ночи, как яркий ночничок,
Меж трав и меж цветов светился Светлячок
(Печальный же удел ему достался!).
Заметил Филин Светлячка, за ним погнался
И в когти хищные схватил.
«Что сделал я тебе?» – «А ты не догадался?
Ты мне мешал!» – «Да чем же?» – «Ты светил!»
Был ясен приговор, и суд недолго длился.
Наш Светлячок угас,
В потусторонний мир переселился...
Точнее говоря, чтоб завершить рассказ,
Он в брюхе Филина, бедняжка, очутился!

1937

ИЗ БАНЧО БАНОВА

(С болгарского)

КАНАРЕЙКА И КОШКА

«Хозяин, почему должна сидеть я в клетке
На жердочке, а не в саду на ветке?
Зачем меня ты держишь взаперти?
Для звонких трелей, для веселых песен
Решетчатый приют твоей певунье тесен!»
«Тебя попробуй только отпусти —
Останутся лишь перышки да ножки!
Я берегу тебя от кровожадной кошки!»
«Не лучше ли тогда, так жизнь мою храня,
Ту кошку запереть, чтоб выпустить меня?!»

1957

БАСНИ В ПРОЗЕ

•

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Болтали как-то Медведь и Волк о том, о сем...

А рядом Бабочка кружилась, с цветка на цветок перелетала.

Увидел Бабочку Медведь и залюбовался.

— Посмотри! — сказал он Волку. — Какая прелесть!

— Где? — спросил Волк.

— Да вон, на ветке, у тебя над головой! Бабочка! Сколько в ней изящества!..

— Это у нее-то? — усмехнулся Волк.

— Она тебе не нравится? — удивился Медведь.

— А что в ней хорошего?

— Ну, не скажи! — возразил Медведь. — Смотри, какая у нее легкость в движениях! Какие узоры на крылышках! Красота!

— Легкость? Узоры? Ничего я в ней хорошего не нахожу.

— Но...

— Никаких «но»! Вот недавно я Овцу видел... — Волк закатил глаза. — Вот это была красота!

— А! — уныло сказал Медведь. — Я, кажется, тебя понял...

1955

ЗЕРКАЛО

Жил-был один Носорог. Он имел привычку над всеми издеваться.

— Горбун! Горбун! — дразнил он Верблюда.

— Это я горбун? — возмущался Верблюд. — Да будь у меня на спине три горба, я был бы еще красивей!

— Эй, толстокожий! — кричал Носорог Слону. — Где у тебя нос, а где хвост? Что-то я не разберу!

— И чего это он ко мне пристает? — удивлялся добродушный Слон. — Хоботом своим я доволен, и он вовсе не похож на хвост!

— Дяденька, достань воробушка! — смеялся Носорог над Жирафом.

— Сам-то больно хорош! — откуда-то сверху отвечал Жираф.

Однажды Верблюд, Слон и Жираф достали зеркало и пошли искать Носорога. А тот как раз к Страусу приставал:

— Эй ты, недощипанный! Голоногий! Летать не умеешь, а птицей называешься!

От обиды бедный Страус даже голову под крыло спрятал.

— Послушай, друг! — сказал Верблюд, подойдя поближе. — Неужели ты сам себя красавцем считаешь?

— Конечно! — ответил Носорог. — Кто же в этом сомневается?

— Ну, тогда посмотри на себя! — сказал Слон и протянул Носорогу зеркало.

Посмотрел Носорог в зеркало и захохотал:

— Ха-ха-ха! Хо-хо-хо! Что это еще за уродина на меня смотрит? Что у него на носу? Хо-хо-хо! Ха-ха-ха!

И пока он смеялся, глядя на себя в зеркало, Слон, Жираф, Верблюд и Страус поняли, что Носорог просто глуп как пробка. И они перестали обижаться.

1962

ЖАДНЫЙ ЗАЯЦ

Заприметил Заяц в дупле пчелиный улей. Решил медком посластиться. Раздобыл большую кадушку.

Пошел в лес. По пути Медведя встретил.

— Куда ты, Косой?

— За медом, Косолапый! Я улей в лесу нашел.

— Возьми меня с собой.

— Не возьму! Мне одному мало будет.

— И пчелкам ничего не оставишь?

— А зачем им? Они себе еще насобирают...

Полез Заяц в дупло. За медом. Забила тревогу сторожевая пчела.

Напали пчелы всем роем на незваного гостя. И досталось же ему от пчел! Уж так они его отделали, так нажалили, что он едва ноги унес.

— Больно ты, Косой, бессовестный, — сказал Медведь. — Пошел бы ты за медом с кружкой, глядишь, пчелы тебя бы и не тронули. Они народ добрый!

— Хотел бы я посмотреть, как они тебя с кружкой встретят!.. — простонал Заяц.

Взял Медведь небольшую кружку и полез в дупло. Забила тревогу сторожевая пчела. Налетели пчелы на Медведя и давай жалить. Хуже Зайца искусали.

— Все дело ты мне испортил! — сказал Медведь Зайцу. — Не полезь ты к ним со своей кадушкой, они бы меня с кружкой не тронули... Вот что значит жадность!

1962

ЗАЯЦ-СИМУЛЯНТ

Наступил как-то Медведь Зайцу на любимую мозоль.

— Ой, ой! — завопил Заяц. — Спасите! Умираю!

Испугался добряк Медведь. Жалко ему стало Зайца.

— Извини, пожалуйста! Я ведь не нарочно! Я нечаянно тебе на ногу наступил.

— Что мне от твоих извинений!.. — застонал Заяц. — Остался я теперь без ноги! Как я теперь прыгать буду!..

Взял Медведь Зайца и отнес к себе в берлогу. Положил на свою койку. Стал Зайцу лапку перевязывать.

— Ой, ой! — громче прежнего завопил Заяц, хотя ему на самом деле было совсем не так больно. — Ой, ой! Я сейчас умру!..

Стал Медведь Зайца лечить, поить и кормить. Утром проснется, первым делом интересуется:

— Ну, как лапка, Косой! Заживает?

— Еще как болит! — отвечает Заяц. — Вчера вроде лучше стало, а сегодня так ломит, что и вовсе встать не могу.

А когда Медведь уходил в лес, Заяц срывал повязку с ноги, скакал по берлоге и распевал во все горло:

Мишка кормит, Мишка поит —
Ловко я провел его!
А меня не беспокоит
Ровным счетом ничего!

Обленился Заяц, ничего не делая. Стал капризничать, на Медведя ворчать:

— Почему ты меня одной морковкой кормишь? Вчера морковка, сегодня опять морковка! Искалечил, а теперь голодом моришь? Хочу сладких груш с медом!

Пошел Медведь мед и груши искать. По дороге встретил Лису.

— Куда ты, Миша, такой озабоченный?

— Мед и груши искать! — ответил Медведь и рассказал все Лисе.

— Не за тем идешь! — сказала Лиса. — Тебе за врачом идти надо!

— А где его найдешь? — спросил Медведь.

— А зачем искать? — ответила Лиса. — Разве ты не знаешь, что я второй месяц при больнице работаю? Проводи меня к Зайцу, я его быстро на ноги поставлю.

Привел Медведь Лису в свою берлогу. Увидел Заяц Лису — задрожал. А Лиса посмотрела на Зайца и говорит:

— Плохи его дела, Миша! Видишь, какой у него озноб? Заберу-ка я его к себе в больницу. У меня Волк по ножным болезням большой специалист. Мы с ним вместе Зайца лечить будем.

Только и видели Зайца в берлоге.

— Вот он и здоров! — сказала Лиса.

— Век живи — век учись! — ответил добряк Медведь и завалился на свою койку, потому что все время, пока у него жил Заяц, сам он спал на полу.

1962

ДВА ТОЛСТЯКА И ЗАЯЦ

Нашел толстяк Бегемот в камышах брошенный кем-то старый автомобиль. Позвал Бегемот Слона:

— Смотри, толстяк, какую я штуку нашел! Что делать будем?

— Хорошая штука! — сказал Слон. — Давай его вытащим и к делу приспособим. Будем вдвоем кататься!

Откуда ни возьмись — Заяц.

— Добрый день, друзья! Что нашли? Автомобиль? Очень хорошо! А ну, взяли! А ну, еще разок!..

Вытащили толстяки машину из болота на сухой берег. Заяц в сторонке стоял — командовал.

Стали толстяки машину мыть, мотор заводить, шины надувать. Заяц в сторонке стоял — подсказывал.

Стали толстяки дорогу протаптывать, дорожные знаки расставлять. Заяц в сторонке стоял — указывал.

Стали толстяки в автомобиль садиться — поссорились: никак вдвоем на одно сиденье не сесть!

А Заяц опять тут как тут! Вскочил в машину и поехал, но...

Недалеко уехал Косой. Налетел на дерево. Машина — вдребезги. Сам едва уцелел.

Жалко толстяков, что зря потрудились. Машину жаль, что разбилась. А Зайца не жаль! Почему не жаль? Сами догадайтесь!

1962

ЭКЗАМЕН

Расхвастался Попугай:

— Я умею говорить по-человечьи! Больше вы не услышите от меня ни одного слова на птичьем языке!

— Ах, ах! — разахались трясогузки. — Какая умница! Он будет говорить только по-человечьи! Он презирает птичий язык!

— Он умеет говорить по-человечьи? — переспросил старый Ворон. — Ну что ж! Это неплохо! Но это еще не значит, что он умнее всех! Я тоже знаю несколько человечьих слов, но я не считаю себя мудрецом!

— А вы поговорите, поговорите с ним по-человечьи! — заверещали трясогузки. — На птичьем языке он и разговаривать с вами не станет. Сами увидите!

— Попробуем! — сказал Ворон и перелетел туда, где сидел важный Попугай.

— Здравствуйте! — представился Ворон на чистом человечьем языке. — Здрррравствуйте! Я — Ворон!

— Попка-дурак! Попка-дурак! — важно ответил ему Попугай тоже по-человечьи. — Попка-дурак!

— Вы слышите? — восхитились трясогузки. — Он вас убедил?

— Да! — сказал Ворон. — Я с ним согласен!

1962

КАБАН И ХОМУТ

Нашел Кабан в лесу какую-то штуковину: «Что такое? У кого спросить? Спрошу Сороку! Она все знает...»

— Сорока! Сорока! Что это за штуковина?

— Так это же хомут! — отвечала Сорока.

— А что мне с ним делать? — спросил Кабан.

— На кого его наденешь, тот тебя возить-катать будет!

— Вот это дело! — обрадовался Кабан. — А то мне пешком ходить надоело...

Полез Кабан через камыши и наткнулся на Утку.

«Пусть меня Утка повозит! — решил Кабан. — Вот я ее сейчас захомутаю!»

Да не тут-то было. Улетела Утка восвояси, а Кабан только в трясину провалился, чуть не утонул.

Повстречал Кабан Рыжую Лису. Обрадовался: «Вот кто меня повозит-покатает!»

Но разве перехитришь Рыжую? Не дала Лиса на себя хомут надеть да еще за нос Кабана тяпнула...

«Ну уж с этими-то я управлюсь! — решил Кабан, повстречав братцев-зайчишек. — Будут они у меня в упряжке бегать! Покатаюсь на тройке!»

Но опять не тут-то было! За двумя зайцами погнался Кабан — ни одного не поймал!

Свалился Кабан под куст. Лежит, никак отдышаться не может. А братцы-зайчишки в сторонке посмеиваются:

— Эх, ты! Толстый! Ишь чего задумал — на зайцах кататься! Найди себе кого-нибудь поглупее!..

Отлежался Кабан под кустом и пошел по лесу. Идет и ворчит:

— Кто же меня возить-катать будет? Не зря ведь я хомут нашел! Кого мне захомутать?!

Вдруг видит Кабан — в кустах кто-то шевелится. Не долго думая, подкрался, поднял над головой хомут и... надел его на Медведя!

Вскочил Медведь, встал во весь рост да как зарычит:

— Это еще что за новости?

Испугался Кабан:

— Извините, пожалуйста! Я думал...

— Где ты хомут достал? — строгим голосом перебил Кабана Медведь.

— В лесу нашел.

— Зачем он тебе?

— Хотел кого-нибудь захомутать, чтобы меня повозили-покатали! — откровенно признался Кабан.

— Сначала сам попробуй, как это делается, а потом уж других запрягай! — грозно сказал Медведь и надел на Кабана хомут.

1962

УПРЯМЫЙ ПЕТУХ

Увидел Петух парящего в небе орла, и захотелось ему перед курами орлом показаться.

— Чем я не орел? — спросил он у своих пеструшек и хохлаток.

— Орел! Орел! — хором отвечали ему пеструшки и хохлатки. — Орел!

— А я, дяденька, тебя знаю! Ты Петух! — крикнул бежавший мимо Щенок.

— А может быть, я все-таки орел? — грозно спросил Петух и замахал крыльями перед самым носом Щенка.

— Орел, дяденька, орел! — прошептал испуганный Щенок.

— С маленьким ты орел! — сказал Кот. — А сам и летать-то не умеешь!

— Это я-то не умею? — удивился Петух, подпрыгнул и взлетел на забор.

— Орел! Орел! — опять хором закудахтали куры.

— Подумаешь, удивил! — фыркнул Кот. — Я и без крыльев выше заберусь! — И залез на дерево.

Тут уж не на шутку рассердился Петух. Гребешок у него налился кровью. Он изо всех сил разбежался, замахал крыльями, оторвался от земли и... очутился верхом на свинье!

Испугалась спросонья Хрюшка, вскочила, бросилась бежать куда глаза глядят и... влетела под лавку, на которой ведро с водой стояло.

Накрыло Петуха ведром. Вылез он из-под него мокрый, жалкий. Перья обвисли, сам дрожит...

Обсушился на солнышке Петух и опять за свое:

— Орел я или не орел?

— Орел! Орел! — отвечали ему куры.

Петух во дворе был один, и они не хотели с ним ссориться.

1962

ПОРТРЕТ

Написал Заяц-художник портрет Тигра. Очень удачный портрет получился. Тигру понравился.

— Как живой! Лучше, чем фотография.

Увидел работу Зайца старый Осел. И заказал свой портрет.

Взялся Заяц за кисть и краски. Через неделю заказ был готов. Посмотрел Осел на свой портрет и рассердился:

— Не то нарисовал, Косой! Совсем не то! И глаза не такие! Этот портрет мне не нравится. Ты меня как Тигра нарисуй!

— Ладно! — сказал художник. — Будет сделано!

Взялся Заяц за кисть и краски. Изобразил Осла с раскрытой пастью, из которой страшные клыки торчат. Вместо ослиных копыт когти нарисовал. И глаза выразительные, как у Тигра.

— Совсем другое дело! Теперь мне нравится! — сказал Осел. — С этого надо было начинать!

Взял Осел свой портрет, вставил его в золотую раму и понес всем показывать. Кому ни покажет, всем нравится!

— Ну и портрет! Ну и Заяц-художник! Талант!

Повстречал Осел Медведя. Показал ему портрет.

— Похож?

— На кого? — спросил Медведь.

— На меня! — ответил Осел. — Это же я! Не узнал?

— Кто же это тебя так изуродовал? — покачал головой Медведь.

— Ничего ты не понимаешь! Все говорят, что я очень похож! — возмутился Осел и лягнул Медведя.

Рассвирепел Медведь. Вырвал у Осла портрет да как двинет им по Ослиной морде... Порвал Осел мордой холст и выглянул из золотой рамы.

— Вот теперь ты похож! — проворчал Медведь.

1962

ПЕЛИКАНЬЕ ВОСПИТАНИЕ

Два медвежонка возвращались домой с рыбалки и встретили по дороге Пеликана.

— Смотри, Пеликаша, сколько мы рыбки наловили! Приходи к нам в гости, к обеду. На славу угостим!

— Приду! — сказал Пеликан.

И пришел. Сел к столу.

— Не стесняйся, Пеликаша! Ешь на здоровье! — угощали гостя медвежата. — Рыбки много — всю не съедим!

Но через минуту рыбки как не бывало: вся она исчезла у Пеликана в глотке.

Облизнулись медвежата.

— Как вкусно! Мы, кажется, еще бы съели. А ты бы еще съел? — спросил у Пеликана один из медвежат

— Да! — открыл свой большой клюв Пеликан, и при этом у него изо рта выскочила одна рыбка.

— Так кушай еще! — насмешливо сказали медвежата. — Вот как раз еще одна рыбка!..

Больше почему-то медвежата к обеду Пеликана не приглашали. Кстати, Пеликан так до сих пор и не понял — почему?

1963

ПРОСЧИТАЛСЯ

Жил-был в своем логове один Волк. Свое жилище он никогда не чинил и не чистил. Оно было грязное, старое — того гляди, развалится!

Проходил как-то мимо Волчьего логова Слон. Едва-едва задел за крышу, она и покосилась.

— Прости меня, пожалуйста, дружище! — сказал Слон Волку. — Я ведь нечаянно! Я ее сейчас починю!

Слон был на все руки мастер и не боялся работы. Взял он молоток, гвозди и починил крышу. Стала крыша крепче, чем была.

«Ого! — подумал Волк. — Да он меня, видать, испугался! Сперва передо мной извинился, потом сам мне крышу починил. Заставлю-ка я его поставить мне новый дом! Раз боится, значит, послушается!»

— Стой! — закричал он на Слона. — Ты что же это? Ты думаешь от меня так легко отделаться? Своротил мне крышу набок, кое-как ее гвоздиками приколотил и хочешь удрать? Изволь построить мне новый дом! Да поживей, а то я тебя так проучу, что ты своих не узнаешь.

Ничего не ответил Слон, услышав такие слова. Он легко схватил Волка поперек живота и швырнул его в яму с гнилой водой. А потом сел на Волчий дом и раздавил его.

— Вот тебе новый дом! — сказал Слон и ушел.

— Ничего не понимаю! — удивился Волк, придя в себя. — То он меня боялся, прощения просил, а потом так поступил... Ничего не понимаю!

— Дурачина ты! — прокаркал старый Ворон, который все это видел. — Ты просто не видишь разницы между трусостью и хорошим воспитанием!

1963

АИСТЫ И ЛЯГУШКИ

Поспорила Лягушка с Аистом:

— Кто красивее?

— Я! — уверенно сказал Аист. — Посмотри, какие у меня красивые ноги!

— Зато у меня их четыре, а у тебя только две! — возразила Лягушка.

— Да, у меня только две ноги, — сказал Аист, — но они у меня длинные!

— А я квакать умею, а ты нет!

— А я летаю, а ты только прыгаешь!

— Летаешь, а нырять не можешь!

— А у меня есть клюв!

— Подумаешь, клюв! На что он нужен?!

— А вот на что! — рассердился Аист и... проглотил Лягушку.

Не зря говорят, что аисты глотают лягушек, чтобы понапрасну с ними не спорить.

1963

ЗАЯЧЬЕ ГОРЕ

Жил среди зайцев один Заяц. Многие зайчихи на него заглядывались: быстрее его никто в поле не бегал! Кажется, жить бы ему да радоваться, но... Заяц мучительно завидовал Черепахе.

«Вот живет! Вот живет! – думал Заяц. – Собственную нору на спине носит! Втянула голову и ноги – и уже дома. Да еще какая нора! Крепкая, как камень, и с узорчиком. Эх, и повезло же глупой Черепахе!..»

И всюду-то Заяц поносил Черепаху, и всюду-то ее ругал, рассказывал про нее всякие небылицы, смеялся над ней. От зависти даже расхворался.

– Что с тобой? – спросила Зайца Белочка. – С чего чахнешь?

– Из-за проклятой Черепахи, – ответил Заяц. – Просто видеть ее не могу, до чего она меня раздражает! Какую нору на спине носит! С узорчиком...

А Черепаха больше, чем кому-либо, завидовала Зайцу, который умел так быстро бегать.

1963

ОШИБКА

Прибежал как-то Заяц к Журавлю.

— Журавушка, дорогой! Ты хорошо зубы лечишь, вставь мне, пожалуйста, зубы!

— Да они у тебя хорошие!

— Хороши, да малы! Вставь мне львиные клыки!

— Зачем тебе клыки?

— Я с Лисой рассчитаться хочу! Надоело мне от нее бегать, пусть она от меня побегает!

Улыбнулся Журавль и вставил Зайцу искусственные зубы — два львиных клыка. Совсем как настоящие! Страшно смотреть!

— Вот здорово! — воскликнул Заяц, посмотрев на себя в зеркало. — Побегу Лису искать!

Бежит Заяц по лесу — Лису ищет, а она сама ему навстречу из-за кустов выходит. Увидел Заяц Лису и бросился от нее наутек. Прибежал к Журавлю — дрожит, трясется от страха.

— Жу-жу-ра-равушка, дорогой! Замени клыки!

— А эти чем плохи?

— Не плохи, да малы! Против Лисы не годятся! Может, у тебя какие побольше есть?

— Не поможет! — ответил Журавль. — Ошибся я, Косой! Надо было тебе сердце заменить: твое, заячье, выкинуть, а львиное поставить!..

1963

БЕЛЫЕ ПЕРЧАТКИ

Раздобыл где-то молодой ленивый Грач пару белых перчаток. Кое-как натянул их на лапки и задрал клюв:

— Вот я какой!..

Полетели утром птицы на работу: жучков, паучков и мошек в лесах и на полях собирать. Грач дома остался.

— Летим с нами! — кричали птицы, пролетая мимо.

— Летите, летите! — отвечал им Грач. — Разве вы не видите, что я в белых перчатках? Не могу же я их замарать!

Наработались птицы в лесах и на полях, сами досыта наелись, прилетели домой птенцов кормить.

— А мне? — крикнул Грач. — Накормите меня! Я голодный! Весь день ничего не ел!

— Как же ты будешь есть в белых перчатках? Ты их запачкаешь!

— А вы мне прямо в рот кладите — я буду жевать!

— Ну нет! — отвечали птицы. — Ты уже давно не птенчик! Ты уже носишь белые перчатки!

Разлетелись птицы по своим гнездам, перед сном песни пропели и легли спать. А Соловей-соловушка, так тот даже ночью пел — так славно он потрудился за день.

Только Грач да старый Филин не спали. Филин мышей ловил, а Грач в гнезде ворочался. Ворочался, ворочался, а потом взял и съел одну белую перчатку. Голод — не тетка!

1963

ХОЧУ БОДАТЬСЯ

Это был ужасно приставучий Козленок с крохотными рожками. Делать ему было нечего, вот он и приставал ко всем:

— Хочу бодаться! Давай бодаться!..

— Отстань от меня! — сказал Индюк и важно отошел в сторону.

— Давай бодаться! — пристал Козленок к Поросенку

— Отвяжись! — ответил Поросенок и зарылся пятачком в землю.

Подбежал Козленок к старой Овце:

— Давай бодаться!

— Отойди от меня! — попросила Овца. — Оставь меня в покое. Не к лицу мне с тобой бодаться!

— А я хочу! Давай пободаемся!

Промолчала Овца и сама отошла в сторону.

Увидел Козленок Щенка.

— А ну! Давай бодаться!

— Давай! — обрадовался Щенок и больно укусил Козленка за ногу.

— Постой! — заплакал Козленок. — Я хочу бодаться а ты что делаешь?

— А я хочу кусаться! — ответил Щенок и еще раз укусил Козленка.

1964

ОТВЕТ

Пристал однажды маленький Цыпленок к большому Петуху:

— Почему у аиста длинный клюв и предлинные ноги, а у меня совсем маленькие?

— Отстань!

— Почему у зайца длинные уши, а у меня даже маленьких нету?

— Не приставай!

— Почему у котенка красивая шерстка, а у меня какой-то противный желтый пух?

— Отвяжись!

— Почему щенок умеет вертеть хвостиком, а у меня совсем нет никакого хвостика?

— Замолчи!

— Почему у козленка есть рожки, а у меня даже плохоньких рожек и то нету?

— Прекрати! Отстань! — не на шутку рассердился Петух.

— Все отстань... отстань! Почему всем маленьким большие отвечают на вопросы, а ты нет? — пропищал Цыпленок.

— Потому, что ты не спрашиваешь, а просто всем завидуешь! — серьезно ответил Петух.

И это была чистая правда.

1964

ЗАХВАЛЕННАЯ ПЕВУНЬЯ

Жила-была певунья Канарейка. Желтенькая, с хохолком. Голосок у нее был небольшой, но славный — приятно было послушать, как она поет. Ее слушали и хвалили:

— Ах, какая способная!

— Какая талантливая!

А однажды она даже услышала такое:

— О несравненная!

Кто это произнес, она так и не поняла, потому что, когда пела, по привычке закрывала глаза, но этого оказалось достаточно, чтобы она окончательно зазналась.

Скоро все заметили, что Канарейка уже не поет, а чирикает. И на нее перестали обращать внимание...

— Послушай, «несравненная»! — сказал ей однажды Воробей. — Если уж ты взялась чирикать, то подучись у меня. Я тебе с удовольствием помогу! Хорошо чирикать тоже надо уметь!

1964

ОСЕЛ И БОБР

Росло посреди полянки молодое, красивое деревцо.

Бежал через полянку Осел, зазевался и налетел со всего хода на это деревцо, да так, что искры из глаз посыпались.

Обозлился Осел. Пошел к реке, позвал Бобра.

— Бобр! Знаешь полянку, на которой одно деревцо растет?

— Как не знать!

— Свали, Бобр, это деревцо! У тебя зубы острые...

— Это еще зачем?

— Да я об него лоб расшиб — шишку себе набил!

— Куда ж ты смотрел?

— «Куда, куда»... Зазевался — и все тут... Свали деревцо!

— Жалко валить. Оно полянку украшает.

— А мне бегать мешает. Свали, Бобр, деревцо!

— Не хочу.

— Что тебе, трудно, что ли?

— Не трудно, но не стану.

— Почему?

— А потому, что если я его свалю, ты на пенек налетишь!

— А ты пенек выкорчуй!

— Пенек выкорчую, ты в яму свалишься — ноги переломаешь!

— Почему?

— Потому, что ты Осел! — сказал Бобр.

1964

ПОСЛЕДНЕЕ ЖЕЛАНИЕ

Волк решил повеситься и раззвонил об этом по всему лесу.

— Как же! Повесится он! Дожидайся! — усмехнулся Заяц.

— Повесится, повесится! Непременно повесится! Он это твердо решил, — сказала Черепаха.

— Может, еще передумает! — поежился Еж.

— Не передумает, не передумает! Он уж и дерево выбрал. И сучок облюбовал! — заверещала Сорока. — На осине решил вешаться. Веревку ищет...

Шум, толки, пересуды. Кто верит, кто сомневается.

Дошел слух до деревенского Полкана. Прибежал Полкан в лес, разыскал Волка. Видит: сидит Серый под осиной, грустный, на сучок смотрит. Екнуло у Полкана сердце. Недолюбливал он Волка, близко к дворам не подпускал, но тут как-никак — драма... трагедия!

— Здравствуй, Серый! — тихо поздоровался Полкан.

— Здравствуй и прощай! — ответил Волк, смахивая с носа слезу. — Прощай, Полкаша! Не поминай лихом. Прости, ежели что...

— Неужели это правда? — спросил осторожно Полкан. — Просто не верится! Почему? Что случилось?

— Опозорен я! Опозорен и в баснях и в сказках... Не хочу больше жить! Помоги достать веревку... Поищи ее в сарае. Сарай у тебя на запоре, да ты в него вхож... тебе доверяют...

— Ладно уж... Сделаю... — согласился Полкан, не подумав.

— Вот спасибо! — сказал растроганный Волк. — Да заодно уж... вместе с веревочкой... прихвати и козленочка. Выполни мое последнее желание...

И выполнил Полкан последнее желание Волка. А тот не повесился. Раздумал...

1964

ПЬЯНЫЕ ВИШНИ

Наклевался Петух во дворе пьяных вишен из-под сладкой наливки. Наклевался и пошел искать, с кем бы подраться. И подрался... Утром проснулся, глянул на себя в лужицу и ахнул: правый глаз подбит, весь заплыл. Гребешок набоку, распух. От хвоста два пера осталось. И все косточки болят...

— С кем же это я вчера сцепился? — стал вспоминать Петух. — С Гусем, что ли? — спросил он Щенка.

— Нет, — сказал Щенок.

— С Индюком?

— Нет, — сказал Щенок.

— С Котом?

— Нет, — сказал Щенок.

— Неужели я на Быка напал? — едва выговорил Петух.

— Нет, — сказал Щенок.

— Так кто же меня вчера так отделал?

— Курица, — сказал Щенок.

1964

ВОЛШЕБНОЕ СЛОВО

— Теперь я сильнее всех! — сказал однажды Заяц.

— Ну уж и сильнее? — усомнилась Зайчиха.

— Не веришь? Хочешь, я сейчас Кабану пинка дам?

— Одумайся! — испугалась Зайчиха.

— Ничего он не сделает! Я волшебное слово знаю!

Подошел Заяц сзади к Кабану и дал ему пинка. Рассвирепел Кабан. Обмерла от страха Зайчиха, глаза закрыла... А Заяц спокойно лег на землю, лапки кверху поднял и закричал:

— Признаю свою ошибку! Лежачего не бьют!

Задумался Кабан... Ладно, коли так... Не тронул Зайца, отошел.

— Во! Видала?! — сказал Заяц Зайчихе.

— Герой! — даже задохнулась от восторга Зайчиха. — Герой!!!

Совсем обнаглел Заяц. Ходит с Зайчихой по лесу, всем направо и налево пинки раздает... И ничего! Помогает волшебное слово!

Вот шли они как-то опушкой, видят: сидит Медведь на пеньке, морковку ест

— Как мне хочется морковки... — мечтательно сказала Зайчиха.

— Морковки? Сейчас будет!

Подошел Заяц к Медведю, вырвал морковку.

Промолчал Медведь, только поднялся на задние лапы и взял прут.

— Стой! — закричал Заяц, повалившись на землю и поднимая кверху лапки. — Стой! Признаю свою ошибку! Лежачего не бьют!

— Знаю, — сказал Медведь. — А я тебя бить и не собираюсь. Я тебя высеку!..

И высек. Пребольно высек на глазах у Зайчихи.

Стыд-то какой!

1964

КАК УДАВ ПОДАВИЛСЯ

Сидел на камушке Мышонок. Полз мимо жадный Удав. Увидел Мышонка:

— Сойдет! Закушу по пути!

Раскрыл Удав свою пасть и бросился на Мышонка. Но Мышонок увернулся, и Удав проглотил... камень. Застрял камень в горле у жадного Удава. Что делать?

Приполз Удав к Цапле:

— Выручай!

— Что с тобой? Никак, опять объелся? — спросила Цапля.

— Камень вместо Мышонка проглотил... застрял он у меня в глотке...

— Ты потряси головой! — сказала Цапля.

— Пробовал! — прошипел Удав.

— Попробуй откашляться!

— Все пробовал — ничего не помогает!

— Ничего не помогает? — переспросила Цапля.

— Ничего... — прошипел Удав.

— Это хорошо! — сказала Цапля.

1964

ТЬФУ!

Шел Слон. Шел он медленно, спокойно, раскачивая хоботом, и вдруг заметил, что за ним крадется... Заяц!

— Что с ним? Уж не взбесился ли он? — испугался Слон и прибавил шагу. Заяц — за ним...

«Что делать? Как мне от Зайца уйти? — думал Слон, ускоряя ход. — Никогда еще такого не было, чтобы зайцы за слонами гонялись!»

Бежит Слон, то и дело оглядывается: Заяц не отстает, догоняет...

И вдруг впереди — пропасть!

«Погиб! Пропал! Не в пропасть же лететь!» — мелькнуло в голове у Слона, и он остановился.

Подбежал Заяц. Тоже едва дух переводит.

— Что те... тебе от меня надо? — пролепетал Слон.

— Пожалуйста... дай автограф! — умоляюще попросил Заяц, глядя снизу вверх. — Пожалуйста! Дай!..

— Тьфу!

1964

ДУРНАЯ ПРИМЕТА

Жила-была черная-пречерная Кошка. Была она хорошей охотницей: то мышку поймает, то рыбешку выловит. Возвращалась она как-то домой после удачной охоты, и повстречался ей Щенок.

— Кошка, Кошка! Возьми меня когда-нибудь с собой на охоту!

— Пойдем,— согласилась Кошка.— Вдвоем всегда веселее.

— Ладно,— сказал Щенок.— Только я впереди пойду, чтобы ты мне дорогу не перебежала. А то у нас удачи не будет! Ты ведь кошка, да еще черная к тому же...

— Никуда я с тобой не пойду! — ответила Кошка.

— Почему? — удивился Щенок.

— А потому, что лучше с умным потерять, чем с дураком найти! А ты глуп, как я погляжу! — сказала Кошка и пошла своей дорогой.

1964

ПОЧЕМУ МЫШИ КОТОВ НЕ ОБИЖАЮТ

Было это в давние-предавние времена...

Вернулся как-то поздно домой Мышонок и рассказывает:

— Только что нос к носу с соседским котом столкнулся!

Заволновались мыши:

— Ну и что? Рассказывай! Дальше что?

— Столкнулись мы лбами,— продолжал Мышонок,— ну и...

— Какой ужас! Ну и что дальше? — не терпелось узнать мышам.

— Понимаете...— вздохнул Мышонок и закатил глазки.— Такая ночь!.. Облачка по небу бегут... звездочки горят... луна светит... ветерок теплый веет... и настроение у меня было такое чудесное, такое хорошее, что...

— Что? Что? Говори скорее! Не тяни!

— ...что я кота даже пальцем не тронул! Пусть себе живет! — закончил свой рассказ Мышонок.

— Ах! Ах, как трогательно! — запищали мыши.— И мы тоже никогда не будем обижать котов и кошек!..

Так возникла эта красивая легенда.

С тех давних пор мыши никогда не обижают котов и кошек.

1965

КТО КОГО?

Построили себе Заяц и Зайчиха небольшой домишко в лесу. Все вокруг прибрали, расчистили и размели. Осталось только большой камень с дороги убрать.

— Давай поднатужимся и оттащим его куда-нибудь в сторонку! — предложила Зайчиха.

— А ну его! — ответил Заяц. — Пусть лежит, где лежал! Кому надо будет, тот обойдет!

И остался камень лежать возле крыльца.

Бежал однажды Заяц домой с огорода. Забыл, что камень на дороге лежит, споткнулся и расквасил себе нос.

— Давай уберем камень! — предложила опять Зайчиха. — Смотри, как ты разбился.

— Охота была! — отвечал Заяц. — Стану я с ним возиться!

В другой раз вечером выскочил Заяц по нужде, опять забыл про камень — в темноте на него налетел, так расшибся, что забыл, зачем вышел.

— Говорила тебе, уберем этот проклятый камень! — взмолилась Зайчиха.

— Пусть лежит, где лежал! — ответил упрямый Заяц.

Лежит камень. Бьется об него Заяц, но камня не убирает. А Зайчиха смотрит: кто кого?

1965

УСЛОВНЫЙ РЕФЛЕКС

Увидел Заяц крепко спавшего Тигра, а рядом Змею.

— А ну как она его ужалит? Разбужу-ка я Тигра! — решил Заяц и, сам дрожа от страха, сильно дернул Тигра за хвост.

— Кто осмелился разбудить меня? — взревел Тигр.

— Простите, но это я! — прошептал Заяц. — Берегитесь! Змея!

Оглянулся Тигр, увидел гадюку. Отскочил в сторону.

— Дай лапу, — сказал Тигр Зайцу. — Ты смел и благороден. Отныне мы будем друзьями, и я беру тебя под свою защиту! Теперь ты можешь никого не бояться!..

Обрадовался Заяц.

Вдруг из кустов выглянула Лиса. В ту же секунду Зайца как ветром сдуло.

Удивился Тигр. Покачал головой. К вечеру разыскал Зайца.

— Чего же ты удрал?

— Лису увидел.

— Но я же рядом был! Я же обещал тебя защищать!

— Обещал.

— Ты что же, мне не веришь?

— Верю.

— Уж не думаешь ли ты, что Лиса сильнее меня?

— Нет, ты сильнее!

— Так почему же ты тогда удрал?

— Условный рефлекс, — смущенно признался Заяц.

1965

ЛОМАКА

Взлетел Петух на забор и задрал кверху голову

— Вы любуетесь небом? — спросила Утка.

— А что мне небо! — ответил Петух и еще выше запрокинул голову. — Глупое пространство, набитое светилами так, что не протолкаешься! Надоевшая смена дня и ночи! Скучно все это...

— Я не знала, что вы такой интересный! Какие у вас непонятные мысли! — воскликнула Утка.

— Расправлю я свои крылья, — продолжал изрекать Петух, — взлечу выше неба, брошу всем светилам вызов и, непонятный, но гордый, свергнусь в синее бездонное море и... утону!

Тут у Петуха закружилась голова. Потеряв равновесие, он свалился с забора прямо в лужу.

— Ах! — испугалась утка. — Вы уже тонете?!

— Тону! — раздраженно ответил Петух и, поймав зазевавшегося дождевого червячка, проглотил его.

Как и все петухи.

1965

ДРУЗЬЯ В ПОХОДЕ

Сговорились Лиса, Бобр и Кабан пойти вместе в дальний поход: по лесам, по горам побродить, новые места посмотреть.

Собрались они и пошли. Шли, шли, дошли до речки. Через речку мостик перекинут. Втроем не пройдешь, надо по одному перебираться.

— Ступай ты первый! — сказал Бобру Кабан. — Ты старше, тебе почет!

— Правильно. Пусть Бобр первый идет! — согласилась Лиса.

Бобр пошел. Вдруг мостик под ним провалился, Бобр полетел в воду.

— Ах, беда! Беда! — завопила Лиса. — Кабан, прыгай в воду, спасай Бобра. Пропадет наш Бобр! Скорей! Скорей!

— Сама за ним прыгай! — прохрюкал Кабан. — Я бы рад, да боюсь в холодной воде простудиться.

— Спасибо вам, я уж как-нибудь сам. Я ведь плаваю, — послышался из-под мостика голос Бобра.

Вылез Бобр на берег, откашлялся, отряхнулся.

— Вот и чудесно! — обрадовались Лиса и Кабан. — Пошли дальше.

— Ну нет! — твердо сказал Бобр. — С вами пропадешь!

1965

АНАЛИТИК

Встретил Волк на своем пути Барана.

— Ты обедал? — спросил Волк.

— Да, а что?

— А я нет! Жаль мне тебя, конечно, да и совестно, но... ты меня только правильно пойми — голод не тетка! Так что я тебя, Баранчик, сейчас...

— Не совсем понимаю, куда ты клонишь?! — перебил Волка Баран. — Неясность изложения твоей основной мысли затуманивается весьма сомнительным указанием на прямое родство естественного чувства голода с теткой. Такое, я бы сказал, вольное сравнение физиологического чувства с фамильным родством фактически не может иметь места. Если бы вышеизложенное указание на сродство голода с теткой было бы просто литературным приемом, то, признавая в принципе подобные аналогии, я бы все же счел своим долгом заметить, что...

Барану не пришлось кончать своей речи...

Волк был уже далеко: у него пропал аппетит!

1965

ВЫРВИХВОСТ

Увидел Заяц Волка без хвоста. Пошел по его следам и нашел... волчий хвост в капкане. Вот оно какое дело!..

Вытащил Заяц волчий хвост из капкана. Налетела на Зайца Сорока-сплетница:

— Откуда у тебя волчий хвост, Косой?

— Я его у Волка вырвал! — соврал Заяц.

— Как же это ты посмел? — удивилась Сорока.

— Да очень просто! Подрался я нынче утром с серым бродягой — не захотел он со мной первым поздороваться! Стукнул его разок-другой, повалил на землю, намял ему бока. Запросил он у меня пощады: «Не бей, Заинька! Не бей!» Ну, я его бить не стал, а хвост все-таки вырвал. На память!

Раззвонила Сорока на весь лес о заячьей смелости

— Заяц Волку хвост вырвал! Сама видела!

Поверили звери. Да и как не поверить, когда Заяц по лесу ходит, волчьим хвостом размахивает, комаров от себя отгоняет.

Прозвали звери Зайца Вырвихвостом. Стали от него свои хвосты прятать. Больше всех Лиса забеспокоилась:

— У меня хвост не чета другим! Красота! Такой хвост потерять!..

Повстречала Лиса как-то Медведя.

— Бежим, Миша, из лесу, пока Вырвихвост нам хвосты не пообрывал.

— А мне отрывать нечего. У меня хвост пуговкой! — ответил Медведь. — Лучше Зайца попрошу, чтобы он на деревенскую Шавку страху нагнал. Тревожит она меня, лает по ночам на деревне — спать мне не дает.

— Будет сделано! — пообещал Вырвихвост Медведю и пошел на деревню.

— Ну и попадет же Шавке! — решили звери в лесу. — Быть ей без хвоста!..

Вернулся Заяц в лес ни жив ни мертв. Дрожит как лист осиновый. Заикается.

— Что с тобой случилось, Косой? Докладывай! — обступили его звери.

— Стра-стра... ши... ши...

— Не поймем, говори толком!

— Стра-стра-шилище! — произнес наконец Заяц.

— Что за страшилище? — заволновались звери. — Где?

Но Вырвихвост был так кем-то напуган, что ничего не мог толком рассказать. Кое-как он собрался с духом и дрожащей лапкой нарисовал на камне Индюка.

Поняли звери, кого он на пути встретил, кого испугался.

Но кличка «Вырвихвост» так за Зайцем и осталась...

ЧТО КОШКА О СЕБЕ ВООБРАЗИЛА

Прослышала где-то Кошка, что Тигр и Пантера принадлежат к семейству кошек.

— Ого! — обрадовалась Кошка. — А я-то, дурочка, не знала, какая у меня родня! Ну, теперь я себя покажу... — И, не долго думая, она прыгнула на спину Осла.

— Это еще что за новости? — удивился Осел.

— Вези, куда прикажу. Вези и не разговаривай! Знаешь, кто у меня родственники? — воскликнула Кошка, сидя у Осла на загривке.

— Кто же? — поинтересовался Осел.

— Тигр и Пантера, вот кто! Не веришь — спроси у Ворона.

Осел спросил у Ворона. Тот подтвердил.

— Да, действительно кошка, тигр, барс, рысь, а также пантера и ягуар и даже лев — из семейства кошачьих!

— Теперь ты убедился? — воскликнула Кошка, вонзая когти в Ослиную гриву. — Вези!

— Куда? — спокойно спросил Осел. — К Тигру или к Пантере?

— Не-е-ет! — неожиданно промяукала Кошка. — Вези меня к этим... как их... к ммм-мы-шам!..

И Осел отвез Кошку туда, где водились мыши.

Потому что Кошка — это все-таки кошка.

1966

ОСТОРОЖНЫЕ КОЗЛЫ

Забрался Хорек в курятник, подкрался к спящему Петушку, накрыл его мешком, завязал и потащил в лес...

Бьется Петушок в мешке, кричит что есть мочи. Тащит Хорек добычу, а навстречу ему два Козла идут, бородами трясут. Испугался Хорек, бросил мешок и — в кусты...

Подошли Козлы.

— Никак, Петух кричал? — сказал один.

— Я тоже слышал, — сказал другой. — Эй, Петя! Где ты?

— Я здесь... в мешке... — отозвался Петушок. — Спасите меня, братцы!

— Как же ты в мешок попал?

— Накрыл меня сзади кто-то мешком и потащил. Спасите меня, голубчики!

— Вот оно что... Мешок, стало быть, не твой?

— Не мой! Развяжите мешок, братцы!

Задумались Козлы.

— Гм-м... Это, брат, не так просто... Дело-то вон как оборачивается! Мешок-то, выходит, чужой?

— Да-а-а... — замотал бородой второй Козел. — Был бы твой мешок, мы бы тебя живо того... из него... согласно личной просьбе... А то чужой ведь мешок-то! Незаконно вроде без хозяина...

— Так меня же самого украли! Разве не ясно? — завопил Петушок.

— Так-то оно так... — сказал первый Козел. — Но тут, брат, посоветоваться надо бы... согласовать...

— Вот кабы разрешение достать или указание получить, тогда бы мы тебя враз освободили! — подтвердил второй Козел.

— Ну хоть отнесите меня к Полкану! — простонал Петушок. — Он поймет!

— Чего ж тут не понять? — сказал первый Козел.

— Отнести — дело нехитрое... А ну, как нас спросят: «Куда это вы чужой мешок тянете?» А? Что тогда? — спросил второй Козел.

— Точно, — согласился первый Козел. — Доказывай потом, что ты с рогами, а не с горбом!

— Ну хоть сходите к Полкану, скажите ему, что я в беду попал! — взмолился Петушок. — А я пока в мешке подожду...

— Это можно, — согласились Козлы. — Правда, не по пути нам, но для тебя сделаем...

Ушли Козлы.

Остался Петушок в мешке на дороге.

Прибежал Полкан выручать Петушка. Прибежал, ан... уже ни мешка, ни Петушка!

1966

НОС

— Простите за любопытство, но меня очень заинтересовал ваш нос! — обратился к Слону Баран.

— Вы, вероятно, хотели сказать — хобот? — вежливо поправил его Слон.

— Нет! Именно — нос! — воскликнул Баран. — Ведь ваш так называемый «хобот» как по занимаемому им положению относительно глаз и рта, а также по отдельным функциям, присущим только носу, ваш, я повторяю, «хобот» есть не что иное, как нос! Но, с другой стороны, длина и подвижность вашего носа напоминают, извините за сравнение, большой хвост!

Слон усмехнулся.

— Не поэтому ли, — продолжал Баран, — как внешний вид, так и поведение, если можно так выразиться, вашего органа, являющегося, как я уже отметил выше, носом, похожим на хвост, не могут не вызвать законного недоумения...

— Возможно! — перебил Барана Слон. — Но я постараюсь дать вам по этому поводу разъяснение. Видите ли, у нас, слонов, имеется серьезный физический недостаток — короткая шея. Этот наш недостаток компенсируется в известной степени хоботом. Попытаюсь доказать вам это наглядным примером...

Слон сорвал хоботом с дерева веточку, затем окунул хобот в ручей, набрал воду и пустил фонтан.

— Надеюсь, вам теперь понятно, — сказал Слон, — что мой хобот есть следствие приспособляемости организма.

— Благодарю вас! — ответил Баран. — Теперь я могу наконец приступить к работе над своей диссертацией.

1966

УСЛУЖЛИВЫЙ

Устал Лось бродить по лесу и захотел отдохнуть. Прилег он на полянке и попросил Зайца:

— Сделай одолжение — разбуди меня через полчасика!

Засуетился Заяц: ведь сам Лось попросил его об одолжении...

— Спи-спи! Обязательно разбужу! — пообещал он.

Лось потянулся и закрыл глаза.

— Может, тебе сена подстелить? — предложил Заяц.

Притащил клок сена и давай его Лосю под бок пихать.

— Спасибо, не надо! — сквозь сон сказал Лось.

— Как — не надо? На сене-то, поди, мягче будет!

— Ладно, ладно... я спать хочу...

— Может, тебе перед сном напиться принести? Тут ручей неподалеку. Я мигом сбегаю!

— Да нет, не надо... я спать хочу...

— Спи-спи! Хочешь, я тебе сказку на ухо расскажу? Скорей уснешь! — не унимался услужливый Заяц.

— Да нет же... спасибо... я и так засну...

— А может, тебе рога мешают?!

Вскочил Лось на ноги и, зевая, поплелся прочь.

— Куда же ты? — удивился Заяц. — Ведь еще и двадцати минут не прошло!

1966

НЕ СТОИТ БЛАГОДАРНОСТИ

Тащил на себе старый Медведь здоровенное бревно. Замучился, присел на пенек.

— Тяжелое небось бревно-то? — спросил молодой Кабан, что неподалеку грелся на солнцепеке.

— Ух, и тяжелое! — ответил Медведь отдуваясь.

— И далеко еще тащить?

— До самого леса.

— В такую жару! Поди, умаялся?

— И не спрашивай!

— Такое-то бревно вдвоем бы тащить!

— Ясное дело — вдвоем бы сподручнее было!

— Ну, я пошел! — сказал Кабан, поднимаясь. — Желаю удачи! Да смотри не надорвись!

— Спасибо, — вздохнул Медведь.

— Не за что! — ответил Кабан.

1966

ЗАЯЧИЙ МОСТ

Повстречал Бык возле речки Зайца. Поздоровались.

— Куда это ты собрался? — спросил Заяц.

— Да вот хочу на ту сторону перебраться, — ответил Бык. — Где бы мне тут брод найти?

— А на что тебе брод? Вон мостик рядом!

— Как бы он подо мной не провалился! — сказал Бык и посмотрел на мостик, что был перекинут через речку.

— Смело иди! — посоветовал Заяц. — Он и не такого, как ты, выдержит!

Пошел Бык по мостику. До середины не дошел, как мостик под ним рухнул.

— Эх, ты! — сказал Бык, выбираясь на берег. — Посоветовал!.. Как я только ноги себе не переломал. Остался бы калекой!

— Просто непонятно! — пожал плечами Заяц. — Да я по нему взад-назад целый день бегаю — и ничего!..

1966

КАБАН НА ШЕЕ

Брел как-то Медведь по лесу. Глядит — Кабан в яму провалился, никак из нее не выберется. Помог Медведь Кабану в беде.

— Ну и лапищи же у тебя! — прохрюкал Кабан, выбравшись из ямы. — Не мог, что ли, меня поосторожнее тащить? Ухватился за шкуру — всю спину исцарапал!

Смутился Медведь. Промолчал.

— Ладно! — сказал Кабан. — Я не сержусь. Что с Медведя спрашивать! Перекусить у тебя чего найдется? Проголодался я в яме — со вчерашнего дня в ней сижу.

— Придется мне тогда домой сбегать, — сказал Медведь.

— А ты сбегай, сбегай, не ленись! Да прихвати что повкусней.

Сбегал Медведь в свою берлогу. Принес Кабану соты с медом.

— Тебя, приятель, хорошо за смертью посылать! — ворчал Кабан, давясь от жадности Мишкиным медом. — Мог бы и побыстрее обернуться!.. А ну давай!

— Что давать? — не понял Медведь.

— Давай бери в лапы ветку и садись мух от меня отгонять. Вишь, сколько их на мед налетело!

Сел Медведь от Кабана мух отгонять.

Отвалился Кабан от меда, улегся под куст, вытянул ноги.

— Ну?

— Что «ну»? — переспросил Медведь.

— Спину мне почеши, вот что! Люблю я, когда мне спину чешут. Только поосторожнее своими когтищами...

Посмотрел Медведь в глаза Кабану, ничего не ответил и пошел прочь.

— Эй! Эй! Куда же ты? — завопил Кабан.

Медведь будто не слышал.

— Ишь ты! Уж и почесать не может! Вот ленивый! — прохрюкал у него за спиной Кабан.

На его беду, Медведь это услышал и... вернулся!

1966

ШАКАЛ-ИНТРИГАН

Свалили Барс и Рысь на охоте молодого олененка. Свалили и приготовились его съесть. Пробегал мимо Шакал. Увидел чужую добычу, и такая вдруг его зависть взяла... Отозвал он Рысь в сторону и говорит:

— Знаешь, что мне про тебя вчера твой Барс рассказывал?

— Нет, а что?

— Только, чур, по секрету! Я тебе как другу...

— Не тяни! Так что же он про меня такое сказал?

— Что глупее тебя разве что курица!

— Врешь!

— И это еще не все!

— Что еще?

— Что ты труслива, как зайчиха, а прыгаешь не дальше, чем болотная жаба!.. Только молчок! Это я тебе как другу...

— Не может быть! — возмутилась Рысь. — И ты не врешь?

— Провалиться мне на месте!

— Я тебе не верю. Не мог Барс про меня такое сказать!

Спустилась Рысь к ручью воды напиться, а Шакал подошел к Барсу и поманил его:

— Поди сюда, я тебе что-то скажу!

Барс подошел:

— Чего тебе, бродяга?

— Хочешь знать, что вчера Рысь про тебя сказала?

— Что она могла про меня сказать? — удивился Барс.

— А то, что ты глупее курицы, трусливей зайца и

прыгаешь не дальше лягушки! – скороговоркой отвечал Шакал.

– Врешь! Не посмела бы она про меня такое сказать, – сказал гордо Барс.

– Провалиться мне на месте, если вру! Только, чур, я тебе по секрету, как другу. Не выдавай!

– Хорошо, друг! – сказал Барс и пошел искать Рысь.

А та уже сама навстречу ему идет – на загривке шерсть дыбом стоит. Сцепились Барс с Рысью – только клочья летят.

А Шакал тем временем съел олененка.

1966

ЗВАНИЕ – СИЛА

Повстречались Осел и Петух.

– Здорово, Осел! – поздоровался Петух.

– Здравствуй, здравствуй! – сухо ответил Осел. – Только прошу меня больше так не называть!

– Почему же? – удивился Петух. – Разве ты перестал быть ослом?

– В некотором смысле – да! – сказал Осел. – Слово «осел» – это символ глупости, а мне присвоено ученое звание!

– Ученое звание? Какое же? – растерялся Петух.

– Класс млекопитающих, отряд непарнокопытных, семейство лошадиных, подвид – эквум азинус! – с гордостью произнес Осел.

И это звучало.

1966

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ

Бежал Заяц по лесу, а Волк спал после сытного обеда у себя в логове. Вот Заяц возьми да и провались в Волчье логово!

Проснулся Волк — обомлел: Заяц!

А тот стоит перед ним ни жив ни мертв — лапки по швам... Не успел Волк очухаться от неожиданности, как Заяц вдруг преобразился, заднюю ногу вперед выставил, да как заорет во все горло:

— Вста-а-ать!

Вскочил Волк.

А Заяц громче прежнего:

— Как стоишь, бродяга?! Молчать! Что за кости? Чьи? Отвечай!

— Это... я... я... обедал... — окончательно растерявшись, отвечал Волк.

— Молчать, когда с тобой разговаривают! Спал на овечьей шкуре? А где сама овца?

— Я... я... я...

— Ясно! Завтра поговорим! У старого дуба! Ровно в пять! Все! — И Заяц величественно вышел из логова.

К старому дубу Волк так и не явился. Ни в пять, ни в шесть, ни позже... После встречи с Зайцем его разбил паралич.

А Заяц? Увы! Он слишком часто стал прибегать к этой манере разговаривать. Как бы чего не вышло...

1967

СЦЕНКИ, МИНИАТЮРЫ

СОРИНКА

Комедия в двух картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Кузьма Кузьмич Чеснов, худощавый пожилой человек с военной выправкой. Лицо строгое, однако может вдруг озариться лукавой, веселой улыбкой. Разговаривает и держится просто. По всему видно, что жизнь прожита не зря и испытано всякого на веку немало. Одним словом, «старый боевой конь».

Софрон Тарасович Соринка, склонный к полноте мужчина с гладким лицом. Представителен. В манере держаться и разговаривать проскальзывают самодовольство и самоуспокоенность.

Олимпия Павловна, его жена, деловая женщина с неиссякаемым запасом энергии, идущей главным образом на устройство личного благополучия. Моложе своего мужа на 20 лет.

Митрофан Ильич, по прозвищу Маманегорюй, «на все руки мастер». Все видит. Понимает, что не «соринками» свет держится.

Акимовна, Полина и Дуня, две постарше, третья помоложе.

Плотник — здоровый парень.

Действие происходит в лесной дачной местности километрах в шестидесяти от города.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Угол дачи на еще не обжитом лесном участке. Деревья подступают к самому дому. На недостроенной веранде плотничает Митрофан Ильич. Возле дачи на земле сложены в штабель новые доски.

Появляются Кузьма Кузьмич Чеснов и Софрон Тарасович Соринка. Чеснов в форме генерала. Он немного прихрамывает на левую ногу и потому опирается на трость. Соринка в белом чесучовом костюме и соломенной шляпе. Маманегорюй приостанавливает работу и смотрит в сторону подошедших. Закуривает. Издалека доносится стук молотка: где-то что-то прибивают.

Соринка
(смотрит на курящего плотника)

Ты, Маманегорюй, мне дачу не спали!
Недавно эдак вот одну уже сожгли...
Понятно?

Маманегорюй

А я, Софрон Тарасыч, аккуратно...

(Осторожно стряхивает пепел в ладонь.)

Надумал я бросать курить...
Да все не соберусь зайти к одной старушке –
Она было бралась меня заговорить.

Соринка

Бросать – бросай, да не на эти стружки.

(Показывает на стружки, лежащие на полу веранды. Затем обращается к Чеснову.)

Ну, вот, Кузьма Кузьмич, и все мое владенье.
Какое будет мненье?
Что скажешь?

Чеснов

Что скажу?
Хорошие места, как погляжу.
(Присаживается на доски.)

Соринка
(садится рядом)

А главное – река
И широка и глубока!
Отменное купанье и рыбалка!
Мне, откровенно говоря,
Как друга старого тебя немножко жалко,
Что строишься не здесь...
Зря! Зря! Ей-богу, зря!
Вот был бы мне соседом,
То я тебя чайком, то ты меня обедом...

Чеснов
(улыбнувшись)

От заседаний тут одно спасенье.

Соринка

Но, к сожаленью, только в воскресенье!
(Вздыхает.)
Природа.. Благодать. Покой.
А воздух? Воздух-то какой?
Какие кислороды!
Они-то нам и продлевают годы!

Такому воздуху за аромат с полей
Цена за килограмм не меньше ста рублей.
(Смеется.)
Как, Маманегорюй?

Маманегорюй

У нас климат здоровый:
Песчаный грунт и бор сосновый.
А за рекой — орешник и дубы...
Есть ягоды, грибы...

Чеснов

Ты здешний?

Маманегорюй

Тутошний, товарищ генерал.

Чеснов

Был на войне?

Маманегорюй

Свое отвоевал.

Чеснов

Пехота-матушка?

Маманегорюй

Мы по саперной части
До революции и при Советской власти.

Соринка

В каких чинах пришел домой с войны?
Что на погонах?

Маманегорюй

Лычки старшины.

Соринка
(назидательно)
Ты, Маманегорюй, довольствовался малым:
(показывает на Чеснова)
Вот, начал рядовым, а кончил — генералом!

Маманегорюй

У моего зятька братеник есть —
Недавно тоже в замминистры вышел!

Соринка

Когда он с головой — подымется и выше.

Маманегорюй

Куда уж выше-то? И так большая честь.
(Уходит за угол дачи.)

Соринка
(помолчав, глубокомысленно)

Вот так кругом оглянешься порою,
И видишь явственно, какие ж мы герои!
Какой берем разбег! Какой подъем!
Какой пример другим даем!
И нам, на это заслужившим право,—
Тут что ни говори, а слава! Честь и слава!
Отрадно сознавать...

Чеснов
(перебивает с улыбкой)

...что мы сейчас вдвоем
И эта речь о славе и о чести
Звучит в таком уединенном месте.

Соринка

А разве я не прав? Кем были и кем стали?
Добились мы того, о чем отцы мечтали!
Что пережить пришлось? Которая война!
Да что припоминать? Взглянуть на ордена!

Чеснов

Мы зачастую судим друг о друге,
В виду имея старые заслуги.
Теперь иные времена —
Кто нерадив, с тем разговор короткий.
Не спрячешься за орденской колодкой!

Олимпия Павловна
(голос за сценой)

Бутузя!

Соринка
(Чеснову)

Олимпия Павловна!
(Многозначительно.)
Жена!.. Жена!! Же-на!
(Уходит.)

Появляется Маманегорюй. Он поднимается на веранду Продолжает работать. Чеснов молча наблюдает за ним.

Чеснов
(после паузы)

В колхозе состоишь?

Маманегорюй
А как же... С основанья...

Чеснов

Там состоишь, а плотничаешь тут?

Маманегорюй
(туманно)

Приказано. Такое есть заданье...
(Внезапно замолкает.)

Чеснов

Что замолчал?

Маманегорюй
Да сами вон идут...

Появляются Соринка и Олимпия Павловна; в руках у нее рулетка.

Олимпия Павловна
(Чеснову)

Давала указания рабочим,
прошу меня простить!
(Поднимается на веранду.)

Вас, Маманегорюй, сегодня, между прочим,
Я, кажется, смогу пораньше отпустить!
Ну, а сейчас возьмите-ка топор
И вместе с мастером, что ставит нам забор,
Пойдите и срубите старый клен
С той стороны, где будет наш балкон.

Маманегорюй берет топор и уходит.

(Устало вздыхает. Обращается к Чеснову.)
Софрон Тарасыч позвонил куда-то,
И плотников нам выделил колхоз.
Хорошие, толковые ребята,
Но то у них уборка, то покос...
Отпросятся на день, уходят на три дня,
А я сижу и жду. Замучили меня!
(Вытирает платочком лоб.)

Соринка
(осуждающим тоном)
Упала дисциплинка,
Избаловали мы народ,
Теперь у каждого своя скотинка,
Свой приусадебный участок, огород!
Он свой-то урожай всех раньше уберет!..
Да-а-а!.. У иных в сознании пока
Сидит упорно «собственная репка»!
За пережитки надо браться крепко,
Их корчевать — задача нелегка! Ой, нелегка!..
(Вздыхает, задумывается.)

Олимпия Павловна
(Чеснову)
На этой стройке я сойду с ума!
За всем, за всем должна следить сама,
А если где недоглядела,
То знай, что будет все не так —
Все косо, криво, кое-как.
Тут — гвозди кончились, там — не хватило мела,
Те — просят на вино, а эти — на табак.
В четверг за кирпичом, в субботу за штакетом.
И при этом
В такую-то жару да по таким делам!
Ну, хорошо еще Софрон Тарасыч сам
Где надо поднажмет своим авторитетом.

Чеснов
(с иронией)
В сравненье ли идут все званья и чины
С талантами такой, как вы, жены!

Олимпия Павловна
Ну, что ж, друзья! Я вас хочу просить
Минут через пятнадцать закусить!
(Уходит в дачу.)

Соринка
(Чеснову)

Вот так, Кузьма Кузьмич!
Ты, стало быть, в отставке?
Что будешь делать?

Чеснов

Будем жить.
Найдем, где руки приложить.

Соринка
(мечтательно)

Сад разбивать? Копать канавки?
Искать в цветочной лавке
Рассаду всякую? Сажать цветы?

Чеснов

Нет! У меня иные планы.
Сдавать позиции не собираюсь. Рано!
Иные у меня и думки и мечты.

Соринка

Что? Потянуло к мемуарам?

Чеснов

Не чувствую себя еще настолько старым.

Соринка

Так что же, если не секрет?

Чеснов

Армейской службы тридцать лет
И опыт прошлых войн, что за моей спиной,
Сейчас, как никогда, встают передо мной.
Задумал написать я труд...
Что ж, если б не мое раненье и болезни,
Я был бы в академии полезней.
Но я могу писать. Так пусть меня прочтут!

Соринка

Попробуешь за карандашик взяться?
Ну что ж, а там, глядишь, не только издадут,
Но, может быть, еще и премию дадут?
(Помолчав.)

Ты только дай мне тут обосноваться,
Я тоже выкрою где час, а где денек,—
Начну опять писать статьи и книжки!
Есть у меня на этот счет мыслишки:
Колхозный строй — ведь это мой конек!

Появляется Маманегорюй, за ним плотник. На веранду выходит Олимпия Павловна.

Олимпия Павловна

Товарищи! Прошу до дому!
Накрыла стол для вас по-фронтовому!

Соринка и Чеснов поднимаются на веранду и проходят в дачу. Олимпия Павловна задерживается.

Маманегорюй

Олифа Павловна!

Олимпия Павловна

Ну что? Срубили клен?

Маманегорюй
(показывая на плотника)

Срубить не мудрено, да вот не хочет он.

Олимпия Павловна

За все, что сделано, платить я буду сдельно,
И это дерево я оплачу отдельно.

Плотник

Такое дерево валить, хозяйка, жаль!

Олимпия Павловна

А если мне оно смотреть мешает вдаль?

Плотник

Чтоб дерево свалить, тут надобны права.
На это строгие законы...
А этому-то клену,
Видать, без мала будет сто годков!

Маманегорюй

Как утаишь его от лесников?
Хотя б от нашего косого Парамона?
Дотошный он лесник,

Он, мама, не горюй, такой поднимет крик!..
(Качает головой.)

Олимпия Павловна
(тоном, не терпящим возражений)

Срубили дерево! Подумаешь, скандал!
Уж вы-то за него не будете в ответе —
Вы скажете: Соринка приказал!
А мы... мы все потом оформим в райсовете.
(Уходит в дачу.)

Плотник
(неодобрительно)

Закон для всех один. И раз запрещено,
То будь хоть маршалом, а слушай все равно!

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Через год на том же месте. Деревья вокруг дачи вырублены. Вместо них разделаны клумбы с большим количеством белых роз. На веранде за столом сидит Софрон Тарасович Соринка и сосредоточенно считает на счетах, то и дело заглядывая в какие-то записи. На нем полосатая шелковая пижама. На носу очки в роговой оправе. Олимпия Павловна в стороне вяжет букеты из свежих роз. Ей помогает Полина. Готовые букеты стоят в двух ведрах на полу. Все розы синего цвета. Издалека доносится стук молотка: опять где-то что-то прибивают.

Соринка
(считает на счетах)

Сто сорок восемь... Двести тридцать пять...
Ч-черт!.. Сбился, кажется, опять!
(Проверяет по записям.)

Олимпия Павловна

Стрекозовы на днях ко мне пристали,
Чтоб я открыла им секрет,
Как красить розы в синий цвет.

Соринка
(не поднимая головы)

Ну, так они, конечно, и узнали!

Олимпия Павловна
(любуется букетом)

А ведь всего полдня в растворе постояли.
Нет, лучше наших роз нигде в продаже нет.
Ты завтра захвати букет для Моргунова —
Пусть позавидует. Он любит все, что ново.

У ворот в саду раздается звонок. Супруги переглядываются.

Соринка
(поднимает голову)

Звонок!
Кто б это к нам приехать мог?

Олимпия Павловна

Иди, Полина, отопри!

Соринка
(вслед убегающей Полине)

Не позабудь, в «глазок» сначала посмотри!
И если кто опять из финотдела:
Хозяин — улетел, хозяйка — заболела!

Супруги прислушиваются. В саду хлопает калитка, слышны голоса.

Олимпия Павловна

Я слышу голос твоего Чеснова...

Появляется Кузьма Кузьмич Чеснов. На нем гражданский костюм. В одной руке трость, в другой — завернутая в газету книга. Софрон Тарасович поднимается навстречу гостю.

Соринка
(с преувеличенным радушием)

Жена! Смотри-ка, кто идет!

Олимпия Павловна
(неестественно радостно)

Кузьма Кузьмич!

Соринка

Здоро́во, друг, здоро́во!

Олимпия Павловна

Мы не видались целый год!
(Здоровается с гостем.)

Соринка

Я слышал, ты хворал?

Чеснов
(поднимается на веранду, здоровается с хозяйкой)

Отбой играть собрался:
Костлявая с косой стояла под окном.
Я не впустил ее и, видишь, в основном,
«Каким я был, таким я и остался»!
Вот разве что страдать стал больше от ноги...
(Похлопывает себя по колену.)
Сегодня выбрался и вас решил проведать...

Олимпия Павловна
(любезно)

Добро пожаловать! И просим отобедать,
У нас как раз с грибами пироги.

Чеснов
(обратив внимание на розы в ведрах)

Какие удивительные розы!
Как будто посинели от мороза.

Олимпия Павловна
(сухо)

Да! Эти розы не на всякий вкус.
Кто любит ананас, а кто арбуз!
(Берет ведра с букетами, уносит в дом.)

Чеснов
(Соринке)

Я не хотел твою жену обидеть,
Мне просто синих роз не приходилось видеть.
(Помолчав.)
Чуть не проехал мимо вашей дачи.
Спасибо, подсказал Володя, мой шофер.
Где, говорит, большой, глухой забор,
Там и Софрон Тарасыч — не иначе!
Ты впрямь живешь за крепостной стеной.
И от кого ты так отгородился?

Соринка
(пожав плечами)

Да от людей! Уединился.

Чеснов

Уж мы подумали: не взять ли курс домой,
Да у ворот твоих никак не развернуться,
Чтоб на железный столб машиной не наткнуться.

Соринка

Мы этот столб вкопали у ворот,
Чтоб наш сосед не делал разворот...

В дверях появляется Олимпия Павловна.

Олимпия Павловна
(мужу)

Бутузя! На минутку!
(Чеснову, улыбаясь.)
Обиделась за розы не на шутку!
(Исчезает.)

Соринка уходит в дачу. Чеснов остается на веранде один. Он достает портсигар и закуривает. Появляется Маманегорюй.

Чеснов
(приветливо)

Ба! Митрофан Ильич! Узнал меня?

Маманегорюй

Узнал.

Чеснов
(протягивая портсигар)

Дымишь еще?

Маманегорюй
(закуривает)

Дымлю, товарищ генерал!

Чеснов

Все плотничаешь здесь, как погляжу?

Маманегорюй

Пришелся ко двору. Тут в сторожах служу.
И, часом, выполняю порученья.
Колхоз меня с женой не отпускал сюда,
Ну, а хозяин осерчал тогда
И оказал давленье на правленье...
Начальству-то оно видней,
Кого куда и что кому нужней!

Соринка
(входя, Чеснову)

Прошу меня простить — есть небольшое дело.
(Спускается с веранды. Обращается к Маманегорюй)
Докладывай!

Маманегорюй

Подешевела!
Всю цену сбил колхоз «Победа Октября».
Я, мама, не горюй, на рынок съездил зря.

Соринка

Так ты бы уступил. На это есть смекалка.

Маманегорюй

Дешевле отдавать, вы говорили, жалко.
Я, мама, не горюй, товар назад привез...
Клубники семь решет и пять букетов роз.

Соринка

Эх, Маманегорюй, не проявил сноровки!
Сто раз я говорил и говорю сейчас,
Что надо действовать согласно обстановке,
Как на войне!

Маманегорюй

Я выполнял приказ.

Олимпия Павловна
(появляясь на веранде)

Друзья мои! Что тут за шум у вас?

Соринка

Вот полюбуйся! Погляди-ка!
Все, что повез, назад привез!

Чеснов

Олимпия Павловна! Вернулась к вам клубника
И несколько букетов синих роз.

Олимпия Павловна

Прокиснет ягода, куда ее девать!

Чеснов
(с иронией)

Софрон Тарасыч! Принимай решенье!

Соринка
(решительно)

Варить клубничное варенье!
Варить и в банки паковать!
Вареньем будем продавать!

Олимпия Павловна

Вот новая забота!

Соринка
(сторожу)

Тащи-ка, брат, на кухню все решета!

Маманегорюй
(про себя)

Тебе сидеть бы в лавке,
А не в главке...
(Уходит.)

Чеснов

Я вижу, что клубники
У вас сегодня урожай великий?

Соринка

Двенадцать тыщ кустов, чтоб не соврать!

Олимпия Павловна

На каждом ягоды. Все нужно обобрать.
(Уходит в дом.)

Соринка

А как твои дела? Чем ты живешь и дышишь?
Все пишешь?

Чеснов

Грешу.
Пишу.

Развертывает газету. Достает завернутую в нее книгу. Протягивает ее Соринке. Тот берет книгу. Надевает очки. Читает название книги. Перелистывает.

Соринка
(с ноткой зависти)

Гм-м... «Тактика тылов в период наступленья»...
«Профессор К. Чеснов»... Твое произведенье?

Тисненый переплет... Воениздат...
Четыреста страниц!.. Завидный результат!
(Откладывает книгу. Снимает очки.)
Приветствую и одобряю!
Я тоже, так сказать,
Сижу и матерьялы подбираю,
Хочу статью в журнале написать!
Меня волнует тема
Организации колхозного труда.
Давно, давно назревшая проблема!

Чеснов
(с интересом присматриваясь к Соринке)

Ну-ну...

Соринка

Да, да!
(Берет в руки книгу Чеснова.)
Так... Стало быть, готов печатный труд?

Появляется Дуня.

Дуня

Софрон Тарасович!

Соринка

Что надо?

Дуня

Вас зовут.

Соринка

Да кто зовет-то?

Дуня

Плотничья бригада.
Какие-то размеры, вишь, им надо!

Соринка

Я занят. Занят! Подождут!

Дуня уходит.

(Чеснову.)
Клубника требует куриного помета.
Жена купила кур, да маловато что-то.
Приходится помет скупать на стороне.

«Не прикупить ли кур?» — я предложил жене.
И вот теперь не знаю я покою —
На сотню кур курятник новый строю.
(Опять берет в руки книгу Чеснова. Перелистывает ее.)
Смотри, какой томище написал!

Появляется Маманегорюй.

Маманегорюй

Вы извините, помешал...
Там улья принесли. Где ставить?

Соринка

Вдоль забора.
Глядишь, полезет вор, пчела ужалит вора.
(Смеется.)

Маманегорюй уходит.

Чеснов
(не скрывая иронии)

Ты стал к тому ж еще и пчеловодом?
Под старость захотел побаловаться медом?

Соринка
(не замечая иронии)

В рот не беру. Я сладкого не ем.

Чеснов

А пчел разводишь между тем?

Соринка

Да это все жена. Не я.
Пчел завести — идея не моя.
Я лично возражал, и так хлопот хватает;
Ну, а потом подумал: пусть летают!
(Взвешивает на ладони книгу Чеснова.)
Гляди-ка, что насочинил!

В саду раздается звонок. Пауза. Хлопает калитка. Появляется Полина.

Полина

Софрон Тарасович!

Соринка

Короче. Кто звонил?

Полина

Приехал покупатель за щенками,
Тот, что намедни торговался с вами.

Соринка

Скажи ему, что опоздал.
(Чеснову.)
Вчера последнего продал.
(Полине.)
Пусть будет наперед ему наука.

Полина уходит.

(Чеснову.)
Эх, ты бы посмотрел на Джильду! Что за сука!
Какой диплом!
Я покажу тебе ее потом.

Чеснов

Я что-то во дворе не слышал лая.

Соринка

Она охотничья, а не сторожевая.

Чеснов

Ты стал охотником?

Соринка
(смеется)

Кто? Я?
В руках я не держал двуствольного ружья.

Чеснов

Зачем же ты завел охотничью породу?

Соринка

Олимпия Павловна купила для приплоду.
Не переспоришь ведь жену.

Чеснов

Ну-ну!..

Соринка

На весь район мы славимся щенками,
Любители — так просто рвут с руками.

Олимпия Павловна
(в дверях)

За стол! Прошу друзей за стол!

Чеснов

(прячет в карман портсигар, встает из-за стола, берет трость)

Вы извините. Я пошел.
(Берет книгу, заворачивает ее в газету.)

Олимпия Павловна
(изумленно)

Товарищи! В чем дело? Стол накрыт!

Чеснов

Благодарю, уже по горло сыт.

Олимпия Павловна

Что здесь произошло?

Соринка

Не знаю.
(Чеснову.)
Сделай милость,
Скажи мне, что с тобой.

Чеснов
(медленно спускается с веранды)

Как видишь – ухожу.

Олимпия Павловна

Что тут у вас случилось?

Соринка
(беспомощно разводя руками)

Кузьма Кузьмич! Я слов не нахожу!..

Чеснов
(остановившись)

Ты хочешь правду знать?.. Изволь, скажу... Скажу.
(Смотрит на Соринку.)

Смотрю я на тебя, «клубничный генерал»,–
Почетный завсегдатай рынка,
И думаю, на что ты разменял

Себя, Софрон Тарасович Соринка?..
Был на войне. Имеешь ордена.
А на поверку – грош тебе цена!
Чего тебе недоставало?
Тебе все мало! Мало! Мало!..

Соринка хочет что-то возразить, но Чеснов не дает ему сказать и продолжает.

Ты хочешь мне сказать, что это все она?
Жена?!
А где твоя народная закваска?
Ты начинал, мне помнится, с подпаска,
Был босоногим батраком,
А не купеческим сынком!
Откуда у тебя кулацкие замашки,
Что так ты полюбил хрустящие бумажки?
Ты отоварил свой авторитет:
Щенки и розы есть, а совести-то нет!
(Уходит.)

Соринка и Олимпия Павловна стоят ошеломленные. В саду хлопает калитка. Вбегают Акимовна, Полина, Дуня.

Олимпия Павловна
(взяв себя в руки)

Что там еще случилось?

Акимовна, Полина, Дуня
(вместе)

Олифа Павловна! Свинья!.. Опоросилась!!!

Олимпия Павловна
(радостно)

Опоросилась?!
(Сбегает по ступенькам веранды и спешит за Акимовной в свинарник.)

Соринка, оставшись один, садится на ступеньки лестницы и, сжав голову руками, сидит так, глядя перед собой отсутствующим взглядом.

Соринка
(задумчиво)

Свинь... я!..

Занавес

1953

РЕВИЗОРЫ ПОНЕВОЛЕ

Комедия в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Лаптев
Русаков } командированные.
Чувайло
Единица.
Администратор гостиницы.
Дежурная.

Номер в гостинице. Ночь. Слабый лунный свет, проникающий через подернутое морозными узорами окно, тускло освещает комнату. В полумраке угадываются предметы обстановки: посередине комнаты стол, несколько стульев, платяной шкаф, тумбочки и три кровати.

После небольшой паузы с одной кровати раздается глубокий вздох, и в темноте начинается разговор.

Русаков. Да-а. Дела-а-а...

Лаптев. А чем плохо, Афанасий Иванович? Тепло и не дует.

Русаков. Так-то оно так, Иван Петрович... Что верно, то верно...

В темноте вспыхивает спичка. Русаков закуривает.

Лаптев *(помолчав)*. Закурить и мне, что ли, на сон грядущий? Киньте-ка мне спички, Афанасий Иванович!

Русаков. Ловите!.. Поймали?

Лаптев. Благодарю. Поймал.

Русаков. Интересно, который сейчас час?

Лаптев включает настольную лампу, берет со стола ручные часы, смотрит.

Лаптев. Три часа ночи. *(Закуривает папиросу.)*

Русаков. Быстро время идет.

Лаптев. Да, два часа назад мы еще сидели в вагоне и вы гадали, где и как нам придется ночевать.

Некоторое время оба молча курят.

Русаков *(после паузы)*. Нет, что ни говорите, а получилось неплохо. Хорошо бы везде так встречали нашего брата командировочного — плавающих и путешествующих.

Лаптев. Удивляетесь?

Русаков. Чтобы вот так, как мы с вами сегодня, приехать в незнакомый городишко, за тыщу верст от Москвы, вылезть ночью на пустом вокзале, ни на что не рассчитывая, добраться до единственной в городе гостиницы и тут же безо всяких хлопот получить прекрасный, теплый номер с удобствами, да еще с готовым ужином! Я уже приготовился просидеть всю ночь до утра в каких-нибудь креслах или даже на том же вокзале, в зале ожидания.

Лаптев. Я же с дороги дал телеграмму в гостиницу, просил забронировать номер. Вот они и забронировали. А вам, Афанасий Иванович, просто повезло, что мы с вами в пути познакомились.

Русаков. Ну, об этом что говорить! Об этом я уж и не говорю! Как только вы о посевной заговорили, я сразу понял: наш брат агроном. Вот сейчас по соседству лежим, а нам бы теперь еще по соседству работать!

Лаптев. Все может быть...

Небольшая пауза. Оба молча курят.

Где это капает?

Русаков. Кран в умывальнике протекает.

Лаптев. Попробовать, что ли, подкрутить... *(Встает. Подходит к умывальнику.)*

Русаков *(не сразу)*. Ну как? Подкрутили?

Лаптев. Нет. Не подкручивается. Все хозяйство менять надо.

Русаков. А капать перестало.

Лаптев. Я его носовым платком обвязал. *(Возвращается и ложится.)*

Русаков *(после паузы)*. Ну что ты будешь делать? Из головы у меня не выходит, как это мы «безо всякого Якова» в этот номер попали. Явились ночью, разбудили дежурного, а он нам, вместо того чтобы спросонья прорычать: «Мест нет!» — наилюбезнейшим образом: «Будьте любезны! Номерок ждет!» — да еще сам проводил, сам дверь ключиком открыл.

Лаптев. Вы ему паспорт подаете, а он не берет. «Ничего, говорит, не беспокойтесь! Завтра мы все оформим! Спокойной ночи!» Как вам это нравится?

Русаков. Мне нравится. Да как-то удивительно... Вернее, непривычно...

Лаптев. Не понимаю, чему вы удивляетесь? Ну, посудите сами: во-первых, у человека болели зубы, он, может быть, с трудом заснул, заниматься сейчас ночью нашими паспортами ему просто не хотелось. Во-вторых, он видит: люди с дороги устали, и потом, люди, безусловно, приличные, можно с оформлением документов и до утра подождать.

Русаков. А ужин?

Лаптев. Что – ужин?

Русаков. Коньяк и все прочее. Я понимаю, что вы могли заказать по телеграфу номер, но ужин-то вы не заказывали?

Лаптев. Ужин я действительно не заказывал, но я объясняю это просто...

Русаков. Чем вы это объясняете?

Лаптев. При гостинице работает ресторан...

Русаков. Я это допускаю.

Лаптев. Была проявлена забота о человеке: администрация гостиницы попросила администрацию ресторана приготовить для приезжего в номере на всякий случай холодный ужин.

Русаков. Если хотите знать, больше всего меня смущает этот холодный ужин.

Лаптев. А чем он вас смущает? Все было свежее: колбаса, сыр, шпроты... Завтра утром заплатим по счету и поблагодарим хозяев за гостеприимство.

Русаков. Странное гостеприимство! Как бы до утра не случилось с нами еще какого-нибудь конфуза! Что, если этот номер и этот ужин были приготовлены не для нас с вами? Может, администратор со своей зубной болью, да еще спросонья, не разобрал да и впустил не того, кого следует, в этот «полулюкс». Что вы на это скажете, Иван Петрович?

Лаптев. Ну... Не думаю... Откуда вы это взяли?

Русаков. А черт его знает, откуда я это взял!

Лаптев. Теперь ведь всюду говорят и пишут о культурном обслуживании, о торговле, о порядках в гостиницах, ресторанах... Одним словом, Афанасий Иванович, вы, как я вижу, скептик, а я опти-

мист. Давайте спать! Утро вечера мудренее! *(Гасит свет.)*

Дверь в комнату неожиданно открывается. На пороге возникает человеческая фигура. Щелкает выключатель. Мутноватая люстра со стеклянными подвесками и одной перегоревшей лампочкой освещает комнату. На стене висит копия с картины Васнецова «Три богатыря». У стены, возле двери,— раковина умывальника. Справа от нее на стене — в рамке «Правила внутреннего распорядка». На столе поверх красной бархатной скатерти накрыта белая. На ней посуда с остатками ужина. На двух никелированных кроватях под одинаковыми одеялами лежат двое мужчин в пижамах. Третья кровать пустая. Приподнявшись на своих кроватях, Русаков и Лаптев с удивлением смотрят на вошедшего в комнату администратора гостиницы — небольшого человечка с повязанной черным платком щекой.

Администратор *(панически)*. Кто вы такие, граждане приезжие? Как вы сюда попали?

Русаков. Странный вопрос. Не вы ли сами нас сюда впустили?

Администратор *(держась за щеку)*. Попрошу вас, граждане приезжие, освободите номер!

Русаков *(возмущенно)*. Почему? На каком основании? Я просил забронировать номер! Я давал телеграмму. Вы получили мою телеграмму?

Администратор. Ничего я не получал. Ничего я не знаю.

Русаков. Ну, вот вам, Иван Петрович, и конфуз! Кто был прав?

Лаптев *(администратору)*. Вы сами предложили нам этот номер.

Администратор. Гражданин приезжий, с моей стороны произошла ошибка. Этот «полулюкс» занятый другим лицом!

Русаков. Мы же в него въехали не самовольно. В конце концов, почему вы с нами так разговариваете?

Администратор. Я вас не оскорблял, гражданин приезжий! Я вас по-хорошему прошу: освободите номер!

Русаков *(Лаптеву)*. Будем одеваться?

Лаптев. Я этого так не оставлю. Я буду жаловаться!

Администратор только теперь замечает, что ужин съеден.

Администратор *(в ужасе)*. Что? И ужин съели?

Лаптев *(стараясь быть спокойным.)* Съели! Кто с нас получит?

Администратор. Господи! Ну и народ! Ну и народ!.. С меня же голову снимут! *(Стремительно выбегает из комнаты.)*

Лаптев начинает одеваться.

Русаков. Чуяло мое сердце!

Лаптев. У вас не сердце, а прямо какой-то вещун!

Входит администратор и дежурная с подносом. На нем бутылка коньяка и тарелки с холодными закусками, хлеб. Молча ставит все на стол, накрывает салфеткой, забирает оставшуюся после ужина посуду и выходит.

Администратор. Граждане приезжие, я же вас просил как сознательных! Освобождайте номер! Вы меня режете! Мне с вокзала звонили – едут!

Русаков. Скажите лучше, где вы нас намереваетесь поместить? Мы спать хотим. Нам тоже номер нужен!

Администратор. Номеров у нас нет. Нет у нас номеров!

Русаков. Ни одного номера?

Администратор. А откуда им быть? У нас половина всех номеров постоянными жильцами занята. По запискам горсовета люди живут. По пять лет живут.

Лаптев. А койки у вас есть?

Администратор. И коек нет. Ничего у нас нет.

Лаптев *(администратору)*. Как же нам быть?

Администратор *(пожав плечами)*. Я не знаю, как вам быть. Откуда я знаю?

Лаптев. Вы понимаете, что нам негде ночевать! Мы никого в этом городе не знаем. И потом, сейчас четвертый час ночи.

Русаков. Может быть, в городе есть другая гостиница?

Администратор *(держась за щеку)*. Нет. Строят. Третий год строят.

Русаков. Ну что ж, выходит по-моему, надо возвращаться на вокзал и ночевать в зале ожидания.

Лаптев. Я никуда отсюда не пойду! Пусть где хотят устраивают! *(Администратору.)* Вы слышали? Мы никуда из вашей гостиницы не уйдем. Номер мы освободим, но ночевать вы нас должны устроить. Мы приехали к вам сюда за тысячу верст не гулять, а работать! Мы специалисты! Агрономы! Где вы нас устроите?

Администратор. Гражданин приезжий!.. *(Хочет что-то сказать, но, услышав звонок, выбегает.)*

Входит дежурная. В руках у нее постельные принадлежности.

Лаптев. Мы ошиблись. Мы думали, у вас тут действительно гостеприимный народ, а у вас, оказывается, вот как встречают...

Дежурная *(вздохнув)*. Ревизора ждут. Третьи сутки номер пустым держат. Ждамши-то все очи проглядели. Они ждут, а он все не едет. А вот теперь, кажись, приехал.

Лаптев. Ревизора? Ну, тогда понятно. Вопросов больше нет. *(Проходит к раковине, отвязывает от крана носовой платок, выжимает его и, разгладив на коленке, кладет в карман.)*

Доносятся голоса. В комнату входят администратор, затем Чувайло. Следом за ними появляется Единица.

Чувайло *(добродушным басом)*. Здравствуйте, товарищи! *(Администратору.)* Куда же вы меня привели? Тут же занято! Тут люди живут. *(Видит третью кровать.)* Впрочем, одна кровать, кажется, свободна?

Единица *(угодливо)*. Одну минуту! Одну минуту! Не извольте беспокоиться. Людей сейчас не будет. Это специально ваш номер! *(Администратору.)* В чем дело? В чем дело? Я же звонил! Предупреждал! Указание товарища Пяткина...

Администратор. Номер освобождается. Граждане приезжие выезжают.

Чувайло. А куда же они выезжают? Товарищи, вы что, действительно освобождаете номер?

Русаков. Действительно.

Чувайло. Надеюсь, не из-за меня?

Русаков. Из-за гражданина администратора. Он нас по ошибке сюда пустил.

Чувайло. А разве втроем мы здесь не разместимся? *(Смотрит на администратора.)*

Единица. Вам одному будет удобнее. Товарищей устроят. Вы не беспокойтесь.

Чувайло. Нет, нет, знаете ли... Я не привык стеснять людей.

Единица *(растерянно)*. Ну как же все-таки так... У нас так не принято. Мы хотим создать все условия для отдыха. Так сказать...

Чувайло *(раздевается)*. Не знаю уж, как у вас тут принято, а меня вполне устраивает эта свободная кровать. *(Обращается к Русакову и Лаптеву.)* Если вы ничего не имеете против, я займу ее!

Русаков. Пожалуйста, пожалуйста...

Чувайло *(обращаясь к Единице и администратору)*. Благодарю вас, товарищи! Считайте, что я устроен.

Единица *(подобострастно)*. Безусловно. Вы уж нас извините. Произошло недоразумение. Я доложу. Мы примем меры. Наложим взыскание. В дальнейшем все будет обеспечено. Есть указание товарища Пяткина. Приятных сновидений. *(Хочет подать Чувайло его чемодан.)*

Чувайло *(сдержанно)*. Не трудитесь. Я сам.

Единица. Приятных сновидений.

Чувайло. Благодарю вас.

Единица и администратор выходят. Мужчины сидят на кроватях и некоторое время молча смотрят друг на друга.

(Встает.) Товарищи! Мы даже не познакомились. Разрешите представиться: Чувайло Матвей Романович. Из Киева.

Русаков. Афанасий Иванович Русаков.

Лаптев. Лаптев Иван Петрович.

Чувайло. Очень приятно. А вы издалека?

Русаков. Я из Костромы. Товарищ из Москвы.

Чувайло. В командировку?

Русаков. Приехали к месту работы.

Чувайло. По какой специальности, если не секрет?

Лаптев. Мы работники сельского хозяйства. Агрономы.

Чувайло. О! Тем более приятно познакомиться. Выходит, что у нас смежные профессии.

Русаков. Почему смежные? Каким образом?

Чувайло. Так ведь я же ветеринар!

Лаптев. Как – ветеринар?

Чувайло. Так точно, ветеринар. А что вас так удивляет?

Русаков. Мы думали, что вы ревизор!

Чувайло *(удивленно)*. Я? Ревизор? Разве я похож на ревизора?

Лаптев. Вам была оказана такая честь при встрече... И потом, этот номер, ужин...

Чувайло. Какой ужин?

Русаков. А вот, на столе! *(Поднимает салфетку.)*

Лаптев. Это ведь для вас приготовлено.

Чувайло. Почему для меня? Откуда вы взяли?

Русаков. А этот номер разве не для вас был забронирован?

Чувайло. Ей-богу, товарищи, если вы меня разыгрываете, то лучше сразу скажите, что все это значит? Я вообще отказываюсь что-либо понимать.

Русаков. Кто вас встречал?

Чувайло. Не знаю. Понятия не имею. Меня никто не встречал.

Лаптев. А этот товарищ, который только что ушел, он разве не вас встречал?

Чувайло. Меня? Нет. Меня никто не встречал и не должен был встречать.

Русаков. А откуда же он взялся?

Чувайло. Черт его знает, откуда он взялся. Я вылез из вагона и иду себе по перрону, думаю, где бы переночевать. Перрон пустой, ни души. Вдруг этот тип навстречу. Спрашивает меня· «Вы из столицы?» — «Из столицы», — говорю. Я же из Киева. А он отвечает: «Очень приятно! Разрешите познакомиться: Единица — работник местного горкомхоза. Не желаете ли, подвезу до гостиницы?» Почему не подъехать? Сели в машину. Всю дорогу он мне рта не давал раскрыть, рассказывал о достопримечательностях города, о коммунальном хозяйстве, о каких-то несправедливых нареканиях, о каком-то предвзятом мнении, о выступлении местной газеты... Так я ничего и не понял. Подъехали к гостинице, он схватил мой чемодан, и вот... как видите, я здесь... Остальное вы знаете! Честно говоря, мне повезло. Я на гостиницу не надеялся.

Русаков. Вот это да-а-а!..

Лаптев. Ну, Единица!..

Чувайло *(смеется)*. Да объясните мне толком, чего вы смеетесь?

Русаков. Да поймите же, дорогой доктор, нас всех по очереди приняли за ревизоров! За ревизоров!..

Чувайло. Почему за ревизоров?

Лаптев. В городе ждут приезда какого-то ревизора. Для него третьи сутки держат номер. Встречают его на вокзале.

Русаков. Он все не едет, а его ждут. Ждут с ужином, с коньяком... *(Показывает на стол.)*

Лаптев. А у страха, как известно, глаза велики.

Сначала администратор спросонья нас принял за ревизоров и, не разобравшись, пустил сюда...

Русаков. А потом на вокзале этот Единица из горкомхоза в свою очередь принял за ревизора вас и привез сюда.

Лаптев *(смеясь)*. Ну и конфуз! *(Серьезно.)* А вы действительно не ревизор? Или, может быть, вы нарочно нам сказали, что вы ветеринар?

Чувайло. Честное слово, я самый настоящий лошадиный доктор. Могу документы показать.

Русаков. Это же просто комедия какая-то!

Все громко смеются.

Чувайло *(неожиданно)*. Товарищи! Товарищи! А если сейчас приедет настоящий ревизор? Что тогда?

Стук в стену. Все молча переглядываются. Пауза. Женский голос: «Товарищи, спите спокойно! Ревизор не приедет».

Лаптев. А откуда вы знаете?

Женский голос: «Я – ревизор. Я уже третьи сутки живу за этой стеной».

Немая сцена.

Занавес

1953

ПАРШИВАЯ ОВЦА

Комедия в двух картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Жанелли, артист эстрады.
Тамара, артистка эстрады, его жена.
Скерцова, преподавательница музыки.
Барбарисов, персональный пенсионер.
Ася, его дочь, геолог.
Почтальон.
Жгутиков, лектор.
Виолончелист.
Девочка.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Передняя и часть коридора в коммунальной квартире старого дома. Прямо перед зрителями в глубине сцены – входная дверь в квартиру, на ней с внутренней стороны почтовый ящик со стеклянной дверцей. Направо – двери в комнату Жанелли, Барбарисова и в ванную. Налево – двери в комнату Скерцовой и в комнату, временно никем не занятую, под сургучной печатью. В передней – вешалка, столик с телефоном, небольшой диванчик. На вешалке висит верхняя одежда жильцов, проживающих в квартире. На стене счетчик. Над дверью звонок. Посредине сцены стоит столик, на нем блюдо, на блюде голова в чалме. Голова кого-то терпеливо ждет. Из комнаты Скерцовой доносятся звуки рояля. Звонит телефон.

Голова *(зовет)*. Тома, Томочка! Подойди к телефону!

Голос за дверью. Сейчас, сейчас!

Появляется Скерцова. Она подходит к телефону.

Скерцова *(сняв трубку)*. Слушаю вас. Вам кого? Артиста Жанелли? Одну минуточку! *(Обращается к голове.)* Вас, Дорофей Иванович!

Голова. Дора Семеновна, будьте любезны, спросите – кто?

Скерцова *(в трубку)*. Простите, а кто спрашивает артиста Жанелли? *(Слушает, затем обращается к голове.)* Это по поводу вашего объявления в газете.

Голова. Попросите позвонить попозже. Я не могу подойти: я репетирую.

Скерцова *(в трубку)*. Товарищ Жанелли не может подойти. Он сейчас репетирует. Что вы говорите? *(Слушает, затем обращается к голове.)* Гражданин завтра уезжает за границу, и ему нужно срочно продать собаку.

Голова. Какую собаку? Дора Семеновна, будьте так добры, поднесите мне к уху трубку — я с ним сам поговорю!

Скерцова подносит трубку. Голова говорит по телефону.

Жанелли слушает... Нет, мне нужен только фокстерьер. Дог мне не нужен. Всего хорошего. *(Скерцовой.)* Спасибо, Дора Семеновна, выручили бедную голову.

Скерцова кладет трубку.

Скерцова. Когда же у вас премьера?

Голова. На днях. Этот номер будет лучше, чем у Кио. Я приглашу вас на генеральную репетицию.

Скерцова. Да уж, пожалуйста, Дорофей Иванович. Вся квартира с нетерпением ждет вашего приглашения.

Голова. Конечно, конечно! Обязательно! Как всегда.

Скерцова проходит в свою комнату. Опять начинает звучать музыка.

Тома! Томочка! Ну где же ты?

Голос за дверью: «Иду! Иду!»
Появляется Тамара. В руках у нее металлический колпак.

Что так долго? Я устал ждать...

Тамара. Накрывать?

Голова. Накрывай!

Тамара накрывает голову колпаком и затем быстро снимает колпак с блюда. Голова исчезает.
Тамара с застывшей артистической улыбкой кланяется воображаемой публике. Из-за стола появляется Жанелли. Он растирает себе поясницу.

Жанелли. Я думаю, что все будет в полном порядке. Аппаратура работает безотказно. Можно сдавать номер комиссии.

Тамара *(вздохнув)*. Только бы не сказали, как в прошлый раз, что это формализм...

Жанелли. Не скажут. Мы же теперь накрываем голову колпаком!

Тамара и Жанелли уносят «волшебный столик» в свою комнату Через некоторое время Жанелли выходит из комнаты с небольшой собачкой на поводке. Щелкает замок входной двери. Появляется Ася. В руках у нее чемодан.

Ася *(Жанелли)*. Как ваши успехи, Дорофей Иванович?

Жанелли. Только что кончили репетировать. Вот боюсь: не сегодня-завтра въедет к нам новый жилец, и кончатся наши репетиции в общей передней.

Ася. Ну что вы. Это же никому не мешает. Как жаль, что я не буду на вашей премьере!

Жанелли. А вы уже сегодня едете?

Ася. Через час. Вот купила чемодан. *(Показывает на пустой чемодан.)* Что вам привезти из экспедиции?

Жанелли *(улыбаясь)*. Спасибо, но мне ничего не надо. Фокстерьера вы мне не привезете? В тайге они не водятся.

Ася. Я вам тигренка привезу.

Жанелли. Упаси бог! Я не укротитель. Я скромный артист эстрады.

Ася. Мы с вами еще увидимся?

Жанелли. Да, конечно. Я только прогуляюсь с Чубчиком. *(Обращаясь к собачке.)* Пошли, Чубчик! Гулять!

Жанелли уходит. Ася снимает пальто, вешает его на вешалку и проходит в свою комнату. Звонок телефона. Музыка за сценой прекращается. Появляется Скерцова. Она подходит к телефону, снимает трубку.

Скерцова. Алло! Слушаю. Артиста Жанелли?.. Подождите, пожалуйста, у телефона, сейчас узнаю. *(Кладет трубку, подходит к двери Жанелли, стучит.)*

Женский голос за дверью: «Кто там?»

Томочка, к телефону!

Женский голос: «Дора Семеновна! Я не могу подойти. Я нахожусь в аппаратуре!»

(Говорит по телефону.) Вы меня слушаете? Может быть, вы оставите номер телефона? Я запишу.

Слушаю вас... *(Записывает номер телефона на листке блокнота, висящего на стене возле телефона.)* Хорошо, передам. До свидания. *(Кладет трубку. Подходит к двери Жанелли.)* Томочка, я записала номер. Кажется, насчет фокстерьера.

Женский голос: «Большое спасибо, Дора Семеновна!» Скерцова уходит в свою комнату. Появляется Барбарисов. В руках у него листок бумаги и карандаш. Он стучит в дверь Жанелли.

Барбарисов. Тамара, можно к вам?

Женский голос: «Антон Антонович? Конечно, можно, заходите!» Некоторое время Барбарисов ждет, проверяя что-то по бумажке, которую держит в руке. Появляется Тамара. Она в красном домашнем халате.

Нет, нет. Я к вам по прозаическому делу: счет за электричество. Долю тети Даши, поскольку она уехала, я разделил на три наши семьи, на три равные части. Вы ничего не имеете против?

Тамара. Очень хорошо. Сколько с нас причитается?

Барбарисов *(заглянув в свои записи)*. Пять рублей с копейками. Словом, пять рублей. Копейки считать не будем.

Тамара. Вы всегда больше всех платите. Просто неудобно получается.

Барбарисов. Свои люди — сочтемся. В конце концов, копейкой меньше, копейкой больше — какая разница. И вы не разбогатеете, и я не обеднею.

Тамара уходит в комнату за деньгами. Из комнаты Скерцовой выходит маленькая девочка с большой нотной папкой. Девочку провожает Скерцова. Через плечо у нее полотенце.

(Девочке.) Как успехи, Эллочка?

Девочка. Спасибо, хорошо.

Барбарисов достает из кармана конфету и протягивает девочке.

Опять барбариску?

Барбарисов *(шутливо)*. Ведь я Барбарисов! Потому и барбариска. Был бы я Мишкин, была бы «Мишка».

Скерцова провожает ученицу до дверей.

Скерцова *(девочке)*. Не забудь, Эллочка, следующий урок во вторник, в три часа. Я могу немного опоздать, так ты подождешь меня в моей комнате.

Девочка. Хорошо, Дора Семеновна. До свидания! *(Уходит.)*

Барбарисов. До-ре-си-меновна!

Скерцова *(Барбарисову)*. Что это? Счет за электричество? Сколько там с меня набежало?

Барбарисов. На всех около пяти рублей.

Скерцова. Антон Антонович! Не сочтите за труд, пройдите в мою комнату. Там на рояле шкатулка. Возьмите из нее, сколько надо.

Барбарисов. Хорошо, Дора Семеновна.

Проходит в комнату Скерцовой. Скерцова проходит в ванную. Из комнаты выходит Тамара. Она дает Барбарисову деньги.

Тамара. *(Барбарисову.)* Знаете, Антон Антонович, что мы с мужем решили?

Барбарисов. Что вы решили?

Тамара. Асенька уезжает на три месяца в экспедицию, вы остаетесь один, кормить вас некому, а вам нужна диета. Так вот, мы и решили с Жанелли пригласить вас на это время столоваться у нас. Вам это и дешевле обойдется, и вкуснее будет, чем в столовой.

Барбарисов. Неудобно как-то...

Ася *(появляясь)*. Конечно, неудобно.

Тамара. А вас никто не спрашивает. Какие пустяки! Живем десять лет в одной квартире. Одной, можно сказать, семьей. Что за щепетильность?

Барбарисов. Большое спасибо, Тамара Ивановна. Я должен подумать.

Тамара. Тут и думать нечего! *(Уходит.)*

Барбарисов. *(Асе.)* Какая сердечная женщина!

Из ванной выходит Скерцова. Звонок. Тамара открывает дверь. Входит Жанелли. Он чем-то взволнован.

Жанелли. Товарищи! Товарищи! Новость!

Все собираются в передней

Тамара. Что случилось?

Жанелли. Гуляю с Чубчиком... Встречаю управдома... Сообщает мне совершенно официально: «Ордер на комнату тети Даши выписан на имя гражданина Жгутикова!» Он сегодня вселяется. Площадь ему предоставлена после пожара. *(С сочувствием.)* Товарищ погорел.

Ася. А где он работает?

Жанелли. Не знаю. Говорят, читает какие-то лекции о сотворении мира.

Тамара. Очевидно, культурный человек.

Скерцова. Он холост или женат?

Жанелли *(с намеком)*. Он одинок.

Все смеются

Скерцова *(смутившись)*. Я совсем не в том смысле!

Жанелли. Товарищи! У меня есть предложение.

Тамара. Какое предложение?

Жанелли. Организовать нашему новому жильцу встречу. Пусть сразу почувствует, что становится членом дружного коллектива. Членом нашей семьи!

Скерцова. В самом деле, почему нам не встретить нашего нового жильца не сухо, официально, а по-семейному? Я лично «за».

Барбарисов. Хорошая идея!

Тамара. Нам ведь с ним придется не один год прожить вместе.

Жанелли. Нам нужно сейчас же решить, как мы его будем встречать.

Ася. Во-первых, надо поставить в передней цветы. Это сразу же придаст уют всей квартире.

Жанелли. Цветы у нас есть. *(Быстро уходит в свою комнату.)*

Тамара и Жанелли выходят из своей комнаты, выносят вазу с цветами. Ставят ее на столик возле телефона.

Скерцова. Когда он войдет в квартиру, я сыграю марш из «Аиды».

Ася. Прекрасная идея!

Жанелли. Сколько событий за один день: проводы Аси! Встреча нового жильца!

Раздается звонок. Барбарисов отворяет дверь. В квартиру входит Жгутиков. Барбарисов закрывает за ним дверь. Все молча смотрят на вошедшего.

Жгутиков *(елейно)*. Извините великодушно, у вас на двери не написано, сколько раз кому звонить.

Тамара *(робко)*. Не написано... Мы все открываем.

Жанелли *(осторожно)*. Это вы у нас жить будете? Вы Жгутиков?

Жгутиков *(улыбаясь)*. Если разрешите.

При этих словах Скерцова исчезает в своей комнате. Звучит марш. Жанелли делает перед Жгутиковым несколько пассов руками. В руках у него появляется букет цветов. Жанелли, улыбаясь, протягивает их Жгутикову. Жгутиков, испугавшись, отступает.

Жанелли. Не бойтесь! Это фокус. Возьмите, пожалуйста!

Жгутиков *(поморщившись)*. Вы из цирка?

Жанелли. Я артист эстрады.

Жгутиков *(мягко)*. Терпеть не могу ни эстрады, ни цирка! *(Отстранив рукой букет и увидев на стене электрический счетчик.)* Счетчик, вижу, у вас общий?

Барбарисов. Что? Да. Счетчик у нас общий.

Жгутиков. Так не пойдет! Нет! Не пойдет!.. *(Качает головой.)* Ай-ай-ай!..

За стеной все еще звучит марш. Все молча переглядываются.

Гаснет свет

КАРТИНА ВТОРАЯ

Загорается свет. То же место действия, что и в первой картине. Только на стене вместо одного — четыре счетчика, от них в комнаты жильцов тянется сеть проводов. На двери прикреплены «Правила внутреннего распорядка».

У входа в ванную комнату вместо одного — четыре выключателя. На дверях Жанелли и Скерцовой висят большие замки. Телефон укреплен на стене. Рядом с ним надпись: «Разговор более трех минут воспрещается». Тут же на отдельных табличках надписи: «Вторник» и «Барбарисов». Сцена некоторое время пуста. Раздается звонок. Затем появляется Жгутиков. Жгутиков открывает дверь. На пороге стоит девочка.

Жгутиков. Доре Семеновне — два звонка.

Девочка. А она дома?

Жгутиков. Уехала!

Девочка. Куда уехала?

Жгутиков. На курорт! *(Выпроваживает девочку и, оглянувшись на запертые двери соседей, просовывает руку, достает из почтового ящика газету. Стоя в передней, начинает просматривать газету)*. Таблица! *(Достает из кармана лезвие бритвы и вырезает из газеты таблицу, после чего прячет ее в карман, а газету подкладывает под дверь Барбарисова.)*

Звонит телефон.

(Не спеша снимает телефонную трубку.) Кого надо? Какую Скерцову? Не туда попали... Родильный дом!.. *(Кладет трубку.)*

Раздается звонок. Жгутиков открывает дверь. Входит почтальон.

Почтальон. Барбарисову. «Молния».

Жгутиков *(протягивает руку)*. Давайте! *(Берет телеграмму и, не вскрывая ее, быстро читает текст.)*

Почтальон *(протягивает Жгутикову карандаш)*. Распишитесь, гражданин.

Жгутиков *(возвращает телеграмму)*. Не имею права. Я не Барбарисов.

Почтальон. Зачем же вы читаете чужие телеграммы, гражданин? Некрасиво получается.

Жгутиков. Давайте, давайте отсюда! Барбарисову три звонка. А его нет дома. *(Перед носом у почтальона захлопывает дверь, проходит к себе.)*

Звонит телефон. В квартиру входит Скерцова, за ней пожилой человек в пенсне, с виолончелью под мышкой. Скерцова, не обращая внимания на телефонные звонки, начинает снимать со своей двери замок. Виолончелист хочет подойти к телефону.

Скерцова *(приглушенным голосом)*. Не надо! Не надо! Не подходите!

Виолончелист. Почему?

Скерцова. Сегодня вторник. Сегодня к телефону подходит Барбарисов. Его очередь. Проходите скорей в мою комнату. Я не хочу, чтобы вас видели.

Виолончелист *(удивленно)*. Почему?

Скерцова. Я вам все объясню. Десять лет я жила, как в раю. Теперь у нас в квартире ад!

Виолончелист хочет снять калоши.

Не снимайте! Не снимайте! Проходите прямо в калошах.

Виолончелист. Почему?

Скерцова. Так надо. Вам в калоши что-нибудь насыпят или нальют. Проходите, проходите! *(Пропускает гостя в комнату, плотно прикрывает за собой дверь.)*

Спустя некоторое время виолончелист с полотенцем через плечо проходит в ванную комнату, повернув предварительно

один из выключателей. В квартиру входят супруги Жанелли. Звонит телефон. Не обращая внимания на телефонные звонки, Жанелли начинает снимать замок со своей двери.

Жанелли *(Тамаре)*. Почему ты мне грубишь?

Тамара. А чего радоваться? Репетировать стало негде. Каждый день скандалы. Кто-то из соседей поломал наш волшебный столик. Чубчика отравили. Ты поседел. Я удивляюсь, как я еще кусаться не начала. *(Смотрит в почтовый ящик.)* Где наша газета?

Жанелли. Я не знаю. Я газеты не брал.

Тамара. Теперь мы не можем проверить облигации. Как ты думаешь, кто из них взял нашу газету?

Жанелли *(сняв замок и открывая дверь в комнату)*. Не знаю, не знаю! Попроси газету у Жгутикова или Барбарисова.

Тамара. Не издевайся надо мной! Ты прекрасно знаешь, что Жгутиков газет не выписывает. А к Барбарисову я не пойду.

Жанелли. Томочка! Разве вы не помирились с ним?

Тамара. И не подумаю! Он меня оскорбил.

Жанелли. Тамара, я тебя очень прошу, извини его. Мы же десять лет дружили! Он погорячился, ты тоже. В конце концов, кто-то в квартире должен сделать первый шаг к перемирию.

Тамара. Ладно. Только ради тебя.

Стучит в дверь Барбарисова.

Его нет дома.

Жанелли. Но ты это сделаешь сегодня?

Тамара. Хорошо. Постараюсь.

Супруги входят в свою комнату. Из ванной выходит виолончелист. Забыв потушить в ванной свет, он проходит в комнату Скерцовой. Начинает звучать виолончель в сопровождении рояля. В квартиру входит Барбарисов. В руках у него батон хлеба.

Появляется Тамара.

(Барбарисову.) Антон Антонович, я вчера погорячилась. Извините меня.

Барбарисов *(растроганно)*. Хорошо. Я не сержусь. Я тоже виноват. Вчера у меня был приступ печени.

Тамара *(Барбарисову)*. Вы случайно не видели нашей газеты?

Барбарисов. Нет. Не видел.

Тамара замечает торчащую из-под двери Барбарисова газету.

Тамара. А это что?

Барбарисов. Ей-богу, не понимаю, как она сюда попала.

Тамара. Это наша газета. *(Потрясает газетой.)* Что это? Где таблица? Кто вам дал право вырезать таблицы из чужих газет?

Барбарисов *(растерянно)*. Я не вырезал. Честное слово, это не я!

Тамара *(кричит)*. И он смеет еще врать? Жанелли! Меня оскорбляют! Я сойду с ума!..

Барбарисов. У меня тоже нервы! Я персональный пенсионер!

Появляется Жанелли.

Жанелли. Что случилось?

Тамара. Вот! Этот персональный паразит украл нашу газету и вырезал из нее таблицу!

Жанелли *(укоризненно)*. Тамара!..

Барбарисов *(кричит)*. Это не я! Не я!..

Появляется Жгутиков. Стоя в стороне, он, улыбаясь, наблюдает за этой сценой.

Жгутиков *(неожиданно)*. Граждане, а кто не погасил за собой свет в ванной?

Тамара. Где?

Все умолкают. Бросаются к счетчикам.

Жгутиков *(ехидно)*. Ваш. Крутится. Кто-то пользовался вашей электроэнергией.

Тамара. Наш! Крутится! Кто? *(Грозно.)* Кто?.. *(Барбарисову.)* Опять вы?

Барбарисов *(отступая)*. Я только что пришел.

Жгутиков *(показывая на дверь Скерцовой)*. Посторонние...

Тамара бросается к двери Скерцовой. Стучит. Музыка прекращается. Появляется Скерцова.

Скерцова. Что случилось? Вы мешаете мне репетировать.

Тамара. Что вы говорите? *(С издевкой.)* Мы мешаем ей репетировать!

Жанелли. Тамара!

Жгутиков *(Скерцовой)*. Здесь не зал для репетиций, а коммунальная квартира.

Скерцова. Как вам не стыдно!

Жанелли. Это вам должно быть стыдно. У вас, кажется, есть свой счетчик.

Скерцова *(поняв)*. Простите! Очевидно, мой гость. Он очень рассеян. Я ему объяснила, но он не понял.

Жгутиков *(Скерцовой)*. Если ваш гость хочет посещать места общего пользования в нашей квартире, он должен включать ваш выключатель. Мы следим за нашими гостями. Мы не разрешаем им самостоятельно включать свет!

Появляется растерянный виолончелист.

Барбарисов *(неожиданно)*. А какие у вас могут быть гости во вторник? Ваш гостевой день пятница, а не вторник.

Скерцова. Мы не могли ждать до пятницы. В пятницу у нас концерт.

Виолончелист. Простите, я не совсем понимаю. Я, кажется, что-то нарушил? Что именно я сделал?

Тамара. Он спрашивает, что он сделал! Он не понимает! А еще в пенсне!

Жгутиков *(виолончелисту)*. Вы хотите знать, что вы сделали? Вы пользовались чужой электроэнергией! Вы вор!

Виолончелист. Я просил бы вас... Просил бы выбирать выражения.

Жгутиков. Не хамите! Вы не в филармонии!

Жгутиков, ухмыляясь, за спинами соседей незаметно проходит в кухню.

Скерцова. Интеллигентные люди! Из-за такой мелочи оскорбить человека! Назвать его вором! Я верну вам ваши копейки!

Виолончелист пробирается в комнату Скерцовой и, захватив свою виолончель, оставаясь незамеченным, покидает квартиру В передней продолжается свара соседей.

Барбарисов. Хорошенькие копейки. Я за установку счетчика тридцать рублей заплатил!

Жанелли. Все по тридцать рублей заплатили!

В квартиру входит Ася. В руках у нее чемодан. Ее никто не замечает. Она останавливается у двери и в ужасе смотрит на происходящее в квартире.

Тамара *(Скерцовой)*. Сегодня к вам в гости скрипач придет, завтра барабанщик, все будут по часу сидеть в ванной, а мы должны за всех платить?

Скерцова *(приходя в ярость)*. Сами вы барабанщики! Не нужны мне ваши счетчики! Не нужны мне ваши выключатели! *(Бросается к двери ванной и в ярости выворачивает свой выключатель. Продолжает бушевать.)* Я буду жить при свечах! Я буду жечь лучину! Вот вам ваш выключатель! *(Швыряет выключатель к ногам испуганных соседей.)*

Ася *(в ужасе)*. Папа! Дора Семеновна! Тамара! Что случилось? Что с вами?

Из кухни доносится крик, звон и грохот. Все замирают. Пауза. Грохот повторяется.

Жанелли *(победно)*. Попался! Попался!

Скерцова. Кто попался?

Барбарисов. Куда попался?

Жанелли *(радостно)*. Жгутиков попался!

Появляется Жгутиков. На плечах он несет странное сооружение в виде металлической клетки. Поднятые кверху руки зажаты металлическими запястьями и так же, как и голова Жгутикова, находятся внутри клетки. Вокруг головы подвешены пучки редиски и моркови. Петля из сосисок охватила его шею. Жгутиков испуган и растерян.

Скерцова *(всплеснув руками)*. Он! Смотрите! Смотрите!..

Барбарисов *(быстро вытягивает торчащую из кармана Жгутикова газетную вырезку)*. А вот и таблица! Вот кто вырезал ее из вашей газеты!

Тамара. Вот кто совал нос в чужие кастрюли, шарил в чужих столах!

Жанелли *(возбужденно)*. Я давно догадывался, но никак не мог его поймать. И вот наконец он попался! *(Хохочет.)* В мою волшебную клетку для продуктов! Я специально сконструировал этот капкан.

Жгутиков *(обретя дар речи)*. Освободите меня!

Все смеются.

Смеетесь? *(Угрожающе.)* Я буду жаловаться!..

Тамара. Он будет жаловаться!

Все смеются.

Жгутиков *(рычит)*. Я на вас акт составлю! По судам вас затаскаю! До Верховного суда дойду! Вы у меня наплачетесь! Я вас до инфаркта доведу! Вы меня еще не знаете! Не знаете!.. *(Кричит.)* Милиция!

С клеткой на голове выбегает из квартиры мимо посторонившейся Аси. Пауза.

Жанелли *(взволнованно, обращаясь к зрителям)*. Товарищи, если есть среди вас прокуроры, народные судьи и народные заседатели, вы слышали, что он сказал? Он придет к вам!

Все. Заступитесь за нас! Войдите в наше положение!

Занавес

1954

СЕДЬМАЯ ВСТРЕЧА

Комедия в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Он.
Она.
Первый официант.
Второй официант — Сидоров.
Метрдотель.
Танцор.

Ложа летнего ресторана. Сюда доносится шум ресторанного зала, переполненного публикой. Эстрадный оркестр исполняет танцевальную музыку.

Первый официант собирает на поднос тарелки с остатками ужина, рюмки, бокалы и бутылки, высыпает содержимое пепельницы в одну из грязных тарелок, стряхивает крошки со скатерти, поправляет абажур на настольной лампе, ставит посредине стола вазу с живыми цветами. Захватив с собой поднос, заставленный грязной посудой, официант выходит.

В ложу в сопровождении метрдотеля входят он и она. Ему на вид лет двадцать семь. Он хорошо и со вкусом одет, держит себя непринужденно. В руках гитара. В отличие от него она чувствует себя несколько неловко в необычной обстановке. Одета скромно, изящно. В руках у нее сумочка.

Метрдотель *(гостям)*. Будьте любезны, прошу вас... Можете занять эту ложу, она свободна.

Он. Леночка, вам здесь нравится?

Она *(смущенно)*. Олег, мне, право, неудобно. Я не люблю ресторанов. Может быть, не стоит? Лучше погуляем по парку.

Он. Леночка! Ну, я вас очень прошу. Останемся.

Метрдотель. Можно организовать отдельный столик в общем зале, будьте любезны!

Он. Нет, нет! Только не в общем зале!

Метрдотель. Сегодня торжественный день — открытие ресторана. Опять же оркестр... Танцы в зале...

Она. Нет, нет!

Он. Останемся здесь.

Метрдотель. Пожалуйста! Здесь вам будет спокойнее, будьте любезны!

Он *(девушке)*. Вы боитесь, что нас кто-нибудь увидит вместе?

Она. Нет, нет!

Он. Останемся, Леночка! Мне так много сказать вам хочется...

Она. Ну хорошо. Останемся.

Оба садятся.

Метрдотель *(подает меню)*. Чем прикажете угостить? Что будете кушать?

Она. Я есть не хочу. Возьмем пломбир.

Он *(метрдотелю)*. Ужинать мы не будем... Мы будем есть... пломбир.

Метрдотель. Два пломбира... Пить ничего не будете?

Она. Нет.

Он. Мы пить ничего не будем. А может быть, возьмем бутылку шампанского? Леночка, сегодня ведь у нас знаменательная дата, почти юбилейная! *(Метрдотелю.)* Бутылку полусухого, и похолоднее!

Метрдотель. Не извольте беспокоиться — заморозим, будьте любезны. Больше ничего не прикажете?

Он. Нет. Пока все. Вы нас будете обслуживать?

Метрдотель. Нет. Я передам ваш заказ официанту. Я гостей не обслуживаю.

Он. Ах, так?.. Ну хорошо. Только проследите, чтобы там особенно не задерживали.

Метрдотель. Не извольте беспокоиться, будьте любезны! *(Исчезает.)*

Он и она некоторое время смотрят друг на друга. Он кладет свою руку на ее руку, лежащую на столе.

Он. Лена! Леночка вы моя! Вы не устали?

Она. Нет. А отчего я должна была устать?

Он. Вы же весь обратный путь сидели на веслах. Почему вы не разрешили грести мне?

Она. Если бы вы сидели на веслах, вы бы не могли играть на гитаре. А вы так хорошо пели!..

Он. Вам понравилось?

Она. Очень!

Он. Я самый счастливый человек на свете! Счастливее меня нет сейчас никого в этом городе! И даже на целой земле!

Она *(улыбаясь)*. Почему?

Он. Потому, что мы весь день сегодня провели вместе. За это я готов исполнить любое ваше желание!

Она. Я вам не верю. Одного моего желания вы уже не исполнили.

Он. Какого, Леночка?

Она. Я не хотела идти в ресторан, а вы меня затащили сюда.

Он. Верно... Упросил... уговорил... Да, я виноват! Виноват! Но поймите, мне так хотелось побыть с вами в каком-нибудь таком месте, где бы играла музыка, где бы мы могли сидеть друг против друга и говорить обо всем, обо всем... Вот так, как сейчас... Вы знаете, я первый раз в своей жизни встречаю такую девушку, как вы. Вы особенная.

Он пытается поцеловать ей руку, она отдергивает

Она. Чем же я особенная?

Он. Подумать только, мы познакомились три месяца назад, а виделись всего только шесть раз. Шесть раз за три месяца!

Она. Сегодня седьмой!

Он. Да, седьмой... Вы знаете, Лена, я с ужасом думаю о том, что вот кончится сегодняшний вечер, я провожу вас до дверей вашего дома, вы, как всегда, не разрешите мне зайти к вам, и потекут опять томительные дни ожидания следующей встречи, когда неделя кажется годом, месяц — вечностью... Лена, обещайте мне, что наша восьмая встреча не за горами! Обещаете?

Она *(улыбнувшись)*. Обещаю, Олег. Вы не забыли? Вам нужно было позвонить куда-то в десять часов. Сейчас пять минут одиннадцатого.

Он *(вспомнив)*. Да, да. Совсем вылетело из головы... *(Встает.)* Вы разрешите?

Она. Ну что вы, Олег, в самом деле. Идите, идите! Я подожду.

Он выходит. Некоторое время она сидит одна, перелистывая книгу. Оркестр после перерыва начинает играть. На пороге появляется танцор — один из завсегдатаев ресторана. Он напевает песенку из популярного кинофильма.

Танцор *(нарочито вежливо)*. Хэлло! Прошу извинения! Разрешите пригласить вас...

Она *(с удивлением)*. Куда?..

Танцор. На шейк.

Она. Что это такое?

Танцор *(опешив)*. Не знаете? Это танец!

Она *(сухо)*. Благодарю вас. Я не танцую.

Танцор. Вы не танцуете? Почему?

Она. Не умею.

Танцор. Трудно этому поверить.

Она. Ничем не могу вам помочь.

Танцор *(сладко улыбаясь)*. Может быть, организуем попытку?

Она. Извините меня, но вы назойливы.

Танцор. Значит, категорически?

Она. Я все сказала.

Танцор. Простите. Ошибся. И разошлись, как в море... пароходы. Сесибон! Гуд-бай! *(Исчезает.)*

В ложу входит первый официант. В руках у него поднос с заказом. В серебряном ведерке бутылка шампанского. Подняв голову и увидев официанта, она вдруг стремительно поднимается со своего места.

Она *(смутившись)*. Как?.. Разве ты здесь?..

Первый официант *(с подносом в руках)*. Да. С сегодняшнего дня. Перевели сюда на все лето. *(Ставит поднос на угол стола.)*

Она *(растерянно)*. Я не знала...

Первый официант *(спокойно)*. А ты с кем?

Она. Я... я потом тебе все объясню...

Первый официант *(накрывая на стол)*. Я его знаю?

Она *(не отвечая на вопрос)*. Мы сейчас пересядем... Нет, мы лучше уйдем отсюда! *(Берет со стола сумочку.)*

Первый официант. Не беспокойся, я сделаю так, что вас обслужит другой официант. *(Уходит.)*

Она стоит в нерешительности, затем садится. Входит он.

Он. Насилу дозвонился. Занято было. *(Садится.)* Леночка, что с вами? Вы чем-то взволнованы?

Она. Нет. Нисколько.

Он *(с тревогой)*. Но я же вижу, что вы взволнованы. Что-нибудь произошло во время моего отсутствия?

Она *(пытаясь улыбнуться)*. Ничего, если не считать, что какой-то стиляга настойчиво уговаривал меня пойти с ним танцевать.

Он. Он оскорбил вас?

Она. Все окончилось благополучно: я отказалась, и он исчез.

Он. И все же вы разволновались! Не надо было мне оставлять вас одну... Ресторанная публика! Терпеть не могу этой манеры знакомиться под предлогом танцев. Попробовал бы он при мне к вам привязаться!

Оба молча едят пломбир. Появляется Сидоров Она взглянула на нового официанта и успокоилась

Сидоров. Ничего не потребуется?

Он. Откройте шампанское!

Сидоров открывает шампанское. Разливает по бокалам. Ставит бутылку в лед.

Сидоров. Будут еще заказы?

Он. Пачку папирос и спички.

Сидоров. Какие, разрешите?

Он. «Казбек». Или любые в эту же цену.

Сидоров выходит. Оба сидят молча. Она, задумавшись, медленно ест пломбир.

Она (*после паузы)*. Олег, вы хотели что-то рассказать мне.

Он *(поднимает бокал)*. Ну хорошо. Давайте тогда чокнемся и выпьем. Только раньше придумаем за что!

Она *(поднимает бокал)*. Предлагайте!

Он *(подумав)*. За то... за то, чтобы мечты сбывались!

Она. Какие мечты?

Он. Самые сокровенные! Согласны?..

Она. Согласна.

Чокаются. Пьют

Он. До дна! До дна!

Она *(выпив бокал до дна)*. Ну, а теперь я слушаю.

Он *(горячо)*. Знаете, Леночка, когда я смотрю на вас, думаю о вас или говорю с вами, мне представляетесь не только вы, а та, о которой я давно

мечтал. Я не поэт, Лена, но я написал стихи. Сложил песню. Может быть, нескладно, но искренно. Хотите послушать?

Она. Конечно, хочу.

Он *(берет гитару, играет, негромко поет).*

Я слишком одинок, когда тебя не вижу.
Тоскливо дни проходят, как года.
Ты всех роднее мне, всех лучше и всех ближе,
Такой второй, как ты, не знал я никогда!
В мечтах лишь о тебе я пережил немало.
Не раз стоял у запертых дверей,
Глядел в твое окно... Ты этого не знала,
А то бы ты была, наверное, добрей!

Я одинок, Лена! Мне очень больно, что вы как-то настороженно относитесь ко мне... Скажите, почему вы ни разу не разрешили мне зайти к вам домой?

Она *(не сразу).* Хорошо. Я скажу вам. Только уж вы на меня не обижайтесь.

Он. Что вы! Обещаю.

Она. Помните, вот тогда, на улице, возле МХАТа? Мы с отцом шли из театра и случайно встретились с вами...

Он. Помню, помню.

Она. Так вот, Олег... Вы не понравились моему отцу.

Он *(не без удивления).* Я не понравился?

Она. Да, не понравились.

Он. Любопытно... Ваш отец меня совершенно не знает. Какие же у него были для этого основания?

Она. Не знаю. Я люблю и уважаю отца. С самого раннего детства я привыкла прислушиваться к его мнению. Я ведь росла без матери... Мне не хотелось бы, чтобы он видел нас вместе. Он бы, конечно, ничего не сказал мне, но я знаю, что ему это было бы неприятно...

Он *(горячо).* Я убежден, что при ближайшем знакомстве мы понравились бы друг другу и нашли бы общий язык. Я уверен. *(Поднимая бокал.)* Выпьем за здоровье вашего отца!

Она. С удовольствием.

Он встает. Берет бутылку шампанского. Появляется Сидоров. В руках у него коробка папирос «Казбек».

Сидоров. Извините, задержал. *(Кладет папиросы на стол.)*

Он *(недовольно)*. Куда вы провалились? *(Ставит бутылку на стол.)*

Сидоров. Гостей много. Не успеваем.

Он. Мне нет никакого дела до того, сколько у вас там гостей. Работать не умеете!

Сидоров. Я в зале занят. Я кабины не обслуживаю. Меня попросили вас обслужить. *(Разливает вино в бокалы.)*

Она настороженно прислушивается к происходящему разговору.

Он. Вас хорошо за смертью посылать!..

Сидоров *(спокойно)*. Она за мной сама придет, гражданин... *(Ставит бутылку в лед.)*

Он *(усмехнувшись)*. Что? Тоже где-нибудь задержалась? Других обслуживает?

Сидоров. Больше ничего не потребуется?

Он. Идите.

Сидоров хочет уйти.

Да, молодой человек, где же спички? Я же просил папиросы и коробку спичек!

Сидоров уходит.

Она *(сдерживая волнение)*. Олег, почему вы с ним так разговаривали?

Он *(не понимая)*. А как я с ним разговаривал?

Она. Так грубо... И потом, вы назвали его «молодым человеком»...

Он. Возможно. А что?

Она. Он же пожилой человек. Старик.

Он. Разве? Я не заметил. *(Улыбнувшись.)* Ленуля, дорогая моя, они привыкли. Дам ему «на чай» — еще спасибо скажет. Это же лакей! *(Поднимает бокал.)* Ну так что же? За вашего папу!

Она *(немного медлит, затем поднимается, спокойно)*. Извините, Олег, я должна вас оставить.

Он *(с удивлением)*. Куда вы?..

Она *(не сразу)*. Помыть руки. Провожать не надо.

Забыв на столе сумочку, она медленно выходит. Он остается. За сценой играет оркестр. Некоторое время он сидит один. В ложу заглядывает танцор.

Танцор. Здорово, старик! *(Входит в ложу.)*
Он. А! И ты здесь? Садись.

Танцор присаживается

Один?
Танцор. Тут, с компанией. Один чувак угощает. А ты с той? Со своей? Да?
Он. С ней.
Танцор. Я, понимаешь, видел, как вы зашли в эту ложу. Сунулся к вам — вижу, тебя нет, она одна сидит с тоской во взоре. Решил временно занять — пригласить на пасодобль. Полный отбой!
Он. Так это ты ей тут нахамил?
Танцор. О хамстве не может быть и речи. Разошлись культурненько, как в море пароходы.

Входит первый официант. В руках у него коробка спичек. Друзья не обращают на него никакого внимания. Официант молча кладет спички на край стола.

Он *(через плечо, официанту)*. Чистый бокал!
Танцор. Фигурка у нее ничего... Стильная...

Официант берет со столика в углу чистый бокал. Вытирает его салфеткой.

Первый официант. Разрешите налить?
Он *(через плечо, официанту)*. Налейте! И подсчитайте, сколько там с меня... *(Протягивает деньги.)*

Официант ставит бокал перед танцором, берет бутылку шампанского.

Танцор *(недвусмысленно)*. Лед тронулся?
Он. Да нет еще... Тут, брат, характерец...
Танцор. Пел?
Он. Пел.
Танцор. Смотри, еще влюбишься. Который заход?
Он *(усмехнувшись)*. Сегодня седьмой.
Танцор. Ого!.. На тебя не похоже!
Он. А я не тороплюсь.
Танцор. Познакомишь?
Он. Можно.
Танцор. А где же она?
Он. Сейчас придет.

Первый официант *(неожиданно)*. Она, гражданин, не придет.

Он *(обернувшись, с удивлением)*. То есть как это не придет? Вас, кажется, не спрашивают. Чего вы лезете в разговор?.. И вообще... Вы нас не обслуживаете. Где наш папаша?

Первый официант *(невозмутимо)*. К его счастью, он вам не папаша. А меня вы не узнали? Мы ведь с вами знакомы...

Он. Неужели? Что вы говорите?

Первый официант. Да. Моя дочь, Лена, познакомила меня с вами этой весной возле Художественного театра. Помните?

Он *(поднимается, подходит к официанту)*. Здравствуйте! Простите, пожалуйста!

Первый официант *(кладет в протянутую молодым человеком руку сдачу)*. Позвольте сумочку, гражданин! *(Берет со стола сумочку и с достоинством выходит из ложи.)*

Из рук растерянного молодого человека сыплются на пол мелкие монеты.

Гаснет свет

1954

ВАРАКУШКА

Комедия в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Фуфин, директор базы Снабсбыта.
Клюшкин, вахтер базы.
Сиделкин, сотрудник базы.
Секретарша.
Тетя Маша.

Служебный кабинет Фуфина. Секретарша разговаривает по телефону.

Секретарша. Алло! Люська! Ты представить себе не можешь, что тут у нас творится!.. Просто паника! Из академии бумага пришла. Из самой академии!

Входит тетя Маша.

Ну, прощай! Говорить больше не могу! *(Кладет трубку, подбегает к тете Маше.)* Принесла, тетя Маша?

Тетя Маша *(доставая из авоськи две толстые книги.)* Принесла. Библиотекарша спросила: «Зачем тебе, тетя Маша, циклопедия?» А я говорю: «Это не мне, это Захар Филатыч интересуется». *(Протягивая первую книгу.)* Вот Брем... Вот циклопедия. *(Протягивает вторую книгу.)*

Секретарша *(листает книги)*. Вара... вара... варакушка. Слушайте, тетя Маша. *(Начинает читать вслух.)* «Варакушка. Красивая птица из семейства дроздовых. Оперение у самца — сверху буроватое, горла и зоба — синее; на груди белое или рыжее пятно; брюшко белое».

Телефонный звонок.

(Снимает трубку.) Вас слушают. Его нет... У товарища Фуфина обеденный перерыв. *(Кладет трубку,*

продолжает читать.) «В Советском Союзе обитает повсеместно. Гнездится на земле. Самцы хорошо поют».

Тетя Маша. Не иначе, у Клюшкина самец. Убей меня бог, самец! Послушал академик, как этот самец поет, понравилась ему песня, ну и решил приобрести для своего удовольствия. Денег не пожалел!

Секретарша. Пятьдесят рублей?

Тетя Маша. Так ведь академик, не кто-нибудь! Что ему полсотни за песню?

Секретарша. Если бы еще большая редкость, ну там пингвин или попугай, который человеческим голосом разговаривает, а то какая-то незначительная птичка. Удивительно, честное слово! *(Полосками бумаги закладывает нужные страницы в книгах.)* Почему он ее не продал?

Тетя Маша. Из-за принца.

Секретарша. Из-за какого принца?

Тетя Маша. Из-за своего стариковского принца.

Секретарша *(поправляет)*. Из-за принципа, тетя Маша.

Тетя Маша. Ну, я и говорю: из-за принца. Пятый год я здесь работаю, по тридцать раз в день вхожу-выхожу, каждый меня в лице знает, тетей Машей зовет, а когда он в проходной дежурит, с ним весь нерв растрепишь: предъяви ему пропуск — и только! А все из-за принца! Он из-за этого своего стариковского принца и птюшку не продал!

Секретарша. Клюшкин сегодня выходной, так Захар Филатыч за ним на квартиру свою машину послал. Обедать пешком пошел.

Тетя Маша. Вот тебе и варакушка!

Входит Фуфин. Тетя Маша выходит.

Фуфин. Клюшкина привезли?

Секретарша. Нет, Захар Филатыч, не привезли. Принесли шестой том Большой Советской — «Ботошани — Вариолит» и «Жизнь животных» Брема.

Фуфин. Спасибо. Вызовите Сиделкина. Пусть ко мне зайдет. Привезут Клюшкина — прямо ко мне. По телефону пока ни с кем не соединяйтесь. Я буду занят. Да! Принесите мне личное дело Клюшкина. Побыстрей!

Секретарша выходит. Фуфин подходит к своему столу, садится в кресло. Надев очки, он открывает лежащую перед ним книгу и начинает читать. По мере чтения выражение лица Фуфина становится все более озабоченным. Дочитав до конца, он откидывается в кресле и задумывается.

(Про себя.) «Жизнь животных».

Входит Сиделкин.

Сиделкин. Разрешите, Захар Филатыч?

Фуфин. Заходи, Сиделкин. Садись. Мы с тобой сегодня не виделись? Здорово! *(Протягивает через стол руку.)*

Сиделкин. Здравствуйте, Захар Филатыч! *(Пожимает руку Фуфину.)*

Фуфин. Садись.

Сиделкин садится в кресло, стоящее в углу комнаты, неподалеку от стола Фуфина.

(Не сразу.) Слышал? *(Смотрит на Сиделкина поверх очков.)*

Сиделкин. Слышал, Захар Филатыч. Ничего пока не понимаю. Ровным счетом ничего!

Фуфин. Я тебе отношение из академии показывал?

Сиделкин. Нет, Захар Филатыч, отношения я не видел. А что за отношение? Хорошее?

Фуфин встает, подходит к сейфу, открывает его, достает красную папку и оттуда извлекает бумагу. Потом кладет папку в сейф и с бумагой в руках проходит на свое место за стол. Садится.

Фуфин *(глядя на бумагу)*. Ну, тут все как полагается... Все по форме... Бланк... штамп: «Академия коммунального хозяйства»... подпись. Одним словом, документ! Слушай, Сиделкин! *(Начинает читать вслух.)* «По имеющимся у нас сведениям, сотрудник вверенной вам базы Снабсбыта вахтер комендатуры гражданин Клюшкин П. П. является обладателем птицы, известной под названием варакушка — ци-а-не-ку-ла... *(Делает паузу и смотрит поверх очков на Сиделкина. Затем продолжает читать.)* Являясь любителем-орнитологом и имея большую личную коллекцию птичьих чучел, я обратился к вышеупомянутому гражданину Клюшкину П. П. с предложением продать имеющийся у него экземпляр ци-а-не-ку-ла, необходимый мне для пополнения

коллекции. Однако, несмотря на предложенное мной гражданину Клюшкину П. П. денежное вознаграждение в сумме пятидесяти рублей, последний отказался продать принадлежащую ему птицу. Прошу вас как руководителя учреждения оказать содействие в приобретении у вашего сотрудника гражданина Клюшкина П. П. нужной мне птицы за наличный расчет. С уважением доктор технических наук профессор М. М. Переплет-Поповский». *(Снимает очки и протягивает бумагу Сиделкину.)*

Сиделкин серьезно просматривает бумагу.

(После паузы.) Твое суждение по этому вопросу?

Сиделкин *(возвращая Фуфину бумагу)*. Академия-то коммунальная!

Фуфин. Что ни говори, а начальство.

Сиделкин *(осторожно)*. Ну, это, правда, постольку поскольку...

Фуфин *(недовольно)*. Вот именно... А на документ мне отвечать придется? Придется!

Сиделкин. Выходит, этот академик занимается коммунальным хозяйством, а интересуется птичками?

Фуфин. Это не наше с тобой дело, чем там академики занимаются. Важно, что поступил официальный документ! И не от кого-нибудь... Это тоже понимать надо! Какой из себя этот Клюшкин? Давно он у нас работает?

Сиделкин. Лет десять. Когда я пришел, он уже работал.

Фуфин. Как он работает? Взысканий не было?

Сиделкин. Старик исполнительный.

Фуфин. Пьет?

Сиделкин. Нет. Трезвый старик.

Фуфин *(в раздумье)*. Не пьет, значит...

Входит секретарша. Кладет на стол Фуфину папку.

Секретарша. Личное дело Клюшкина.

Фуфин *(вынув из папки фотографию Клюшкина и показав ее Сиделкину)*. Он?

Сиделкин. Он.

Секретарша. Он.

Фуфин. Как к нему эта птица попала? Поймал он ее, что ли, где-нибудь?

Сиделкин. Наверное, поймал. Говорят, он птицелов.
Фуфин. Какая у него зарплата?
Сиделкин. Рублей сорок.
Секретарша. Сорок два.
Фуфин. И за пятьдесят рублей свою эту варакушку академику не продал? Ну и ну!.. *(Качает головой.)*
Сиделкин. Выходит, не продал.
Фуфин. А ну как он и мне откажет?.. Свою машину за ним послал. Он выходной сегодня.

В дверях появляется тетя Маша.

Тетя Маша. Захар Филатыч, Клюшкина привезли!
Фуфин. Давайте его сюда! *(Заглянув в анкету Клюшкина.)* Эх, беспартийный!.. *(Сиделкину.)* Может, ты на него по профсоюзной линии повлияешь?

Сиделкин не успевает ответить, входит Клюшкин. Он взволнован. Фуфин выходит из-за стола и идет навстречу старику.

(Улыбаясь.) Здравствуйте, здравствуйте, товарищ Клюшкин!
Клюшкин *(взволнованно)*. Здравствуйте, товарищ Фуфин. Что случилось?

Обмениваются рукопожатием.

Фуфин. Вы уж нас извините, что мы вас потребовали в ваш выходной день. Дело у нас к вам есть. Вы не волнуйтесь. Садитесь, пожалуйста.

Клюшкин садится. Секретарша выходит. Фуфин пододвигает старику коробку папирос.

Клюшкин. Благодарю покорно, не увлекаюсь.
Фуфин. До ста лет хотите прожить?
Клюшкин. Загадывать не загадываю, а проживется, так проживу.
Фуфин. Как вас довезли? Я ведь за вами свою машину посылал.
Клюшкин. Привезли. В бане меня нашли...
Фуфин. Вы уж нас извините, Понтий Петрович...
Клюшкин. Ничего... Не велика важность. А что случилось-то?

Фуфин *(начиная издалека)*. Дело, Понтий Петрович, у нас к вам не совсем обычное... Слухами земля полнится. Говорят, вы птиц ловите?

Клюшкин *(неопределенно)*. Дело любительское.

Фуфин. И много у вас дома птиц? Какие именно?

Клюшкин. Всякие есть... Щеглы, зяблики, чижи...

Фуфин. Наверное, как запоют все сразу, так прямо концерт? Филармония!

Клюшкин. Не без этого. Раз у птицы такой дар от природы есть, чтобы ей петь, она и поет — не стесняется.

Фуфин. Вот вы говорите, что у вас есть там разные щеглы, чижи... А вот рассказывают, что есть у вас еще одна птичка, под названием варакушка. Что это за птичка такая?

Клюшкин *(неуверенно)*. Да как сказать, чтобы не соврать...

Фуфин *(ласково)*. Да уж вы, Понтий Петрович, пожалуйста, скажите все как есть. Не соврите.

Клюшкин *(подумав)*. Птичка-невеличка. С ноготок.

Фуфин. И где же вы ее раздобыли, если не секрет?

Клюшкин. В камышах, на болоте я ее раздобыл. Летошний год поймал. Эти варакушки больше в сырой чаще селятся, поближе к воде.

Фуфин *(заинтересованный)*. И часто вы их ловите, Понтий Петрович?

Клюшкин. Птиц-то? Да, почитай, каждый год ловлю.

Сиделкин *(неожиданно, с места)*. Продаете?

Клюшкин *(обернувшись)*. Года три назад подарил одного певчего щегла в Дом пионеров, а продавать никому не продавал.

Фуфин. А что же вы с ними делаете?

Клюшкин. А ничего я с ними не делаю. Чего с ними делать? Поймаю птицу, зиму подержу, прокормлю, а весной выпускаю. Дело любительское.

Фуфин *(с недоверием)*. Выпускаете?

Клюшкин. Ясное дело. Весной да летом она сама прокормится...

Фуфин *(глубокомысленно)*. Да-а-а... А что же это все-таки за птица такая, эта варакушка? Не могли бы вы нам с товарищем Сиделкиным рассказать о ней более подробно? Так сказать, информировать нас...

Клюшкин. Это можно... *(Задумавшись, а потом искренне, с большим интересом к собственному рассказу.)* Варакушка — птичка большой красоты и ду-

шевности. Полет у нее быстрый, но короткий. Вспорхнет над землей, пролетит немного, и все кругами, знаете ли, такими небольшими, и уже дальше бегом по земле: прыг, прыг, прыг! И уж если начала прыгать, то пути себе не выбирает, что по сухому, что по топкому, по открытым ли местам, по густой траве – ей все равно, везде проберется. Самцы промеж собой насмерть дерутся, когда их по любовной линии заест. Ревнуют, можно сказать, друг дружку! *(Покачивая головой)*. И смех и грех, право слово! Весной дивно поет... Вот она какая, варакушка, товарищ Фуфин!

Фуфин *(закуривая)*. Да-а-а... Любопытная птичка... Как, товарищ Сиделкин?

Сиделкин. Безусловно.

Фуфин. Скажите, Понтий Петрович, у вас никто не хотел купить эту птичку?

Клюшкин. Почему не хотел? Прицеливался недавно один. Говорил, будто в какой-то академии работает. Просил продать. Только я ему не продал.

Фуфин. Не сторговались?

Клюшкин. Да мы и не торговались. Так разошлись.

Фуфин. Сколько он предлагал вам за вашу варакушку?

Клюшкин. Сперва десятку предлагал, а потом до тридцати рублей накинул.

Фуфин. А потом и полста предложил.

Клюшкин. Хвастался, будто и полста даст, если я ему ее уступлю. Только я не уступил.

Фуфин. Сколько же стоит такая птичка, по-вашему?

Клюшкин *(помедлив)*. Ничего она не стоит.

Фуфин *(не понимая)*. То есть как это так ничего? Что-нибудь она должна стоить? *(Показывает на коробок спичек.)* Коробок спичек и тот стоит. А вам за нее пятьдесят рублей предлагали!

Клюшкин *(спокойно)*. Не стоит она этих денег.

Фуфин *(теряя самообладание)*. Тогда скажите, сколько она стоит.

Клюшкин *(пожимает плечами)*. А кто ее знает, сколько она стоит.

Фуфин. Ну, хорошо. Допустим, что она стоит гораздо дешевле. Но почему вы ее все же не продали, если вам сам покупатель предложил пятьдесят рублей? Это же сумма! Такие деньги на земле не валяются.

Клюшкин. Известно, не валяются. Не копейка! Копейку найдешь и то нагнешься.

Фуфин *(вытирает вспотевший лоб платком)*. Честное слово, товарищ Клюшкин, мы с товарищем Сиделкиным вас просто не понимаем! Почему вы не продали свою варакушку? По-че-му? Да знаете ли вы, товарищ Клюшкин, кто у вас хотел приобрести вашу пигалицу? Известный профессор! Доктор наук, в конце концов! Это вам не Дом пионеров! Не может же такой деятель сам ловить этих варакушек! Что же вы, не могли уважить такого заслуженного человека?!

Клюшкин. Мы очень даже их уважаем. Зачем нам их не уважать? Да ведь кабы он для науки что требовал. А то ведь он для себя просил: он чучела набивает. Дело любительское.

Фуфин *(выходит из-за стола, ходит по комнате, останавливается)*. Да вам-то, вам-то не все ли равно, что он там набивает? Вы же можете в любое время поймать себе другую варакушку. Даже во сто раз лучше!

Клюшкин *(продолжая начатую мысль)*. Ежели бы для науки, я бы ему слова не сказал. Бери, пожалуйста, если людям от этого польза какая-нибудь будет. Я бы ее даром отдал!

Фуфин *(переходя на официальный тон)*. Вот что, то-товарищ Клюшкин. Я обращаюсь к вам как к своему сотруднику, и товарищ Сиделкин меня поддерживает в этом вопросе. Мы просим вас пересмотреть ваше решение и пойти навстречу просьбе профессора Переплет-Поповского. Должен вас проинформировать: я получил официальный запрос из академии по поводу вашей пигалицы. Официальный документ! Я должен на этот документ как-то реагировать! *(Протягивает бумагу Клюшкину.)*

Клюшкин *(прочитав)*. А вы, товарищ Фуфин, напишите резолюцию.

Фуфин. Какую резолюцию?

Клюшкин. «Улетела».

Фуфин *(оторопев)*. То есть как это так «улетела»? Что такое «улетела»? Я вас не понимаю. Товарищ Сиделкин! Вы что-нибудь поняли?

Сиделкин молчит.

Клюшкин *(поясняя)*. Вы напишите этому академику: птичка, мол, улетела!

Фуфин. Что вы хотите этим сказать, товарищ Клюшкин?

Клюшкин. А что есть, то и хочу сказать. Улетела варакушка!

Фуфин. Куда она могла улететь?

Клюшкин. Ей пути не заказаны.

Сиделкин. Вы что же, ее выпустили, товарищ Клюшкин? Сознательно выпустили?

Клюшкин *(с некоторым раздражением)*. Сознательно, сознательно!

Фуфин *(с трудом себя сдерживая)*. На каком основании?

Клюшкин *(широко)*. Так ведь весна, товарищ Фуфин! Конец марта! Зачем птичке в клетке томиться?

Фуфин. Когда? Когда вы ее выпустили?

Клюшкин. Покормил ее нынче утром последний раз, вышел во двор, открыл клетку и выпустил. А сам в баню пошел.

Фуфин. Нет! Как вам это нравится? Он ее выпустил! Что мы теперь ответим на документ? Нам же не поверят! Мы подорвем свой авторитет в глазах академии! Мы же не можем действительно написать резолюцию «улетела»! Мы никогда не писали таких резолюций! Вы нас подвели, товарищ Клюшкин! Мы сделаем выводы! Твоя точка зрения, Сиделкин?

Сиделкин *(Клюшкину)*. Неужели так-таки и выпустил?

Клюшкин. Да, вот так...

Сиделкин *(неожиданно)*. Ай, молодец!.. *(Смеется.)* Не побоялся — выпустил!

Фуфин. Молодец? Кто молодец?

Сиделкин *(весело)*. Клюшкин молодец! Выпустил!..

Клюшкин. Ну, бывайте здоровы! *(Уходит.)*

Сиделкин *(Фуфину, весело)*. Вот ведь мала пташка, а все сильней, чем бумажка!

Фуфин опускается в кресло, вытирает лоб платком, растерянно смотрит на Сиделкина.

Гаснет свет

1954

ПЕРЕД ПРЕМЬЕРОЙ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Режиссер.

Рецензент.

Рецензент у себя дома, развалившись в кресле и попивая боржом, а режиссер, стоя в будке автомата, разговаривают по телефону.

Режиссер
(дует в трубку)

Алло!.. Алло!.. Не слышу!..

Рецензент
(равнодушно)

Я молчу.

Режиссер
(горячо)

Вы понимаете, что я сказать хочу?
Вы — критик, рецензент. Я — режиссер. Не так ли?
Вы пишете статьи, я создаю спектакли.
Как воздух, нам комедия нужна!
Но где она? Скажите, где она?!
Уж я не говорю о водевиле —
Об этом жанре все давно забыли!
А зритель требует! Смеяться хочет он!
Играем мы Мольера и Шекспира,
У нас идут Гольдони, Кальдерон...
Но где же современная сатира,
Бичующая наши недостатки,
Клеймящая глупцов и наглецов,
Перестраховщиков, людей, берущих взятки,
Бессовестных льстецов, безнравственных отцов,
Невежд с дипломами, клеветников со стажем,—
Когда мы их в комедиях покажем

И выведем на свет в конце концов?
В избе у нас еще немало сора!

(Переводит дух.)

Рецензент
(помолчав)

Попробуйте поставить «Ревизора»!
Сатира острая. Талантлива. Смешна.

Режиссер
(взволнованно)

Нам со-вре-мен-ная комедия нужна!
Чтоб зритель в зале от души смеялся,
На что-то гневался, о чем-то волновался,
Чтобы при всех был высмеян дурак
И по заслугам был наказан враг!

Рецензент
(безразлично)

Вам надо к драматургам обратиться.

Режиссер
(в отчаянии)

Я обращался. Требовал. Просил.
Один ответил мне, что критики боится —
Перенести ее ему не хватит сил.
Другой сказал: «Я не боюсь газеты,
Поскольку не пишу уже пятнадцать лет!»
У третьего есть тема — нет сюжета!
Четвертому мешает худсовет...

Рецензент
Ну, а у пятого?

Режиссер

У пятого есть пьеса —
Комедия в трех актах: «Рубка леса».
Ее герои до и после рубки
Творят в лесу прекрасные поступки.
Все говорят, что в пьесе есть зерно...

Рецензент

Так в чем же дело?

Режиссер

В том, что не смешно!

Рецензент

Что ж... И такие пьесы нам нужны.
Мы зрителя воспитывать должны.

Режиссер
(вытирая лоб платком)

Но над комедией положено смеяться!

Рецензент

Положено. Но как?.. Тут надо разобраться!
Нам нужен смех. Его не избежать.
Но зритель наш привык героям подражать!
А что получится, когда, к примеру, скажем,
Он с отрицательным столкнется персонажем?
Вы будете высмеивать порок,
А зритель извлечет совсем другой урок:
Над пьяницей в спектакле посмеется,
А там, глядишь, в антракте сам напьется!
Вы взяточника будете играть,
А зритель завтра станет взятки брать!
Бесчисленны подобные примеры...
Смеяться не грешно, но все же с чувством меры...
А в основном, конечно, нам нужны
И наши Гоголи, и наши Щедрины.
Мы против тех, кто в пьесах льет елей!
Вот так... Да, да!.. А главное — смелей!..

(Кладет трубку. Задумывается, затем в ужасе шепчет.)

Смелей... смелей... А если спросят мненье?
Где взять надежную чужую точку зренья?!

Гаснет свет

1959

ТЕМНОТА

Комедия в двух картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Самосвалов, заведующий горкомхозом.
Харахорина, работник горкомхоза.
Архитектор.
Клавдия, жена Самосвалова.
Дарья Силовна, теща Самосвалова.
Кум.
Батюшка.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Служебный кабинет в помещении горкомхоза на втором этаже старинного здания. За окном виден угол древней церкви. Входит Самосвалов. На нем серая шляпа и серое габардиновое пальто. Он подходит к телефону, снимает трубку

Самосвалов *(по телефону)*. Седьмой!.. Разъедините. Самосвалов говорит. *(Подождав.)* Ну как там у вас? Ах, пришел? Поднимитесь ко мне! Быстренько! *(Кладет трубку, смотрит на часы и отходит к окну.)*

В комнату входят Харахорина с блокнотом в руках и архитектор, пожилой человек с седой бородой и с зачесанными назад седыми волосами. Вошедшие здороваются. Самосвалов оборачивается, молча кивает и жестом приглашает их сесть. Те садятся. Самосвалов проходит за свой стол, опускается в кресло, достает из папки, лежащей перед ним на столе, какую-то бумагу и кладет ее поверх папки.

(После паузы.) Вы вообще газеты читаете? *(Пауза.)* Я вас спрашиваю: вы газеты читаете?

Харахорина *(робея.)* А что случилось, Гордей Петрович?

Самосвалов. Ну, значит, не читаете!

Архитектор. Как это не читаем? Конечно, читаем. А в чем дело, Гордей Петрович?

Самосвалов. Дело в том, товарищ городской архитектор, что если бы вы читали газеты, и читали бы их как следует, то вы бы не тратили свое

служебное время на составление безыдейных документов!

Архитектор *(сдержанно)*. Я не совсем понимаю, о чем идет речь.

Харахорина открывает блокнот и собирается записывать. Самосвалов выходит из-за стола, начинает ходить по кабинету.

Самосвалов. Речь идет о благоустройстве нашего родного города, так сказать, нашего районного центра. *(Помолчав.)* У нас в стране идет небывалое строительство. Все города благоустраиваются: и большие и малые. И малые и большие. Люди хотят культурно жить и отдыхать. И мы обязаны им создавать все условия, проявлять инициативу. Инициативу проявлять! Ясно?

Архитектор. Мне лично не совсем ясно, Гордей Петрович.

Самосвалов. Плохо, если не ясно. Плохо!

Архитектор *(взволнованно)*. Так какие же у вас к нам претензии? Разве руководству исполкома не известны наши предложения по благоустройству города, на которые мы до сих пор не имеем ответа? Скоро год...

Самосвалов *(перебивая архитектора)*. Скоро год, как вы представили проект по разбивке горсада на месте бывшей свалки? Представили! Знаем! Предложили очистить пруд на территории стадиона? Предложили! Помним!

Харахорина. Сейчас мы предполагаем поставить на рассмотрение исполкома вопрос о зеленых насаждениях на улице Дарвина. Хотим обсадить ее липами.

Самосвалов. Слушаю я вас, дорогие товарищи, и уши у меня вянут. Вянут уши! У меня. Вянут! Кажется, культурные вы люди, а главного не видите. Не видите главного! Пока, извините за выражение, носом вас не ткнешь куда следует, вы сами и не почешетесь! *(Помолчав.)* И ты тоже, Харахорина, руководишь отделом, а кругозора у тебя настоящего нет. Нет кругозора! Настоящего! Визируешь все, что тебе ни подсунут! Живешь без гармошки в голове. Без гармошки живешь! Ну, липы посадить! Ну, пруд очистить! И посадим, и очистим, и карасей в пруд напустим, когда время придет. Но ведь этого мало! Это же ведь не главное!

Архитектор. А что же, по-вашему, главное?

Самосвалов. Что главное? *(Подумав.)* Главное — понимать дух времени и, исходя из этого понимания, заниматься тем, за что тебе зарплату платят. За что платят зарплату! А если что непонятно — не поленись, поднимись на второй этаж и посоветуйся с руководством, раньше чем подавать подобные аннотации! *(Берет в руки бумагу, лежащую на столе, и машет ею в воздухе.)* Ну, мыслимое ли это дело, чтобы я, так сказать, этот, как его... атеист!.. на сегодняшний день ставил вопрос о ремонте церкви? Мыслимое ли это дело?!.. Я!.. Атеист!..

Архитектор *(поднимаясь)*. Гордей Петрович, голубчик! Не о ремонте церкви идет речь, а о реставрации памятника архитектуры семнадцатого века!

Самосвалов. Вот именно. Семнадцатого! А мы в двадцать первом живем!..

Харахорина *(деликатно)*. В двадцатом, Гордей Петрович!

Самосвалов. Ну, это не имеет существенного значения. *(Машет рукой.)* Не имеет!

Архитектор *(горячо)*. Наш храм — это сокровище, три сотни лет простоявшее на русской земле и в своих самобытных формах отразившее вершины народного зодчества! Сохранить его от разрушения — наша прямая обязанность. И я в данном случае выполняю свой долг как архитектор и гражданин. Наконец, как патриот!

Самосвалов. Плохо вы понимаете, что такое патриотизм. Плохо понимаете! Вот вы говорите «сокровище», а у меня это «сокровище» как бельмо на глазу! Стоит, только место занимает. Краеведческому музею его в свое время предлагали? Предлагали! Отказался музей? Отказался! Цех мягкой игрушки в нем полгода размещался, так и тот сбежал. Сбежал! Зимой эдакую махину разве отопишь? Вся игрушка сопрела. Сопрела игрушка! На пять тысяч сопрела! *(Помолчав.)* Я сегодня в обеденный перерыв нарочно зашел туда, перед тем как принять окончательное решение. Полюбовался! Под ногами птичий помет. Помет! Голуби летают! Пылища! А с воспитательной точки зрения? Ребятишки заходят, что они видят? Что видят ре-

бятишки? Стены святыми рисунками размалеваны, не поймешь, где рай, где ад. Опиум! Мы должны в настоящий момент бороться со всевозможными религиозными предрассудками, со всякого рода дурманом, а не воскрешать то, что давно уже отжило и само отвалилось! *(Передохнул.)* И развалилось!

Архитектор *(сдержанно)*. Что же вы предлагаете?

Самосвалов. Что я предлагаю? А то предлагаю, что не я, а вы давно должны были бы сами предложить.

Архитектор. Что же именно?

Самосвалов. Ра-зо-брать!

Харахорина *(испуганно)*. Как — разобрать?..

Самосвалов. А как разбирают? «По винтику, по кирпичику»! За неимением возможности использовать для нужд народа. За неимением возможности! А за счет освободившегося пространства расширить городскую площадь и залить ее асфальтом. Асфальтом залить! Да, да! Нам после себя нашим потомкам неотремонтированную церковь оставлять надо. Они нам за нее спасибо не скажут. Не скажут спасибо! А вот если мы им красивую городскую площадь подарим, они нас не раз помянут... Помянут!.. Не раз!..

Архитектор *(про себя)*. Да, уж помянут!.. Не раз вспомнят!.. *(Самосвалову.)* Простите меня, Гордей Петрович, но я слушаю вас с сожалением... То, что вы только что сказали, представляется мне грубейшим непониманием исторического прошлого нашего народа — творца величайших культурных ценностей.

Харахорина *(серьезно, не сразу)*. Бесспорно, Гордей Петрович, городскую площадь расширить надо! Город благоустраивать надо! Но не за счет уничтожения памятников архитектуры! Да нам никто и не разрешит этого сделать!

Самосвалов *(повышая голос)*. Кто это не разрешит? Кто?..

Харахорина *(спокойно)*. Область. Наконец, Москва. Да нет, что я говорю? Наш народ не разрешит! Райком партии не согласится!

Самосвалов. Ну, это ты брось! Если мы примем решение — с нами посчитаются. Разумное предло-

жение и область поддержит, и Москва утвердит. Ты подготовь мне к завтрашнему дню кратенькую записку с предложением, какой организации поручить снос постройки. Может, райремонттрест возьмется? А может, вообще организуем молодежь. Одним словом, подработай вопрос по-хозяйски: кому сносить, кому носить, кому кирпичи и строительную щебенку передавать. Глядишь, к празднику мы и будем с новой площадью!

Архитектор, гневно взглянув на Самосвалова, выходит Самосвалов смотрит ему вслед.

Гляди, гляди, как расстроился!.. Э-эх!.. Сам небось лоб крестит!.. Темнота!

Гаснет свет

КАРТИНА ВТОРАЯ

Комната в одноэтажном доме Самосваловых. Посередине комнаты — обеденный стол, вокруг него — несколько стульев. У стен — холодильник, книжный шкаф с подписными изданиями. На стене раскрашенная акварелью фотография четы Самосваловых и несколько репродукций с известных картин. У окна, на этажерках, столетники в горшках. В левом углу на стене электрический счетчик и предохранительный щиток с пробками. Направо от зрителей — дверь в смежную комнату, налево — дверь в прихожую.

Поздний вечер. Возле стола стоит Самосвалов в сером габардиновом пальто. В руках у него шляпа. Молча наблюдает за своей тещей Дарьей Силовной, которая задергивает на окнах занавески.

Самосвалов *(теще)*. Вы щелочку-то оставьте. Оставьте щелочку! А как все у вас тут закончится, так сразу в этой комнате свет загасите — знак нам подайте.

Дарья Силовна. Вы на это окно поглядывайте, а то второе-то я плотно занавесила, чтобы, не ровен час, с улицы кто не заглянул. А в это и заглянет кто, так ничего не увидит. *(Отходит от окна.)*

Самосвалов *(помолчав)*. Скоро она там?

Дарья Силовна. Сейчас выйдет.

Самосвалов *(помолчав)*. Вы учтите: я ничего не знаю! Все это помимо меня происходит. Помимо меня!

Дарья Силовна. Да не сумлевайся ты, зятек, не сумлевайся! Не без понятия живем. Комар носа не подточит.

Самосвалов. Вы одномоментно все проверните. Часа-то вам хватит?

Дарья Силовна. Как батюшка придет, так и за полчаса управимся. У нас, поди, все готово. И вода уже греется.

Самосвалов. А мы пока по бульвару туда-сюда прошвырнемся, воздухом подышим... Ну, где она там? *(Зовет.)* Клавдия! *(Теще.)* Чего она копается?

Дарья Силовна. С ребенком занята.

Из смежной комнаты появляется Клава, жена Самосвалова, также в сером габардиновом пальто с квадратными плечами. На голове у нее белый пуховый платок. В руках держит электрический рефлектор.

Клава *(мужу)*. Чего раскричался? Ребенка разбудишь: только заснул! *(Матери.)* Пусть пока поспит. Батюшка придет, тогда и разбудите. Да не испугайте вы его, мама. Заикой не сделайте.

Самосвалов *(надевает шляпу)*. Пошли, Клава! Не хочу я с вашим попом встречаться!

Клава *(матери)*. Вы, мама, как сынулю из воды вынут, так сразу же его в ватное одеяльце заверните. Не остудите вы его за ради бога! И так всю ночь кашлял. Рефлектор в комнате включите! *(Ставит рефлектор на пол возле окна.)* Воду-то сперва локтем попробуйте: не горяча ли? Не ошпарьте ребенка! У Копчушкиных вон как ошпарили — врача вызывать пришлось. Не рады были, что крестили!

Самосвалов *(сердясь, жене)*. Кукла! Не затем она к нам за двести верст ехала, чтобы родного внука загубить! Мало у нее крестников?.. А где кум? Куда кум девался?

Дарья Силовна. Я его за красненьким послала. Надо будет батюшку угостить. Полагается.

Самосвалов. Смотрите, как бы ваш братец пока что беленьким не нализался. Вчера хорош пришел... Зюзя зюзей!

Клава *(вспомнив)*. Да, мама! Деньги на холодильнике, под салфеткой.

Самосвалов. Сколько?

Клава. Сколько надо.

Самосвалов *(вздохнув)*. Гребут, святые отцы!..

Клава. «Гребут, гребут»!.. С отцом Александром договаривались, так тот вовсе отказался. Спасибо Марфуше: в район поехала, с другим батюшкой договорилась. Сама его привезет. *(Мужу.)* Придется и ей трешку дать.

Самосвалов *(достает бумажник)*. Еще эту монашенку сюда зачем-то впутали. Зачем впутали? Ведь разнесет по городу, как сорока на хвосте: «У Самосвалова сына крестили!» Разнесет! *(Дает деньги.)*

Клава. У Копчушкиных крестили — никто не узнал.

Дарья Силовна. И про вас не узнают. Сказала тебе: комар носа не подточит!

Самосвалов *(жене)*. Ну, пошли, что ли? Время-то идет!..

Клава. Пошли, пошли! *(В дверях.)* Может, мне остаться? Я в другой комнате посижу, а?

Дарья Силовна *(выпроваживает супругов за дверь.)* Идите, идите. Вам по закону не положено. Без вас младенца наречем!

Клава. Виталием, мама! Виталием! Вы не спутайте! По-другому-то не нареките. Уж я надеюсь на вас, мама!

Дарья Силовна *(затворяет за супругами дверь)*. Виталием, Виталием... Не спутаем!

Дарья Силовна остается одна. Она открывает холодильник, достает из него бутылку водки, наливает рюмочку, с удовольствием выпивает, ставит бутылку обратно. В прихожей звонят. Дарья Силовна быстро выходит. В прихожей раздаются голоса, затем в комнату в сопровождении Дарьи Силовны входит архитектор. В руках у него чемоданчик и толстая книга в темном переплете.

(Принимая архитектора за священника.) Проходите, батюшка, проходите!

Архитектор *(в нерешительности)*. Гордей Петрович дома?

Дарья Силовна. Нет, батюшка, нет. Ушел он, придет... опосля придет... Садитесь, батюшка. *(Пододвигает стул.)*

Архитектор. Нет, тогда я, пожалуй, пойду... Я, собственно говоря, думал...

Дарья Силовна *(испуганно)*. Что вы, батюшка! Как можно! Мы вас ждали! Человека за вами посылали!

Архитектор *(растерянно)*. За мной? Простите, я не совсем вас понимаю...

Дарья Силовна. Есть тут у нас такая Марфуша — божий человек, ну, вроде монашка. Так мы ей наказали, чтобы она вас сама сюда проводила. А вы, гляди, сами пожаловали.

Архитектор. Да. Я решил, что так будет лучше. Вы говорите, что вы меня ждали?

Дарья Силовна. Ждали, батюшка!

Архитектор. Вероятно, Гордей Петрович...

Дарья Силовна *(не давая архитектору договорить)*. Одобрил, батюшка! Одобрил! «Делайте, говорит, все, что положено, а я воспрепятствовать не буду!» Уговорили мы его с дочерью.

Архитектор *(удивленно)*. Неужели?

Дарья Силовна. Да! Уговорили! Ну, поначалу-то он вроде как возражал для видимости, а потом дал согласие... «Только, говорит, поскорей бы!» Одним словом, чтобы недолго ему ждать пришлось...

Архитектор *(бодро)*. Было бы соответствующее решение и деньги. А за нами дело не станет.

Дарья Силовна. За деньги, батюшка, не беспокойтесь! Деньги-то на это дело есть.

Архитектор *(недоуменно)*. Ничего не понимаю! Тогда к чему весь этот разговор, который был у нас сегодня утром? *(Про себя.)* Странно! *(Пожимает плечами.)*

Дарья Силовна. Кум сейчас прийти должен.

Архитектор *(не понимая)*. Кум? Какой кум? Ах, кум!.. Да, да... Он вам кумом приходится...

Дарья Силовна. Кум, да. Вы, батюшка, посидите тут, а я пока похлопочу. *(Выходит.)*

Архитектор кладет перед собой на стол книгу и начинает ее листать. В комнату входит Дарья Силовна с корытом.

Вот, батюшка, корыто сегодня новое купила. Хорошо будет?

Архитектор *(отрываясь от книги)*. Что? Корыто? Очень хорошо.

Дарья Силовна. Думала сначала бачок купить, знаете, такой, в каком белье кипятят, а потом решила корыто взять. Мальчик-то у нас больно рослый.

Архитектор. А сколько ему лет?

Дарья Силовна. Что вы, батюшка, лет! Годика нет!

Архитектор. А имя какое?

Дарья Силовна. Виталий, батюшка, Виталий. Я бы его Виктором нарекла, да мать не хочет. За ней в молодые годы один Виктор ухаживал, так нехорошим человеком оказался. Решили сынка Виталием окрестить.

Архитектор. Ну что ж, хорошее русское имя. Простите, как вас по имени-отчеству?

Дарья Силовна. Меня-то? Дарьей Силовной зовут.

Архитектор. Дарья Силовна! Подойдите-ка сюда. Смотрите! *(Показывает на страницу раскрытой перед ним книги.)* Вот храм, о котором идет речь.

Дарья Силовна, поставив корыто на табуретку, подходит к столу и смотрит на снимок в книге.

Я специально принес эту книгу, чтобы показать Гордею Петровичу. Снимок с нашего храма помещен в «Истории русской архитектуры»! Этот храм – современник воссоединения Украины с Россией. Какие красивые формы! *(Перелистывает страницу.)* Да один «Страшный суд» чего стоит.

Дарья Силовна крестится.

И вдруг, вместо того, чтобы сохранить сокровище русского искусства, он хочет его разрушить. Честно говоря, он поставит себя в смешное положение, если об этом заговорят в городе. Так я оставлю ему эту книгу.

Дарья Силовна. Ну что ж... Оставьте, батюшка, оставьте. *(Целует переплет книги. Вспомнив что-то.)* Да, надо рефлектор включить!

Дарья Силовна включает рефлектор. В комнате гаснет свет.

Господи, что это такое?

Архитектор *(в темноте)*. Очевидно, что-нибудь с пробками.

Дарья Силовна. Что ж теперь делать-то?

Архитектор *(бодро)*. Надо попробовать исправить. Где у вас пробки?

Дарья Силовна. Тут, батюшка, в левом углу, за вами.

Архитектор. Есть у вас какая-нибудь стремянка в доме?

Дарья Силовна. Есть, батюшка, есть! Только как же это вы в вашем положении?..

Архитектор. Ничего. Я дома всегда сам этим занимаюсь. Несите сюда стремянку и лампу или свечку. У вас есть свечка?

Дарья Силовна. Принесу, батюшка, принесу! Сейчас! *(Быстро выходит и так же быстро возвращается со стремянкой.)*

В темноте чиркает спичка. Дарья Силовна зажигает тонкую церковную свечку. Архитектор поднимается на стремянку.

Архитектор. Что-то мне тут ничего не видно. Свечечка больно тонка!

Дарья Силовна. Тридцать копеек, батюшка, такая стоит.

Архитектор. На днях в нефтелавке по пятаку видел.

Дарья Силовна. Так ведь то в лавке, а эту я в церкви брала.

Архитектор *(возится с пробками)*. Тридцать копеек? Ну, это уже спекуляция.

Дарья Силовна. Так не от нас зависит... Вы бы там сказали. Может быть, они бы вас послушали.

Архитектор. Нет, меня они не послушают.

Дарья Силовна. Должны. Чай, вы лицо духовного звания.

Архитектор. Это я-то духовного звания? Что вы! Я старый безбожник. Ни в бога, ни в черта не верую.

Дарья Силовна пятится, натыкается на табуретку, падает, с грохотом опрокидывает корыто. Свечка в ее руке гаснет. В темноте раздается голос Самосвалова.

Самосвалов. Мама! Где вы тут? Что случилось?

Дарья Силовна не отвечает.

Архитектор. Это вы, Гордей Петрович?

Самосвалов. Что? Кто это здесь?

Архитектор. Это я, Брюханенко. Не узнали?

Клава *(испуганно)*. Господи, кто это?

Самосвалов *(грозно)*. Что вы тут делаете?

Архитектор. В настоящий момент ввертываю пробку. У вас пробки перегорели.

Зажигается свет. В опрокинутом корыте сидит Дарья Силовна. Она в какой-то прострации смотрит на архитектора, стоящего на стремянке. Посередине комнаты стоят супруги Самосваловы. Испуганная Клава держится за рукав мужа.

Самосвалов *(теще)*. Мама, что с вами? Чего вы в корыто сели? Что случилось?

Клава *(вскрикивает)*. Виталик! *(Бросается в смежную комнату.)*

Дарья Силовна *(показывает на архитектора)*. Вот!.. Ба-ба-ба-батюшка!..

Самосвалов *(не сразу)*. А-а-а!.. Вот оно что! Значит, по совместительству? В свободное время по домам ходите, детей крестите? Компрометируете семьи ответственных работников? Мы этот вопрос поставим где следует!..

На пороге смежной комнаты появляется с ребенком на руках Клава. Архитектор все еще стоит на стремянке, с нескрываемым любопытством наблюдая за наступающим на него Самосваловым.

Клава. Гордей! Гордей!

Самосвалов *(жене)*. Что Гордей? Что Гордей?!.. *(Архитектору.)* Перерожденец! Двурушник! А еще городской архитектор!..

Дарья Силовна *(не расслышав)*. Архи-архи...

В комнату вваливается кум. Он пьян.

Кум *(навеселе)*. Я кум или не кум?.. Заходите, батюшка, прямо в калошах!

На пороге комнаты появляется батюшка. Он в пальто, высоких сапогах. На голове старая шляпа.

Архитектор *(сокрушенно и осуждающе)* Темнота-а-а!.. Ох, темнота!..

Гаснет свет

1955

БЛАГОДАРНЫЕ СОСЛУЖИВЦЫ

Комедия в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Трясогузкин
Попугаев
Мышкина
Телкина
Козодоев
} сослуживцы.

Комната президиума за сценой клуба. Трясогузкин, сидя за столом, что-то пишет. Мышкина рассматривает чей-то портрет, вышитый гладью. Попугаев ходит по комнате с адресом в руках – репетирует свое выступление.

Трясогузкин. Ну что ж, значит, так... Первым выступает Попугаев и читает адрес, потом вы, товарищ Мышкина, преподносите юбиляру его портрет, собственноручно вами вышитый, и говорите несколько приветственных слов.

Мышкина. Я скажу стихами.

Трясогузкин. Очень хорошо. У вас на сколько минут?

Мышкина. Я думаю, минут на пять.

Трясогузкин. Третьим выпустим Козодоева, он преподнесет юбиляру ценный подарок от сослуживцев. Я заключаю. А после меня предоставим слово Петру Анатольевичу. Будут какие-нибудь замечания, предложения?

Попугаев. Я предлагаю чествовать юбиляра в конце совещания. Если мы с чествования начнем, то Петр Анатольевич может вдруг рассердиться, и совещание пойдет не по тому руслу. Нельзя забывать, что все это является для него сюрпризом.

Трясогузкин *(беспокойно)*. Что-то Козодоев задерживается...

Попугаев. Ничего, у нас еще есть время. Народ еще не начал собираться.

Трясогузкин. Давайте послушаем еще раз адрес.

Попугаев *(встав в позу, читает адрес)*. «Дорогой и глубокоуважаемый Петр Анатольевич! В слав-

ный день вашего сорокалетия со дня рождения и десятилетия вашей плодотворной деятельности на посту директора мы, сотрудники вверенного вам учреждения и ваши ближайшие сослуживцы, шлем вам, неутомимому, чуткому товарищу, наши сердечные, идущие от самого сердца пожелания».

Мышкина. Простите, но мне кажется, что о сердце вообще как-то неуместно. Петр Анатольевич недавно перенес микро...

Трясогузкин *(перебивает)*. Правильно! Присоединяюсь. Можно обойтись без сердца.

Попугаев. Я скажу просто: «наши наилучшие пожелания»... *(Читает адрес дальше.)* «Сегодня, в день вашей юбилейной даты, мы не можем не оглянуться на минувшее десятилетие, за время которого вы сумели завоевать любовь и уважение всего коллектива. Своим личным примером вы повседневно вдохновляли нас, своих товарищей по работе, на выполнение и перевыполнение производственного плана».

Входит Козодоев. В руках у него завернутый в бумагу портфель.

Трясогузкин *(Попугаеву)*. Ну, можно дальше не читать... Дальше все гладко. *(Козодоеву.)* Козодоев, где вы задержались?

Козодоев. У гравера. На серебряную пластинку не хватило денег, пришлось поставить медную. *(Обращается к Попугаеву.)* Кстати, Попугаев, с вас два рубля.

Попугаев. Почему два?

Козодоев *(обиженно)*. Как почему? У меня все записано: цветы — пятнадцать, портфель — двенадцать рублей, пластинка — три, транспортные расходы три рубля, я два раза такси брал. Одним словом, никто вас обманывать не собирается... Гоните вашу долю.

Мышкина. Все по два рубля дали.

Попугаев. Положим, не все... *(Достает деньги.)* Пожалуйста! Разве я отказываюсь?

Трясогузкин. Покажите, как получилось? *(Берет портфель, рассматривает пластинку на нем.)*

Звонок телефона.

Мышкина *(снимает трубку)*. Вас слушают... Анна Петровна, это я, Мышкина. Где вы? Мы вас ждем. Да-да... Обязательно. Нет, мы решили нашу торжественную часть провести после прений. Новость?.. Какую новость?.. Нет, не слышали... Что вы говорите? Алло! Алло!.. Анна Петровна, вас плохо слышно... Придете и все расскажете?.. *(Кладет трубку.)*

Трясогузкин. Что случилось?

Мышкина *(растерянно)*. Петра Анатольевича... освобождают и что-то еще...

Трясогузкин. Петра Анатольевича снимают с работы?..

Попугаев *(мрачно)*. Странно, что не было никаких сигналов...

Трясогузкин *(после паузы)*. Это меняет дело... Я сегодня утром был в отделе кадров, мне там ничего не сказали.

Козодоев. Бывает, что отдел кадров сам в последнюю минуту все узнает. Поступило указание свыше...

Попугаев *(Козодоеву)*. Отдайте мне мои два рубля.

Козодоев *(отходит в сторону)*. Не волнуйтесь, не волнуйтесь...

Попугаев *(настойчиво.)* Верните мне мой пай!

Козодоев. Успокойтесь! С деньгами мы разберемся. Товарищи, нам надо немедленно принимать решение. Что делать с портфелем?

Трясогузкин *(молча отрывает планку с портфеля и прячет ее в карман)*. Портфель сдадим в комиссионный, потеряем семь процентов...

Мышкина. А как быть с моей вышивкой? Я две недели... *(Замолкает.)*

Трясогузкин. Вот это сюрприз...

Попугаев. Адрес можно порвать? *(Хочет рвать.)*

Трясогузкин. Погодите, погодите! Дайте-ка его сюда... *(Берет адрес. Что-то соображает.)* Товарищи, у нас ведь сегодня производственное совещание? Обсуждаем итоги второго квартала. Правильно? А какие у нас могут быть итоги? Печальные итоги, если освобождают товарища Пташкина от занимаемой должности. Оргвыводы будут? Будут. А нас с вами спросят? Спросят! Куда глядел коллектив? Почему не было сигналов

снизу! Можем мы молчать? Мы не можем молчать! Что мы скажем? А мы скажем вот что *(смотрит в адрес, на ходу переделывая фразы, читает):* «Сегодня, в день вашей, так сказать, юбилейной даты, мы не можем не оглянуться на минувшее десятилетие, за время которого вы не сумели завоевать любовь и уважение коллектива. Своим личным примером вы не вдохновили нас, своих товарищей по работе, на выполнение и перевыполнение производственного плана».

Мышкина. Смотрите, как ловко! Одна приставка «не» — и вместо юбилейного адреса здоровая критика.

Входит Телкина. Она прижимает к своей груди большую корзину цветов. Все поворачивают головы в ее сторону.

Телкина *(в дверях, радостно).* Вы слышали новость? Нашего-то Петра Анатольевича освобождают от занимаемой должности и назначают в главк! С повышением!

Немая сцена.

Занавес

1956

СИЛА ПРИВЫЧКИ

Комедия в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Директор театра.
Администратор.
Автор.
Рецензент.
Гардеробщик.
Зритель.
Зрительница.
Лопухов.
Аглая Ивановна.

Кабинет директора театра. Прямо перед зрителем вход в ложу дирекции. Разностильная мебель. На стенах афиши и портреты театральных деятелей. На ломберном столике прохладительные напитки и ваза с пирожными. В углу вешалка. Рецензент говорит по телефону.

Рецензент. Пока еще не ясно. Не знаю, трудно сказать. Спектакль кончится минут через пятнадцать, и я позвоню в редакцию. Что? Да, смотря по ситуации. Как играют? Не вижу. Я смотрю не на сцену. Понятно?.. Ну, так я тебе позвоню. *(Кладет трубку.)* Наш местный автор написал пьесу. Наш областной театр рискнул ее поставить. Постановка мне лично понравилась, и я решил похвалить ее в нашей газете. Хочу проявить смелость! Если редакция напечатает мою рецензию, она тоже проявит смелость, потому что новый спектакль необычный, он волнует зрителя. Сегодня на спектакль неожиданно приехал... Впрочем, посмотрим... посмотрим... *(Выходит в ложу дирекции.)*

Сцена некоторое время пуста. Затем появляется директор. Поспешно раздевается. Хочет пройти в ложу. Навстречу ему выходит администратор.

Администратор *(директору)*. Тихон Петрович, наконец-то!

Директор *(с тревогой)*. Сам?

Администратор. Сам!

Директор. Один приехал? *(Причесывается.)*

Администратор. Один.

Директор. Как идет спектакль?

Администратор. Соловьев больной играет. Тридцать семь и пять. Вчера на рыбалке простыл.

Директор *(упавшим голосом)*. Еще что?

Администратор. Вместо Журавской – Тятина. Журавская на выездном концерте.

Директор. Уж не повезет так не повезет! *(Наливает себе стакан боржома. Пьет.)* Кто еще смотрит?

Администратор. Лопоухов здесь с супругой. Разнобоев из газеты. Автор ко второму действию подошел. А так вроде больше никого – народ смотрит... *(Осторожно.)* Сам-то в партере сидит: пятый ряд, тринадцатое место.

Директор. Вы что, в уме или как? Да у нас начальники отделов дальше третьего ряда не садятся. Жена Салохлебова вторым рядом брезгует. Жена! А вы... *(Машет рукой.)* Эх, что с вами толковать! Вы меня, товарищи, без ножа зарежете! Вы что, номенклатуры не понимаете или как?..

Администратор. Тихон Петрович, я в ложу приглашал. Не пошли! «Не люблю, говорит, из ложи смотреть». Что делать? А у меня аншлаг – все билеты еще с утра проданы. Битком! Хорошо, в пятом ряду на тринадцатом месте у меня теща сидела, так я ее попросил уступить начальству.

Директор *(в сторону)*. Врет про тещу. Какую-нибудь бабенку свою опять по пропуску устраивал.

Администратор *(продолжает)*. Минут за двадцать до начала спектакля – звонок по телефону. Ладно еще, я сам трубку снял. «Нельзя ли сегодня посмотреть у вас спектакль?» Говорит такой-то. Называет фамилию.

Директор. Неужели сам позвонил?

Администратор. Личным голосом. Я даже растерялся. Отвечаю: «Пожалуйста! Приезжайте! Ждем! Спектакль задержим!» А он в ответ: «Зачем же спектакль задерживать? Я вовремя приеду...» Вот такой стиль! Приехал. Разделся у меня в администраторской. Первый антракт на месте просидел. Во втором – гулял по фойе. Некурящий... Я – вам звонить. Вас дома нет. По всему городу искал.

Директор. Я в гостях был. Хорошо еще, что выпил

мало — только за стол сели. Да-а... Вот ведь как нехорошо получается. Первый раз в наш театр пришел, и вот нá тебе!.. *(Пьет боржом.)*

Администратор. Всего не предугадаешь, Тихон Петрович. А спектакль тепло принимают. Народ хорошо реагирует...

За сценой аплодисменты.

Директор. Народ посмотрел и ушел. А мы остались...

Администратор. Конечно, известный риск есть.

Директор. Зря мы эту пьесу взяли! Я говорил, надо было «Марию Тюдор» возобновить. И спектакль был бы кассовый, и тема историческая.

Администратор *(в сторону)*. И твоей жене опять же роль есть! *(Директору.)* Может, еще и обойдется? Может, как-нибудь бочком и проскочим? Пьеса современная. Автор местный. Нельзя не учитывать.

Из ложи дирекции выходит автор.

Автор *(директору)*. Добрый вечер, Тихон Петрович!

Директор. Добрый вечер, если он добрый! Дождались?

Автор. Чего именно?

Директор. Смотрят вас сегодня.

Автор. Отлично. Спектакль хорошо принимают. А если кому и не нравится, то таких все же меньшинство.

Директор. Смотря по тому, какое это меньшинство!

За сценой продолжительные аплодисменты.

Администратор. Спектакль кончился. Пошли вниз, Тихон Петрович. *(Оба уходят.)*

Автор *(оставшись один, в раздумье)*. Я наблюдал за ним. Смотрел он внимательно. У него умное лицо. Правда, усталый вид. Ах, да! Сегодня кончилась конференция. Очевидно, он прямо с конференции приехал в театр. Может быть, ему кто-нибудь рассказывал о моей пьесе? Хвалили или ругали?.. *(Проводит ладонью по лбу.)* Что это я? Нет, это меня не должно волновать. Ну, скажем, не понравилась ему моя пьеса. Что из этого? На всех ведь не угодишь!

Из ложи выходят Лопоуховы. За ними рецензент. Он подходит к телефону и начинает набирать номер.

Лопоухов *(автору)*. Ну как, именинник? Душа в пятки уходит?

Автор *(сдержанно)*. Нет, не уходит. А почему она должна у меня в пятки уходить? *(Про себя.)* И этот еще мне тоже! Ценитель искусства!..

Лопоухов *(наливает себе стакан воды)*. Экзамен все-таки. *(Жене.)* Тебе боржому налить?

Аглая Ивановна. Налей! *(Берет пирожное. Ест.)*

Автор. Экзамен у меня был на премьере. А сегодня как-никак десятый спектакль.

Лопоухов *(неопределенно)*. Это я понимаю, что десятый...

Аглая Ивановна *(автору)*. Объясните мне, пожалуйста, что вы хотели сказать этой своей пьесой? Вы хотели сказать, что можно разрушать семью?

Автор. Нет. Не это. *(В сторону.)* Она меня сейчас учить начнет!

Аглая Ивановна. А я так поняла. Муж бросает жену с ребенком дошкольного возраста и уходит к другой женщине. Зачем это показывать нашему зрителю? Что это дает? Я, например, свою дочь не пущу на эту постановку.

Лопоухов *(вмешивается в разговор)*. Нет, спектакль в целом заставляет думать и взвешивать. Вопрос морали поставлен остро и в духе времени. Но конец можно было бы смягчить. Не нужно им расходиться. Пусть живут!

Автор *(с нескрываемой иронией)*. Больше никаких замечаний не будет?

Лопоухов *(не поняв иронии)*. Есть еще одна деталь, на которую я хотел бы обратить ваше внимание. Хотя это больше относится к режиссеру.

Автор. Режиссер в Москве. Так я слушаю вас. *(В сторону.)* Что ты сейчас еще ляпнешь, уважаемый гигант мысли?!

Лопоухов. У вас там на сцене действует парторг.

Автор. Действует.

Лопоухов. Что ж, он неплохо играет. Серьезно. Но зачем он с портфелем ходит? Где вы видели, чтобы парторг ходил с портфелем? Что он в портфеле носит? Бумаги? Я тоже был парторгом, но разве я в портфеле бумаги носил? Я их вот где носил: или в боковом, или в наружном. *(Показывает на карманы своего пиджака.)* Вы

исправьте. Лучше будет. Для дела лучше! А то ведь нетипично получается. Нежизненно.

Автор *(сдержанно)*. Значит, портфель?

Лопоухов. Портфель. Вот эта деталь меня покоробила.

Автор *(в сторону)*. Ох, если бы ты знал, как ты меня коробишь. А твоя супруга? Оглянись на нее! Она третье пирожное ест. Куда ей столько? Лопнет!

В кабинет возвращается директор. Рецензент упорно набирает номер телефона.

Директор *(мрачно)*. Поздравляю, товарищ автор!

Автор. Спасибо. С чем?

Директор. Не понравилось! Было сказано, что ничего в спектакле нет. Ничего!..

Аглая Ивановна. Нам тоже не понравилось! Я уже сказала.

Лопоухов. Есть указания? *(В сторону.)* А я, как осел, артистам хлопал. Не удержался.

Директор. Я задаю вопрос: «Как вам понравился спектакль?» — «Ничего», — говорит. Поблагодарил, попрощался и уехал.

Автор. Постойте, постойте! Откуда же вы взяли, что не понравился? Слово «ничего» еще не заменяет слово «плохо»! И потом, вы сами говорите, что он поблагодарил вас! За что бы он вас благодарил, если бы ему не понравился спектакль?

Директор. Сначала «ничего», а потом «спасибо за доставленное удовольствие»? Прикажете понимать как одобрение? Извините, это наоборот. Надо было нам «Марию Тюдор» возобновлять, а не вашу драму ставить. Да еще на такую тему!

Лопоухов *(глубокомысленно)*. Темка, конечно, выбрана неважнецкая. Если вдуматься, то действительно, может ли честный зритель уйти из театра с чувством исполненного долга и сознания, когда он видит, как на его глазах разрушается советская семья? Хотя его воображение и обыгрывают очень ловко актеры. Очень ловко.

Аглая Ивановна. Я вся обревелась, так они обыгрывают. А ведь я в театр не плакать пришла. Неужели нельзя написать такую пьесу, чтобы и польза была и чтобы посмеяться от души? Помнишь, Ваня, мы комедию смотрели. Как ее?..

(Вспоминает.) «Тайна обманов», что ли. Веселая была постановка! Простенько и со вкусом.

Директор *(автору)*. Крепко вы нас подвели с вашей неполноценной в идейном и художественном смысле пьесой. Мы, конечно, с себя вины не снимаем: мы ее приняли и даже поставили. Но ведь если бы вы ее не написали, мы бы ее не смогли поставить. *(В сторону.)* Разве я пьесу принимал? Художественный совет ее принимал. Пусть он и отвечает. *(Автору.)* А спектакль пока попридержим. Будем переделывать.

Автор. Ничего я переделывать не буду!

Директор. Если коллектив решит, то вы будете обязаны прислушаться к мнению большинства.

Автор *(возбужденно)*. Большинство сидело сегодня в зале. Спектакль пользуется успехом у зрителей.

Директор. У каких зрителей?

Автор *(выходя из себя)*. У трудящихся! *(В сторону.)* Ну, как работать?! Как писать?!.

Директор. Нельзя идти на поводу у отсталых зрителей. Зритель — он тоже разный! *(Про себя.)* Кажется, правильно говорю. Хорошо, что при Лопоухове. Он вхож, он передаст!

Рецензент безрезультатно пытается куда-то дозвониться. В дверях появляются зрители.

Зритель. Разрешите войти?

Зрительница. Можно? Мы хотели бы видеть директора театра.

Директор. Я директор.

Зритель. Мы к вам от зрителей. Хотим поблагодарить за новую постановку.

Зрительница. Ваш новый спектакль нам очень понравился. Мы получили большое удовольствие. *(Автору.)* И вам спасибо за пьесу. Мы вас знаем.

Директор *(зрителям)*. Вы откуда? Где работаете?

Зритель. Я — мастер станкостроительного завода. Плотников моя фамилия.

Зрительница. Счастливова Галина Ивановна. Я на ткацкой фабрике. Инженер-технолог.

Автор *(зрителям)*. А вы нас не разыгрываете? Может быть, все это нетипично, что мы вам показали?

Зритель. Почему нетипично? Хорошая вещь!

Зрительница. Очень правдивая.

Директор. Хорошо, товарищи. Мы разберемся. И потом, вы нам лучше все это в письменном виде...

Лопоухов *(неожиданно)*. А то, что муж бросает жену с ребенком, это вас не смущает? Это вас не наводит на размышления?

Зрительница. Наводит. И хорошо, что наводит. Другой посмотрит и задумается над тем, как сам живет. И потом, пьеса ведь не об этом.

Автор *(в сторону)*. Милая! Умница! Правильно говорит! Она поняла меня!

Зрительница. Почему мы не должны показывать на сцене то, с чем мы часто сталкиваемся в нашей жизни? И разве у нас не рушатся семьи? А что касается пьесы, то мне кажется, что дело не в том, что кто-то кого-то разлюбил и кого-то оставил. Здесь все гораздо сложнее. Так же, как и в самой жизни. Одним словом, спектакль нам понравился и глубоко нас взволновал.

Лопоухов *(невнятно)*. И все же конец можно было бы смягчить.

Зритель. Ничего смягчать не надо. Хватит смягчать! Вы послушайте, какие сейчас в гардеробе споры идут! Одни «за», другие «против». Диспут. А когда после спектакля все молча за калошами кидаются, разве это лучше?

Автор *(в сторону)*. Я бы его сейчас обнял и прижал к сердцу.

Зрительница. Извините, если мы вам помешали.

Зритель. До свидания, товарищи!

Зрители уходят. Появляются администратор и гардеробщик.

Администратор *(возбужденно)*. Тихон Петрович! Тихон Петрович! Вы послушайте, что дядя Федя говорит! Дядя Федя, давай!

Гардеробщик. Как вы ушли, я остался в администраторской. Гляжу: начальник обратно идет. «Простите, говорит, я папку забыл». Гляжу, папочка действительно на стуле лежит под афишами. Подал я ему папочку и спрашиваю: «А как, спрашиваю, если по-честному, понравилась вам наша новая постановка или нет? У меня, говорю, внучка в этой постановке домработницу играет». Посмотрел он на меня, помолчал, а потом спрашивает:

«Как ваше имя-отчество?» — «Федор Филиппович», — отвечаю. «Так вот, говорит, Федор Филиппович, внучка ваша, если она только вам внучкой приходится, играет хорошо. А что касается спектакля, то, по-моему, тоже все ясно...» Отрезал таким манером, улыбнулся и пошел. Проводил я его до выхода, а он в дверях остановился и спрашивает: «Как, Федор Филиппович, пенсию скоро получать будем?» — «Да нет, отвечаю, пока подождем». — «В таком случае, говорит, желаю вам, Федор Филиппович, здоровья и успехов в работе». Пожал мне руку и сел в машину. Сел и уехал.

Пауза.

Администратор *(нарушая молчание)*. Вот. Такой стиль!

Лопоухов. Да-а-а... Раньше, при Кузьме Андреевиче, проще было.

Директор. Куда проще! Раньше как было? Приезжают. Смотрят спектакль. Во время антрактов дают указания: что подправить, что совсем убрать, кого заменить. По крайней мере, полная тебе ясность. А сейчас не поймешь, на кого ориентироваться.

Администратор *(с горечью)*. И получается, что надо думать своей головой.

Автор. Надо писать комедию! Сатиру! И в этой сатире всех этих лопоуховых и прочих им подобных «за ушко да на солнышко»! И чтоб до слез! До слез!..

Лопоуховы молча одеваются у вешалки. Директор и администратор пьют боржом.

Гардеробщик *(сочувственно, к автору)*. Все прислушиваются, что начальство скажет. Привыкли...

Рецензент *(говорит по телефону)*. Новый спектакль — удача театра! Что? Как чье мнение? Мое мнение! Да. Лично мое мнение, как рецензента. *(Кладет трубку. Решительно.)* Пора и мне, черт возьми, начать проявлять принципиальность!

Занавес

1956

ОБЩИЙ ЯЗЫК

Комедия в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Захаркина Антонина Григорьевна, пожилая ткачиха
Захаркин Федор Григорьевич, ее старший брат, колхозник.
Варя, ее дочь, тоже ткачиха, комсомолка.
Джон, делегат фестиваля.
Тетя Паша, соседка средних лет

Действие происходит в Москве в дни Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

Скромно, но опрятно обставленная комната в одном из новых домов на окраине столицы. На стене портрет В. И. Ленина. У окна в горшках цветы. В углу на гвозде гитара. Направо — дверь в смежную комнату
Вечер. Захаркина накрывает на стол. Ее брат сидит у окна с гитарой в руках.

Захаркина *(ворчит)*. Моя Варвара с этим фестивалем совсем с ума свихнулась. Вся в значках ходит! С работы придет, сухой кусок в рот — и на улицу... Нынче воскресенье, так ее уже с самого утра нет Ну, она молодая, ей простительно, а тебя на старости-то лет куда леший принес? Или тоже в молодежь записался? Делать тебе нечего!

Захаркин *(добродушно)*. Любопытно стало, вот и приехал.

Захаркина *(продолжая ворчать)*. И все едут и едут... Чего только милиция смотрит!

Захаркин. Жалко тебе, что ли? Пусть едут!

Захаркина. Чисто нашествие какое!

Захаркин *(рассудительно)*. Всякого человека интерес донимает. Всемирная молодежь в Москве собралась! Иной небось тыщи километров отмахал, пока сюда добрался, а что же нашим гражданам в такие-то дни в родную столицу не заглянуть? Если у кого есть такая возможность...

Захаркина *(сердито)*. Вчера на Красную площадь вечером ходила, так не знаю, как и жива осталась! Затолкали совсем!

Захаркин *(ехидно)*. И тебя, значит, туда потянуло? Дома не усидела?

Захаркина *(оправдываясь)*. Все идут, и я пошла.

Захаркин *(укоризненно)*. Стало быть, вам можно, а нам, как мы есть с периферии, стало быть, нельзя? Зачем, говоришь, понаехали? А периферия, она тоже плясать хочет! И для нее фестиваль!

Захаркина. Ну, пойди, пойди попляши! Варвара тебя сведет. Она уже все площадки изучила, где у них танцы происходят Ох, девка! Обедать пора, а ее все нет. Вчера во втором часу ночи заявилась.

Захаркин. Так ведь что ж тут такого? Кому, как не ей, нынче гулять! Комсомол!

Захаркина. Садись к столу. Ждать не будем.

Захаркин кладет газету на подоконник и пододвигает стул к столу. В комнату стремительно входит Варя. На ней яркая цветастая юбка. В волосах гвоздика. Новую вязаную кофту украшает большое количество разнообразных значков По выражению ее лица заметно, что она чем-то возбуждена. Небольшая пауза.

Варя *(стоя у порога)*. Мама! Вы только не ругайтесь!

Захаркина. Что стряслось?

Варя *(смотрит на дядю)*. Я не одна.

Захаркина. А с кем ты?

Варя. С гостем. *(Оборачивается и говорит кому-то, стоящему за ее спиной)*. Алло, Джон! Заходите! Плиз! Пожалуйста!

В комнату входит негр. Он приветливо улыбается. На лацкане его пиджака тоже много разных значков. Гость кланяется. Захаркин встает, с нескрываемым любопытством глядя на вошедшего гостя. Неловкая пауза.

(Нарушая молчание.) Мама! Его зовут Джон. Джон, это моя мама. *(Показывает на мать.)* А это мой дядя, колхозный бригадир! Колхоз! Понимаете? Дядя Федя, не стесняйтесь! Знакомьтесь! Мама, протяните ему руку! Знакомьтесь!

Захаркина поднимается. Неловко протягивает гостю руку. Тот уважительно пожимает ее. Улыбается.

Джон *(на ломаном русском языке)*. Мир и дружба!

Захаркина. Захаркина я... Антонина Григорьевна... Варина мать... Милости просим...

Захаркин *(делая шаг вперед и пожимая руку гостю)*

Захаркин. Федор Григорьевич. Колхоз «Новая заря» Калининской области. Стало быть, вот так... *(Отходит в сторону.)*

Варя *(оживленно)*. Мама! Вы только не сердитесь! И не удивляйтесь, пожалуйста, а то он может обидеться. *(Гостю.)* Это я своей маме о вас рассказываю. Понимаете? Садитесь, Джон! Вот на этот стул! *(Пододвигает гостю стул.)*

Джон *(продолжая улыбаться)*. Сэнкс![1] *(Садится. Осматривается.)*

Захаркин *(протягивая гостю открытую пачку папирос)*. Курите? Папиросы. Русские. Прошу.

Джон *(берет папиросу)*. Рашен сигаретс! Карашо!

Захаркин. Нет, нет! Это папиросы! Сигареты без мундштука, а эти, гляди-ка, с мундштуком! *(Объясняет, показывает.)* «Беломор». Берите, берите! У меня еще есть! Прошу! *(Сует несколько папирос в карман гостю.)*

Джон. О! Сэнк ю вери мач![2]

Варя *(неодобрительно)*. Дядя Федя! Так не надо. Вы ставите его в неловкое положение! Угостили — и хорошо! А класть ему в карман не надо. А то он еще бог знает что подумать может!

Захаркин *(смутившись)*. Я от души. По-простому.

Джон *(улыбаясь)*. Русс папирос — карашо! Мир и дружба — карашо! Бом-ба — не карашо! Бэд![3]

Захаркин. Это правильно! От бомбы много бед! Уж мы-то знаем, что такое война! Повоевали! Мы войны не хотим. Капиталисты хотят войны. Верно я говорю?

Джон серьезно слушает, кивая головой, как бы понимая слова собеседника.

Варя. Дядя Федя! Что вы ему про войну объясняете? Он же вас не понимает!

Захаркин. Я понятно объясняю. Понимает.

Джон *(серьезно)*. Иф олл зе пиплс оф зе уорлд джойн хэндс энд сей-ноу, зер уилл би ноу уэй ту зе уор![4]

---

[1] Спасибо *(англ.)*.

[2] Большое спасибо *(англ.)*.

[3] Плохо *(англ.)*.

[4] Если народы всего мира возьмутся за руки и скажут «нет», войны не будет *(англ.)*

Захаркина. Что он сказал?

Варя *(пожав плечами)*. Я не знаю, что он говорит. Он по-английски сказал. Только вы, мама, не беспокойтесь. Он прогрессивный! Работает грузчиком. Рабочий человек. Делегат из Черной Африки.

Захаркина. Это я вижу, что из Черной... А что нам с ним делать надо?

Варя. Ничего особенного. Я его нарочно сюда привела. Пусть посмотрит, как мы живем. Комнаты у нас хорошие, в новом доме. Пусть своими глазами все увидит. А то у них там в газетах бог знает что про нас пишут. У них ведь еще там колониальная политика! Им про нашу жизнь настоящую правду не рассказывают. Вы нас покормите, мы посидим полчасика и пойдем! У него сегодня выступление на Манежной площади. Он петь будет.

Захаркина *(растерянно)*. Господи!

Варя *(гостю)*. Джон! Сейчас будем обедать! *(Показывает на обеденный стол.)* Обедать! Плиз!

Джон *(поняв)*. Карашо!

Варя. Вы хотите вымыть руки? *(Показывает.)* Руки! Вымыть! Перед обедом!

Джон *(поняв)*. Ту уош май хэндз? Итс гуд ту уош май хэндз бефор ланч! Энд уэр из зе соуп?![1]

Захаркина. Суп? Потом будет и суп. Щи свежие с мясом!

Варя. Мама! Где у нас чистое полотенце?

Захаркина подает чистое полотенце гостю. Тот смотрит на Варю. Ждет.

Захаркина. Мыло в ванной.

Варя. Алло, Джон! Идите за мной.

Уходят.

Захаркина *(растерянно, глядя на брата)*. Негра дождались. А?

Захаркин. А что? Хорошо. Это к счастью.

Захаркина. Нету такой приметы!

Захаркин. Новое время — новые приметы! Сам фести-

---

[1] Вымыть руки? Это хорошо — вымыть руки перед завтраком! Где мыло? *(англ.)*

валь к вам в дом пришел. Понимать надо! Такое не всем выпадает!

Захаркина *(озабоченно)*. Чем же его кормить? Может, он нашего и не ест?

Захаркин. Что ты нынче наготовила?

Захаркина. Селедочку с молодой картошкой. Щи. Биточки. Компоту из вишен наварила.

Захаркин. Русское кушанье. Пусть по-нашему пообедает. Выпить-то ничего нет?

Захаркина. Есть немного беленькой.

Захаркин *(бодро)*. Ставь на стол! Нашу московскую во всем свете уважают!

Захаркина ставит на стол водку. Захаркин откупоривает бутылку. Входят Варя и Джон.

Варя. Просто неудобно даже!

Захаркина. Что такое?

Варя. В коридоре лампочка перегорела. Не могли новую ввернуть! Тетя Паша из своей комнаты выходила, чуть с ног его не сшибла. Его же в темноте не видно!

Захаркина. Приглашай гостя к столу! *(Гостю.)* Садитесь, Джон! *(Пододвигает гостю стул. Тот садится.)*

Джон. Сэнкс!

Варя *(матери)*. Как фестиваль закончится, обязательно на курсы языков поступлю.

Захаркин. Да-а-а... Без языков оно... трудновато с непривычки. *(Гостю.)* Водка! Пьете! Употребляете?

Джон *(неожиданно)*. Сто грамм!

Захаркин *(весело)*. Гляди, гляди! Грамотный! *(Разливает водку по рюмкам.)*

Захаркина *(обращаясь к гостю)*. Простите, мы нынче для себя готовили! Не ожидали, что вы придете... Может, вам наша пища не понравится...

Варя *(матери)*. Мама! Он все равно ничего не понимает, что вы там ему говорите! Положите ему на тарелочку кусочек селедки.

Захаркина *(гостю)*. Вы селедочку уважаете?

Варя *(сдержанно)*. Мама! Я вам сказала, что он вас не понимает. Положите на тарелочку кусок селедки и гарниру.

Захаркина *(кладет на тарелку гостя селедку)*. А может, он ее не ест?

Варя *(гостю)*. Вы это едите? *(Показывает на тарелку.)*

Джон *(улыбаясь)*. Йес! Йес![1]

Захаркин. Ест! Ест! *(Поднимает рюмку)*. Товарищ Джон! Камрад!

Джон *(поднимает рюмку)*. Мир и дружба!

Все встают с рюмками в руках.

Захаркин *(торжественно)*. Я поднимаю тост за весь негритянский народ! Выпьем за равноправие и против рабства! Долой колонизаторов и империалистов! Варвара! Переведи ему, что я сказал!

Варя *(сердито)*. Я же не говорю по-английски! *(Гостю.)* Алло, Джон! Надо выпить! До дна! *(Показывает, опрокидывая пустую рюмку)*.

Гость стоит в раздумье. Затем смотрит на портрет Ленина, висящий на стене. Становится серьезным.

Джон *(стоя, с рюмкой в руках)*. Ай ду нот андерстенд уот ю хэв джаст сэд, бат ай гесс ю сей э тру синг! Ай дринк ту зе совьет пипл![2] Ленин! Москва! Карашо! Мир и дружба!

Все чокаются. Пьют. Садятся.

Захаркина *(гостю)*. Кушайте на здоровье! Чем богаты, тем и рады.

Все молча едят.

Захаркин *(нарушая молчание.)* Приеду в колхоз — буду рассказывать, как у тебя с негром за одним столом обедал. Ведь не поверят! Хоть справку бери!

Варя. А он у себя дома тоже будет про нас рассказывать. Хорошо, что он к нам пришел! Мир между народами! Верно?

Захаркин. Ясное дело, это ты его правильно пригласила. Он, видать, парень хороший.

Захаркина *(протягивает руку за тарелкой гостя)*. Джон! Дайте вашу тарелочку, я вам еще подложу!

---

[1] Да! Да! *(англ.)*

[2] Я не понял, что вы только что сказали, но догадываюсь, что это правда! Я пью за советский народ! *(англ.)*

Джон *(протягивая тарелку)*. Плиз![1]

Захаркина. Знала бы, что такой гость у нас будет, я бы черной икорки прикупила! *(Угощает гостя.)* Кушайте! Картошечка молоденькая! Плиз!

Варя выходит из-за стола и скрывается в смежной комнате. Возвращается оттуда с ярким шелковым платком в руках. Повязывает гостю платок на шею.

Варя. Сувенир. Это вам от нас с мамой! На добрую память. Такие платки на нашей фабрике вырабатывают. Наша работа! *(Показывает на себя, на мать и на платок)*. Наша! Понимаете? Мы эти платки к фестивалю готовили! Сувенир!

Джон *(улыбаясь)*. Сувенир? Карашо! Ай'л тэйк зис сувенир хоум уиз ми! Энд олл уилл энви ми энд зе полис олсо![2] *(Смеется.)*

Захаркин. Что он там про полицию сказал? Я не разобрал!

Варя. Наверное, он боится, что ихняя полиция у него этот платок отнимет. Здесь же на платке наш Кремль изображен.

Захаркин *(гостю)*. Надо платок спрятать! В карман! От полиции! Спрятать! *(Показывает)*.

Джон *(качает головой)*. Ай'л уэр ит олуэйз![3] *(Прижимает ладонью концы платка к своей груди)*.

Варя. Только он, наверное, не боится полиции. Он грузчик!

Джон *(показывает на гитару, висящую на стене)*. Мюзик?

Варя. Гитара! Ты играешь на гитаре?

Джон протягивает руку в сторону гитары. Варя встает и, сняв гитару с гвоздя, подает ее гостю. Джон осторожно берет ее в руки, дотрагивается до ее струн и начинает петь. Он поет грустную народную негритянскую песню. Поет ее вдохновенно, закрыв глаза, и его низкий, грудной голос волнует и трогает неискушенных и доброжелательных слушателей. В комнату заглядывает любопытная соседка тетя Паша. Захаркина знаком приглашает ее войти и не мешать. Соседка входит и присаживается на стоящий возле двери стул.

---

[1] Пожалуйста! *(англ.)*

[2] Я увезу этот сувенир домой! И все будут мне завидовать, даже полиция! *(англ.)*

[3] Я всегда буду носить его с собой! *(англ.)*

В московской рабочей квартире звучит песня с плантаций Черной Африки. Негр кончил петь и открыл глаза. Он тихо перебирает струны гитары. Все взволнованно молчат. Захаркин, отвернувшись к окну, курит, Варя смахивает со щеки слезу. Старая московская ткачиха Антонина Григорьевна Захаркина молча поднимается со своего места, медленно подходит к гостю и, обняв его за шею, по-матерински целует в лоб, прижав к своей груди черную курчавую голову делегата из Черной Африки...

Медленно идет занавес

1957

В ОДНОМ САПОГЕ

Комедия в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Тютирютин, муж, 55 лет.
Тютирютина, жена, 50 лет.

Комната в квартире Тютирютиных. Ее обстановка определяет вкус, быт и нравы супругов.

Тютирютина *(говорит по телефону)*. На рыбалке он! На рыбалке! Как вчера в обед уехали, так до сей поры еще нет. Разве его дома удержишь, если у них по субботам рыба одна на уме. Да кто со мной говорит-то? Что-то я не признаю! Аль-лло! Аль-лло! *(Вешает трубку.)* Кто же это мог быть? Говорит, что Евсея Петровича вчера при всем народе дураком обозвали... Это ж надо! Дураком! Не нужно было ему вчера на рыбалку ехать. Пошел бы на актив, может, и постеснялись бы в присутствии. Может быть, еще и в президиум выбрали... А теперь что делать? И кто же это мне звонил? Не признала по голосу... *(Задумывается.)*

За стеной шум. В комнату вваливается Тютирютин. По внешнему виду в нем можно безошибочно узнать рыболова-любителя.

Тютирютин *(в изнеможении)*. Пустой! Как есть пустой! Вот такая щучища сорвалась. *(Показывает.)* Ушла! Чуть лодку не перевернула. Нахлебался бы я воды... *(Начинает раздеваться.)*

Тютирютина *(сердито)*. Надо было тебе на рыбалку ехать!

Тютирютин *(настораживаясь)*. А что такое?

Тютирютина. Лучше бы на актив пошел.

Тютирютин. Без меня не обошлись разве? *(Стягивает с ноги резиновый сапог.)*

Тютирютина. Не обошлись. Дураком тебя при всем народе обозвали! Дождался!

Тютирютин *(держа сапог в руке)*. Как так?

Тютирютина. А вот так. Очень просто.

Тютирютин. Кто? Кто обозвал-то?

Тютирютина. А я почем знаю. Мне по телефону позвонили. Поздравили.

Тютирютин. Да кто обозвал-то, что ж ты не спросила? В докладе или в прениях?

Тютирютина. Не знаю я. Не знаю. Сам выясняй теперь.

Тютирютин. Кто звонил?

Тютирютина. Я по голосу не распознала.

Тютирютин. Что ж не спросила, с кем говоришь?

Тютирютина. Растерялась я. Не каждый день мужа дураком обзывают.

Тютирютин *(кидая снятый сапог в угол комнаты)*. «Растерялась»... «растерялась»... Если в прениях, то это еще куда ни шло, а вот если в основном докладе? *(Набирает номер телефона.)* Кто это? Это ты, Лапкин? Это я, Тютирютин. Слушай, Лапкин. Ты вчера на активе был? Не был. Говорят, меня в докладе дураком обозвали. Ничего такого не слышал? Жаль. Я думал, ты подтвердишь. Ну ладно... Да нет! Я на рыбалке был. Пустой! Ну, бывай здоров! Привет семье. Звони, если что узнаешь! *(Вешает трубку.)*

Тютирютина. Не ровен час, жених от нашей Лидухи откажется, как узнает, что ты дурака схватил!

Тютирютин. Не об этом сейчас разговор. Жених не откажется. Мы за невестой приданое даем. Жилплощадью обеспечиваем. Прописку организуем. А вот в газете опубликовать могут!

Тютирютина. А ты позвонил бы в редакцию. Попросил бы вычеркнуть. Тебя весь город за умного знает.

Тютирютин. Семиложкину позвонить надо. Вот кому!

Звонок телефона.

Слушаю. Это ты, Семиложкин? А я тебе звонить хотел. Что? Вот именно, дураком. А ты откуда узнал? Лапкин тебе звонил? А ты сам-то на активе был? Ну? Во время доклада выходил из зала? Лично не слышал? А как бы поточнее узнать? Слушай, Семиложкин! Позвони Куркину на квар-

тиру. У него жена стенографистками заведует. Может, она что знает. А потом перезвони мне побыстрому. Какая нынче рыбалка: пустой приехал. Привет семье. Жду. *(Вешает трубку.)*

Тютирютина. Может, тебе завтра с утра пораньше в поликлинику сходить?

Тютирютин. Зачем?

Тютирютина. За справкой. Пусть они тебе временно справку дадут. Дурака ведь сразу видно. Тут и анализов никаких делать не надо. У нас на деревне один дурак был. Все его так и звали: «Гриша-дурачок»! Он язык показывал. Всем. Попа встретит, и попу — язык. А то вдруг бодаться начинает. А уж к тебе это звание никак не подходит. У тебя и внешность-то умная. И лишнего слова ты никому не скажешь.

Тютирютин *(в растерянности)*. Выяснить бы только, от кого исходит... А то ведь и справкой не отделаешься.

Звонок телефона.

Слушаю. Кто? Вечер добрый, Кондратий Савельевич! Слушаю внимательно! Да. Только приехал. Пустой! Что? Кто звонил? Семиложкин? Да, по моей просьбе. Ась? Понятия не имею. Хочу, понимаешь, выяснить и уточнить. А то как же так! Мне завтра инструктивное совещание проводить, а как себя вести в данном положении? Меня за умного считали, а я дураком явлюсь. Может, ты Галкину звякнешь? Он-то уж должен знать, ему по должности положено. Будь другом! Перезвони, если что узнаешь... Привет семье. *(Вешает трубку.)*

Тютирютина. Удивительно, как это у человека вообще язык повернулся тебя дураком окрестить? За что? Образование у тебя, кажется, есть. Стаж есть. Заслуги есть. Должность заметная: все городские пенсионеры под тобой ходят. Разве на таких должностях в наше время дураков держат? Где же это видано?

Тютирютин *(в раздумье, все еще не снимая второго сапога)*. Есть у меня огрехи. Есть. Сам знаю. Но в общем и в целом умный я человек или нет? Объективно. Если со стороны... Ну, взять хотя бы

мое нововведение: цветные резолюции! Ну, скажи, разве дурак до этого додумается? Каким карандашом распишусь – такой ход документу! Красным цветом распишусь – получай отказ! Желтым – воздержаться! Зеленым – согласен: даю зеленую улицу! И никаких тебе лишних слов!

Тютирютина. Это разве ты придумал?

Тютирютин. А то кто же?

Тютирютина. Господи! Другие уже перенимать начали. Я вчера в пошивочное ателье шубу перелицовывать носила, так заведующий на моем заявлении зеленым карандашом пометку сделал. Без очереди у меня заказ приняли.

Тютирютин. Значит, с меня пример берут. Разве ж это глупо?

Звонок телефона.

Слушаю... Тютирютин слушает. Кто это? Тарас Иванович, слушаю тебя внимательно. И до тебя дошло? А ты откуда узнал? Жена Куркина звонила? Смотри, пожалуйста, весь город уже знает! А какие меры можно предпринять? Вот и я думаю, как бы узнать поточнее, чтобы уже ориентироваться. Попробуешь? Очень попрошу. Да тут уж нечего деликатничать! Раз на городском активе меня обозвали, значит, весь город уже в курсе. В том-то и дело. Тут уж скрывать не приходится. Надо меры принимать. Что? Нет, я на рыбалке был. Пустой приехал. Килограммов на пять щука сорвалась, чуть лодку не перевернула... Ну, звони! Привет семье. *(Вешает трубку.)*

Тютирютина. Все равно моя правда: без справки тебе не обойтись. А и почему бы ее не выписать? По психическим болезням там очень даже хорошие специалисты принимают.

Тютирютин. Что ж мне, твою справку так всем и показывать? Или в копиях разослать по всем инстанциям? Нет! Тут без письма в редакцию не обойдешься, вот что я тебе скажу! Надо коллективное письмо организовать. От группы товарищей. Опровержение. Так, мол, и так, знаем товарища Тютирютина, Евсея Петровича, по совместной работе, ну и так далее, и тому подобное...

Звонок телефона.

Слушаю. Семиложкин, ты? Слушаю тебя внимательно... *(Слушает.)* Так, так... Ясно. Значит, ничего подобного? Никто не обзывал? Ни в докладе, ни в прениях? Так, так. Понятно. Стенограмма перед тобой? Давай текстуально! Слушаю. *(Слушает и повторяет про себя.)* «Когда же наконец товарищ Тютирютин, наш известный рыбак...» понятно... «наведет порядок в городском собесе, где у него посетители месяцами маринуются, как сельди в бочке». Ясно, Семиложкин! Теперь все ясно. «Известный рыбак»! Это совсем другое дело! Это соответствует действительности! Ну и народ! А какая же это стенографистка? Я там всех знаю. Заморенкова? Знаю и такую. На приеме она у меня на этих днях была – матери пенсию хлопочет. Два часа я с ней беседу проводил. Я ей про справки, она мне про закон. Так и разошлись без взаимного понимания. Это, значит, Заморенкова мне «дурака» пристенографировала? Он меня «рыбаком», а она меня «дураком»! На основании личного впечатления? Ай-ай-ай, какая невнимательная! Спасибо тебе, Семиложкин, за информацию и за оперативность! С меня причитается! Привет семье! *(Вешает трубку, обращается к жене.)* Слышала? «Рыбак», а не «дурак»! *(Стягивает с ноги второй сапог и бросает его в угол комнаты.)* То-то!

Занавес

1961

ДОБРЫЕ ЗНАКОМЫЕ

Комедия в одном действии

Действие происходит на курорте. На открытой веранде ресторана сидят добрые знакомые. Они молча, с большим интересом смотрят в одном направлении, видимо, за кем-то наблюдая. После большой паузы все оживляются.

Рыжий парик. Она ему в дочери годится!

Бакенбарды. Мне он ее вчера на пляже представил как свою невестку. Ничего не скажешь — мила!

Мини-дама. Ничего особенного, типичная горничная. У нас на этаже и то лучше.

Бакенбарды. Надо уметь из горничных делать королев. Помните, у Вертинского: «Мне не нужно женщины, мне нужна лишь тема...» *(Напевает.)*

Роговые очки. В его положении я бы не рискнул появиться на курорте даже с родной дочерью. Иди потом доказывай!

Рыжий парик. Если это не распущенность, то непростительное легкомыслие.

Макси-дама. Я недавно по объявлению наняла домашнюю работницу. На пятый день она начала меня обсчитывать, на седьмой — украла у меня польскую мохнатую простыню, итальянскую комбинацию, коробку французской пудры и — сбежала. И эта, которая сейчас с ним, вот увидите, обчистит его и сбежит. Помяните мое слово!

Рыжий парик. Интересно, неужели они живут в одном номере?

Мини-дама. По-моему, в разных, но на одном этаже. Я еще не выяснила.

Рыжий парик *(поднимается)*. Какая безнравственность! Ужас! Пошли, дорогой! У меня через двадцать минут подводный массаж.

Бакенбарды. Мы не прощаемся.. Итак, до вечера!

Мило всем улыбнувшись, уходят.

Макси-дама *(помолчав)*. Вот ушли, а расплатиться

забыли. Это их вечная манера: подсаживаются, заказывают, пьют, едят и уходят, не заплатив. *(Подзывает официанта.)* Скажите, пожалуйста, эти, которые тут с нами сидели, расплатились?

Первый официант. Так точно. Расплатились. Одна минеральная. *(Отходит.)*

Макси-дама. Счастливое исключение. А пили бы мы шампанское, ушли бы как миленькие. Это уж точно!

Мини-дама. Вы обратили внимание на ее парик? Он идет ей, как корове седло. А еще работает художницей в Доме мод! Комедия!

Макси-дама. Представляю себе ее работу.

Мини-дама. Я имела удовольствие. Если бы вы только видели эту полную безвкусицу!

Роговые очки *(Мини-даме)*. Вы в кинг играете? Составите нам компанию? Сегодня после ужина, у меня в сто первом.

Мини-дама. А кто еще будет? Я их знаю?

Роговые очки. Да вот эти, что с нами сидели.

Мини-дама. С удовольствием. Позвоните мне, я в сорок первом.

Роговые очки *(Макси-даме)*. Вас я не приглашаю. Знаю, что вы на картах только гадаете.

Макси-дама. Кто вам сказал? Рыжий парик?

Роговые очки. Нет, Бакенбарды.

Макси-дама *(с возмущением)*. Черт знает что за языки! Какие только сплетни не распускают! И откуда он может знать, играю я в кинг или не играю! Просто не хочет, чтобы я общалась с его женой, потому что знаю все его шашни — могу проговориться!

Мини-дама. А разве он такой? Я слышала, будто он дамами вовсе не интересуется и вообще...

Макси-дама. Ерунда! Чего только о человеке не наговорят! Весьма интересуется! Вы думаете, почему она его всюду за собой таскает? Даже на процедуры...

Мини-дама. Это почему же?

Макси-дама. Да она не успеет отвернуться, как он уже возле чужой юбки! В прошлом году у него были огромные неприятности на работе.

Мини-дама. Что вы говорите! А я ничего не знала!

Макси-дама. Из-за него в институте отправилась

на тот свет одна студентка. *(Роговым очкам.)* Вы об этом знаете?

Роговые очки. Знаю. Только не в институте, а в министерстве, и не студентка, а секретарша, и не из-за него, а из-за главного бухгалтера, и не на тот свет, а в декретный отпуск.

Макси-дама. Но неприятности у него все-таки были... Это я знаю из верных источников.

Роговые очки. Неприятности были. Что верно, то верно.

Мини-дама. Тогда по какой же линии?

Роговые очки. По научной. Переписал чужую диссертацию и не очень деликатно выдал ее за свою.

Макси-дама. Тем более! *(Поднимается.)* Ну что ж... В кинг играть вы меня не приглашаете... Пойду найду себе партнера для прогулки по тропе.

Мини-дама. По ближней или по дальней?

Макси-дама. Я признаю только дальнюю. Надо, милочка, худеть! Смотрите, как вы поправились с прошлого года! Берите пример с меня — бегайте по горам! Разве не заметно, как я похудела?

Мини-дама. Очень даже заметно: платье уже висит!

Макси-дама. Разве? *(Поправляет платье.)* Я не прощаюсь. За ужином увидимся. *(Мило улыбаясь, уходит.)*

Мини-дама *(помолчав)*. Каждый день с другим. Сегодня одного на тропу заманивает, завтра другого. И все только по одному разу с ней ходят.

Роговые очки. Чем объясняете?

Мини-дама. А тем, что на первом километре спутник понимает, что пошел с дурой, а на втором — что из него делают дурака... Одним словом, ищет себе верного друга и покровителя на весь остаток жизни. А мужчинам это не подходит. Они сюда не за этим едут.

Роговые очки. А за чем же?

Мини-дама. За тем, за чем вы приехали. Вы думаете, я ничего про вас не знаю? Я все вижу. Все жене расскажу! Со всеми подробностями!

Роговые очки *(подозвав официанта)*. Получите с меня, пожалуйста! Два кофе, два пломбира, два коньяка.

Первый официант *(подает счет)*. Три кофе. Три пломбира. Три коньяка.

Роговые очки. Это почему же три?

Первый официант *(осторожно)*. Дама, которая ушла... Не расплатилась...

Роговые очки. Получите! В следующий раз следите за клиентами, чтобы так не уходили...

Расплачивается. Прячет счет в карман. Нервно закуривает. Целует даме руку и, забыв на столе зажигалку, быстро уходит.

Первый официант. Артист?

Мини-дама *(многозначительно)*. Артист. Только в другом смысле...

Закуривает от чужой зажигалки. Кладет ее в сумочку. Уходит. Возвращается Роговые очки.

Роговые очки *(нервно официанту)*. Я оставил на столе зажигалку! Вы не видели? Тут лежала. *(Показывает.)*

Первый официант. Видел. Ваша дама положила ее в свою сумочку.

Роговые очки. Ах, черт!.. Теперь ищи-свищи...

Первый официант. Артистка?

Роговые очки *(зло)*. Заслуженная! Только по другой части!.. *(Уходит.)*

Появляется Второй официант.

Второй официант. Ушла интеллигенция?

Первый официант. Какая интеллигенция?

Второй официант. Да вот, что тут сидели.

Первый официант. Какая же это интеллигенция?

Второй официант. А кто же?..

1971

АНОНИМКА

Комедия в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Петушинский
Телкин
Коняхин
Коровина
Утятникова
Козлов
Бычков
} медики.

Мотылькова, пациентка.

Действие происходит в одном из возможных медицинских учреждений.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Кабинет главного врача клиники. Петушинский поднимается из-за стола навстречу вошедшей в комнату Коровиной.

Коровина. Вы просили меня зайти, Владлен Сергеевич?

Петушинский. Да. Садитесь, пожалуйста! Есть небольшой разговор.

Коровина *(садится)*. Я вас слушаю, Владлен Сергеевич!

Петушинский *(не сразу)*. Вы, Антонина Федоровна, вероятно, хорошо знаете свои кадры? Я имею в виду коммунистов.

Коровина. Безусловно. Во всяком случае, думаю, что достаточно хорошо.

Петушинский. Я человек у вас новый и потому не успел еще должным образом познакомиться со всем персоналом ни по работе, ни в личном плане. Как бы вы могли характеризовать доктора Телкина? Что он представляет собой как врач и как человек? Сколько лет он работает в клинике?

Коровина *(собираясь с мыслями)*. Василий Васильевич Телкин работает здесь уже около двадцати лет.

Петушинский. Вы знаете его на протяжении всего этого времени?

Коровина. Нет. Всего лет десять — одиннадцать... Когда я пришла, он уже тут работал.

Петушинский. Откуда он пришел?

Коровина. Из военного госпиталя. Сам воевал. Имеет боевые награды. Был ранен. Если вас интересует мое мнение о нем как о враче...

Петушинский. Да, да! Пожалуйста! Что вы о нем думаете как о специалисте?

Коровина. Ну что ж... Врач он с опытом... думающий врач... Недавно защитил докторскую диссертацию. Правда, ВАК ее еще не утвердила.

Петушинский. Так, так...

Коровина. У сослуживцев пользуется неизменным уважением и авторитетом. Политически грамотен — один из наших активнейших лекторов по международным вопросам. К лекциям готовится ответственно...

Петушинский. Так, так... Я вас слушаю.

Коровина. Морально устойчив. Женат. Жена заведует где-то канцелярией. Если нужно, я могу уточнить.

Петушинский. Нет, пока этого не нужно. Продолжайте, пожалуйста!

Коровина. Сын у него заслуженный мастер спорта, тоже женат. Жена — студентка Института физической культуры. *(Задумавшись.)* Ну, что еще?

Петушинский. Ясно. Ну, а какие у него, по вашему мнению, есть слабости? Недостатки? Он же, наверное, не ангел? Мы все, так сказать, живые люди со своими слабостями и недостатками.

Коровина *(настороженно)*. Недостатки? Ну, что я могу сказать? *(Подумав.)* Характер у него не простой.

Петушинский. Как это понять?

Коровина. Видите ли, его жесткая, я бы сказала, принципиальность граничит порой с резкостью. Это не всем нравится, не все это принимают. Что касается коллектива, то к нему привыкли, но с пациентами он не всегда находит общий язык. Хотя, не скрою, многие стремятся попасть именно к нему.

Петушинский *(не сразу)*. Любопытно. Очень любопытно.

Коровина *(настороженно)*. Это все, что вы хотели от меня узнать, Владлен Сергеевич?

Петушинский. Пожалуй, пока все. А теперь вот прошу вас ознакомиться с этим...

Петушинский берет со стола какую-то бумагу и протягивает ее Коровиной. Та начинает вчитываться в текст. Выражение ее лица меняется. Она возвращает бумагу Петушинскому.

Коровина *(растерянно)*. Я прочитала.

Петушинский. Как видите, полная противоположность тому, что вы мне тут только что рассказывали. Как все это понять?

Коровина *(дрогнувшим голосом)*. Это что же... без подписи... анонимка?

Петушинский. Одна из разновидностей анонимок. Они чаще всего бывают четырех видов: «без подписи», «подпись неразборчива», «группа товарищей» или «доброжелатель», «очевидец», ну, что-то в этом роде.

Коровина *(упавшим голосом)*. Тут входящий и исходящий номера... Откуда же она поступила?

Петушинский. Адресована она была в ВАК, из ВАКа направлена в министерство, а оттуда к нам, с указанием ознакомиться и ответить по существу.

Коровина *(как бы про себя)*. Мы на днях как раз... *(Не договаривает, обращается к Петушинскому.)* Нам придется реагировать?

Петушинский. Видно.

Коровина *(растерянно)*. Кто же это мог написать?

Петушинский *(не сразу)*. Если бы нам знать... Видите ли, Антонина Федоровна, я был когда-то на партийной работе... У меня есть на этот счет некоторый опыт. Авторы подобных писем и заявлений (я не беру в расчет лиц психически ущербных, душевнобольных, не отвечающих за свои поступки) делятся, на мой взгляд, на две основные категории. Склочники и клеветники — люди злобные и завистливые, беспринципные и мстительные, стремящиеся любым путем ради корыстных целей и сведения личных счетов ославить честного человека, испортить ему биографию, подорвать репутацию, заставить оправдываться за несовершенные им проступки и даже преступления; эта категория лиц — отвратительна. С ними надо бороться! Но

не будем закрывать глаза, есть ведь и такие люди, которые болеют за общее дело, взывают к правде и справедливости, однако в силу ли слабохарактерности или откровенно боясь расправы за критику со стороны тех, против кого она направлена, хотят остаться в тени и потому скрывают свои должности, имена и фамилию. Но их письма и заявления тем не менее несут в себе зерно истины, и потому к ним нужен особый подход. Такова жизнь! Одним словом, надо уметь отличать клевету и наветы от критики, пусть, к сожалению, анонимной... Мы, коммунисты, конечно, на стороне тех бойцов, которые смело и откровенно, не взирая, так сказать, на лица, выступают против негативных сторон нашей жизни и подписываются под тем, что они пишут, о чем заявляют. Этого от нас требует наша партия!

Коровина *(после паузы)*. Я вас понимаю, Владлен Сергеевич!

Петушинский *(протягивает Коровиной анонимку)*. Ну, а в данном, конкретном случае, Антонина Федоровна, я не хочу предугадывать, какую оценку вы дадите этому поступившему к нам «сигналу». Соберитесь, обсудите и сделайте соответствующие выводы. Подсказывать я вам ничего не могу да и не буду... Дело малоприятное, я вас понимаю...

Коровина *(пряча анонимку в папку)*. Очень, очень все это неприятно, Владлен Сергеевич!.. Кто мог подумать...

Петушинский *(протягивая руку)*. Главное — спокойнее! Желаю успеха!

Коровина выходит. Петушинский в раздумье смотрит ей вслед.

Затемнение

СЦЕНА ВТОРАЯ

Кабинет врача Телкина. Он заканчивает разговор по телефону. Сидящая напротив него миловидная девушка терпеливо ждет.

Телкин *(по телефону)*. Я вас хорошо понимаю, товарищ, но я не могу взять на себя решение этого вопроса. Это, к сожалению, не входит в мою компетенцию. Советую вам обратиться к

нашему главному врачу. Да, да! Вот именно к нему, к товарищу Петушинскому. Да. Кобылкин у нас больше не работает, вышел на пенсию. Что вы говорите, я вас не понял? Был отзывчивым человеком? Согласен. Иван Иванович был отзывчивым человеком, а теперь на его месте Петушинский Владлен Сергеевич, тоже очень отзывчивый человек. Обратитесь с вашей просьбой к нему. А на меня, пожалуйста, не обижайтесь! Всего вам доброго. До свиданья! (*Кладет трубку. Вопросительно смотрит на посетительницу.*) Извините, я заставил вас ждать. Чем могу быть полезен?

Мотылькова. Мы с вами не успели познакомиться Я – Мотылькова. Вам по поводу меня должны были звонить из министерства... товарищ Журавель.

Телкин. Мне звонили. Звонил как раз товарищ Журавель. Он просил меня принять вас и по возможности пойти навстречу. Слушаю вас.

Мотылькова (*улыбаясь*). Может быть, вам это покажется смешным или странным, но я пришла по поводу носа.

Телкин. Какого носа?

Мотылькова. По поводу моего носа. Вот этого! (*Показывает.*) Я хотела бы его заменить.

Телкин. Вот просто так взять и заменить?

Мотылькова. Переделать. Почему вы так удивляетесь? Разве вы не переделываете носы?

Телкин. При необходимости... Чем же вам не нравится ваш нос? (*Приглядывается к носу.*) Нос как нос!

Мотылькова. Он не такой формы...

Телкин. Не понимаю. Обыкновенный нос, без дефектов.

Мотылькова. Я хотела бы иметь другой.

Телкин. Какой же? Греческий? Римский?

Мотылькова. Не знаю. У вас, наверное, есть образцы? Я бы выбрала...

Телкин. И за этим вы пришли ко мне?

Мотылькова. К вам. Вам я могу довериться. Я видела, какой нос вы сделали моей знакомой, Пушкиной Татьяне. Помните такую девушку?

Телкин. Помню. Но эта однофамилица великого поэта попала к нам после тяжелой аварии. Она налетела на своем мопеде на стоящий МАЗ и

расквасила себе всю физиономию. Я вынужден был пойти на восстановление ее деформированного носа.

Мотылькова. Вы сделали ей новый очень красивый носик. Прежний был гораздо хуже, он совсем не смотрелся. А этот смотрится. Я ее хорошо знала, мы вместе посещали английские курсы. Она же была абсолютно курносая, а теперь у нее просто чудесный прямой носик. Ей все завидуют. Как вам это удалось?

Телкин *(улыбнувшись)*. Да уж, постарались. Мы всегда стараемся, когда к нам попадают такие молоденькие девушки, как ваша подруга.

Мотылькова *(капризно)*. Ну вот я тоже хочу, чтобы вы для меня постарались и сделали мне другой нос. И это очень, очень к спеху... я выхожу замуж!

Телкин. Поздравляю вас.

Мотылькова. Большое спасибо. Вот потому-то я и решилась на эту операцию. Немножко потерплю, но зато мой будущий муж получит то, что он хочет. Ему, видите ли, не нравится форма моего настоящего носа. Он считает, что мой нос меня слишком простит: во-первых, выпирает, а во-вторых, ему не нравится эта горбинка. *(Показывает.)* Может быть, его можно немножко укоротить и убрать горбинку? Как вы думаете? Вы ведь в этом больше понимаете. У вас золотые руки. Вы настоящий художник!

Телкин *(строго)*. Не надо мне делать такие комплименты. *(Помолчав.)* Ну, а если вы оставите свой нос таким, какой он есть, ваш жених от вас откажется? Не женится? Возьмет обратно предложение?

Мотылькова *(простодушно)*. Не знаю... Может быть, и женится, но когда он будет на меня каждый день смотреть и видеть перед собой мой нос, то у него, как у очень впечатлительного человека, могут возникать отрицательные эмоции, и это, как он говорит, может со временем отразиться на наших семейных отношениях и в конце концов может расстроить наш брак... Вы его понимаете?

Телкин *(серьезно)*. Я вас не понимаю.

Мотылькова. Ну, так как же мы с вами догово-

римся? Когда мне к вам приходить? Вы ведь мне не откажете?

Телкин. Откажу. Обязательно откажу

Мотылькова *(с удивлением)*. Почему? Вам же звонил товарищ Журавель!

Телкин. Звонил. Он не просил меня переделывать вам нос. Он просил вас принять и выслушать. Я вас принял, выслушал и отказываю в вашей просьбе.

Мотылькова. Но почему же отказываете?

Телкин. Дело в том, что я не считаю для себя возможным подвергать вас такой операции, милая девушка! У вас нормальный женский нос. Такой, какой вам дала матушка-природа. И она вас не обидела. Ваш нос не уродует и, если хотите знать, по моему мнению, даже придает известное обаяние выражению вашего лица, особенно когда вы улыбаетесь! Поймите меня! Миллионы молодых женщин являются обладательницами подобных носов и не думают менять их на другие. В них влюбляются, они выходят замуж, рожают прелестных детей, и их носы не мешают им в их семейной жизни. Простите меня, но с вашей стороны и особенно со стороны вашего жениха это — блажь! Ничем не оправданная блажь! Что же касается до вопроса бракосочетания с молодым человеком, который берет на себя смелость предъявлять претензии к форме вашего носа, то я бы на вашем месте еще раз взвесил все «за» и «против» замужества с таким, извините меня, привередливым эстетом!

Мотылькова *(обиженно)*. Ну, это уж мое дело.

Телкин. Естественно. Я просто из большого к вам расположения позволил себе высказать личное мнение, сперва — как врача, а потом как человека.

Мотылькова *(настаивая на своем)* Доктор! Ну, не все ли вам равно! Это же мой личный нос! Я сумею вас отблагодарить!.. Да, да! Сумею! У меня есть на это возможности! Вы увидите!

Телкин *(строго)*. А об этом, милая предприимчивая девушка, вообще в моем кабинете не может быть и речи!

Мотылькова. А где же тогда? Скажите?

Телкин. На эту тему я вообще никогда ни с кем не разговариваю. Денег и ценных подношений я

не принимаю! У нас здесь клиническое отделение пластической косметологии, а не ателье кройки и шитья носов и ушей, не артель по перешивке органов слуха и обоняния! Мы восстанавливаем детали человеческого лица не по прихоти клиентов, а в силу особой необходимости.

Мотылькова *(упрямо)*. У меня особая необходимость.

Телкин. Я все сказал. *(Поднимается из-за стола.)*

Мотылькова *(поднимается)*. Значит, это окончательно?

Телкин. Окончательно.

Мотылькова. Очень, очень жаль. Я так на вас надеялась. *(Робко.)* А если меня все-таки положат к вам... Я имею в виду не лично к вам, а вообще в вашу клинику... Вы не будете этому мешать?

Телкин. Я отвечаю только за себя. Кроме меня есть: и доктор Утятникова — заведующая отделением, и главный врач, и другие мои коллеги. Что касается меня, то я оперировать вас не буду.

Мотылькова. А если вас очень попросят?

Телкин *(улыбнувшись)*. Я откажусь. На это я имею право.

Мотылькова *(сухо)*. Очень жаль. Я хотела попасть только к вам. Тогда прощайте! *(Выходит.)*

Телкин перебирает какие-то бумаги. Входит Коняхин.

Коняхин. Василий! Что это за краля от тебя выкатилась? Чем ты ее обидел?

Телкин. Отказался ей здоровый нос перекраивать.

Коняхин. А зачем ей другой нос понадобился? В актрисы собралась?

Телкин. Замуж выходит, так ее женишку ее нынешний нос не по вкусу пришелся.

Коняхин. Больно разборчивые женихи нынче пошли! *(Садится.)* Дай закурить. *(Закуривает.)* Ты ничего пока не слышал?

Телкин. Нет. А что? Очередная жалоба или благодарность от больного, который себя в зеркале не узнал?

Коняхин *(вздохнув)*. Если бы...

Телкин. Ну так что же? Какая еще новость?

Коняхин. Анонимка, говорят, поступила.

Телкин. Анонимка? На кого?

Коняхин. На тебя.

Телкин. Откуда поступила?

Коняхин. Из министерства.

Телкин. Из министерства? С чего бы это? Ты от кого узнал?

Коняхин. Мне Валюшка, что у главного в приемной сидит, по секрету доложила. Пришла, говорит, на нашего доктора Телкина печатная анонимка. Всякое разное там понаписано и дано указание разобраться.

Телкин. Первый раз в жизни на меня анонимка приходит.

Коняхин. Коровина уже побежала куда-то советоваться. Главный ее вызывал.

Телкин *(в раздумье)*. Что же могли там понаписать?

Коняхин. Странный ты, Василий! Что могли понаписать? Да что угодно! Мало ли по земле психов и завистников бродит? Да вот, к примеру, эта краля, которая на тебя явно обиделась. Возьмет и напишет: «Доктор Телкин грубиян и морально неустойчивая личность. Хватал молодую пациентку за голые коленки». Настрочит, не подпишется и пошлет куда следует, в то же министерство.

Телкин. Сдались мне ее голые коленки! Я их и не заметил.

Коняхин. Бумага все терпит... И надо же, чтобы эта анонимка пришла как раз, когда твой вопрос в ВАКе решается. Не иначе ты кому-то дорогу со своей темой перебежал. Кто-то с тобой решил личные счеты свести. Кто?

Телкин. Понятия не имею.

Коняхин. Если кто из наших, то я тоже не представляю себе, кто именно? Есть у нас, конечно, мелкие завистники вроде Бычкова или той же самой Утятниковой Ларисы... но... не думаю...

Телкин. А что Лариса? Баба она вздорная, завистливая, но я же не виноват, что она звезд с неба не хватает! На ее место – заведовать отделением – я не рвусь, ты сам знаешь, хотя при Кобылкине поднимали этот вопрос... За рубеж ее работать приглашали – сама отказалась по семейным обстоятельствам.

Коняхин. Может, зло ее берет, что ты на докторскую

вышел, а она пока еще все в кандидатах ходит? *(Покачав головой.)* Не светит ей докторская! Никак не светит! Не потянет. Кишка тонка.

Телкин. Любопытно бы установить автора этой писанины, наш это человек или кто со стороны.

Коняхин. Как узнаешь? Тут серьезная экспертиза нужна. А это дело тонкое и долгое: следственные органы... прокуратура... Сличать шрифты пишущих машинок. Да и не пойдет никто на это...

Телкин *(закуривая)*. Ладно! Время покажет. Надеюсь, у наших местных умов ума хватит желток от белка отделить, разобраться что к чему... Да-да-а... Честно говоря, не ожидал... Подумать только, дожил до анонимки!

В дверь стучат. Входит Утятникова.

Утятникова. Слушайте, Телкин! За что вы девочку обидели? За вами такого не замечала, чтобы вы хорошеньких девочек обижали! Не в ваших это правилах, Телкин! Сидит теперь у меня в кабинете, жалуется на вас, плачет.

Телкин. Не обижал я ее, Лариса! А обидел, так утешьте! Не буду я ей нос ломать! Пусть с этим замуж выходит.

Утятникова. Вам звонили из министерства?

Телкин. Звонили.

Утятникова. Кто звонил, не помните?

Телкин. Какой-то Журавель!

Утятникова. Не какой-то, а Олег Олегович, старший инспектор отдела. Эх, Телкин, Телкин!.. Вы бы лучше со мной, как с заведующей отделением, посоветовались, прежде чем девушке в такой форме отказывать. Игнорируете меня? Журавель теперь самому Петушинскому позвонит.

Телкин. Если у него такой длинный клюв, он и выше дотянуться может!

Утятникова. Не к месту острите, Телкин! Не в те игры играете!

Телкин. А почему это она ко мне непосредственно обратилась со своим носом? Могли бы сразу по начальству обратиться!

Утятникова. Да потому, что вы себе такую рекламу сделали. Прославились как главный закройщик по женским носам. «Слух обо мне пройдет по всей

Руси великой!» Вот он и прошел. Не сечете вы, Василий Васильевич, определенных ситуаций! Живете в какой-то абстракции. Министерство для вас не авторитет. Могли бы, не вдаваясь в подробности, направить эту Мотылькову прямо ко мне на консультацию. И не высказывать ей своего отрицательного отношения к ее жениху, тем более что она, если вам интересно знать, замуж выходит не за кого-нибудь, а за сына этого самого Журавля, который решил вам лично позвонить.

Телкин. Ну, вот вы теперь и угодите Журавленку!

Утятникова. Ну да ладно, что надо будет, то и сделаем. *(Неожиданно.)* А вы, товарищи, ничего не слышали?

Коняхин. А что мы должны были слышать?

Утятникова. Говорят, на кого-то из наших анонимка пришла. Точно еще не знаю на кого. Надеюсь, что не на меня.

Телкин. Успокойтесь, Утятникова! Кто на вас напишет? На меня пришла!

Утятникова. Что вы говорите? На вас? А что пишут?

Телкин. Пока еще не введен в курс дела. Но полагаю, что это не анонимное ходатайство о присвоении мне почетного звания заслуженного врача республики.

Утятникова. И вы еще шутите, Телкин? Я бы на вашем месте...

Телкин. Что бы вы на моем месте?

Утятникова *(пожав плечами)*. Волновалась...

Коняхин. Подумаешь, анонимка! Что мы, нашего Телкина не знаем, что ли?

Утятникова. Не скажи, Коняхин, не скажи! Телкина мы, конечно, знаем...

Телкин. Благодарю вас...

Утятникова *(продолжает)*. Но он собирается докторскую степень получить, а на него приходит анонимка! Что это? Плюс или минус?

Коняхин. Кто-то хочет воду замутить. Я это так себе представляю.

Утятникова. Конечно, это не исключено. Во всяком случае, это минус. Надеюсь, нас, членов бюро и месткома, ознакомят с содержанием документа?

Телкин. Не сомневаюсь, и в самом ближайшем вре-

мени. Надеюсь, что меня тоже не обойдут в этом вопросе. Тоже ознакомят.

Утятникова *(про себя)*. Так что же мне с этим журавлиным мотыльком делать? Придется класть. Посоветуюсь с главным...

Телкин. Поаккуратней клювик ей сделайте!

Утятникова *(в дверях)*. Я в эти игры не играю, Телкин! *(Выходит.)*

Коняхин *(помолчав)*. Удивительный человек наша Лариса! И дело свое более или менее знает. Но не поймешь, чего в ней больше: бабской зависти к способностям других или переоценки собственных женских и профессиональных возможностей. Слушай, Василий! Может, это она черканула? А? При Кобылкине не посмела бы, а тут Петушинский пришел, человек новый, нас никого не знает...

Телкин. Да нет! Не думаю, чтобы она...

Коняхин. Зависть — это, брат, такое сильное антиобщественное чувство — на что не толкнет! А впрочем... не знаю...

Затемнение

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Один из кабинетов клиники. Здесь собираются врачи: Коровина, Козлов и Бычков. По рукам ходит анонимка, которую все поочередно перечитывают, передавая друг другу.

Коровина. Ваше мнение, товарищи? Как будем реагировать?

Козлов. Надо бы в корзину ее или в мусоропровод — и дело с концом!

Коровина. Ну, ты тоже скажешь, Козлов! Как это «в корзину»? Она же везде зарегистрирована.

Бычков. Она на контроле у министерства. Есть указание проверить и ответить, что подтвердилось, а что не подтверждается.

Козлов. А что тут может подтвердиться? Мы Телкина как облупленного знаем!

Коровина. Знать-то знаем, а отвечать все равно придется.

Бычков. Предлагаю создать комиссию для проверки.

Коровина. В составе?

Бычков. Трех-четырех человек. Самых объективных и принципиальных.

Коровина. С партийным чутьем.

Козлов. Товарищи! Но мы же, помнится, неделю назад утвердили и оформили на Телкина положительную характеристику!

Коровина. Поторопились. Мы не могли предполагать, что придет такая анонимка.

Козлов. А что изменилось? Так вот за одну неделю наш Телкин и переродился? А факты, которые здесь приводятся, вообще... бред! Все из грязного пальца высосано.

Бычков. Телкина мы, конечно, знаем. Но если давать официальный ответ, то без комиссии не обойтись.

Козлов. Я против комиссии. Надо просто дать Василию Васильевичу ознакомиться с этой филькиной грамотой, и пусть выскажется. Мы его послушаем. Лично для меня это было бы унизительно. Какому-то проходимцу доказывать, что ты не взяточник и не пьяница.

Коровина. Не проходимцу доказывать, а отвечать на запрос министерства. Маленькая разница. Попросим Телкина дать объяснения в письменном виде.

Козлов. Я бы на его месте отказался, да он и откажется.

Коровина. Твоя точка зрения, Бычков?

Бычков. Затрудняюсь сразу ответить.

Коровина. Но все-таки, что здесь правда, а что ложь? Есть у тебя партийное чутье?

Бычков. Было.

Коровина. А у тебя, Козлов?

Козлов. Есть.

Коровина. Ну и что скажешь?

Козлов. Грязная стряпня, на которую не стоит тратить рабочее время.

Коровина *(заглядывает в анонимку)*. Вот тут, к примеру, сказано, что Телкин живет не по средствам. Откуда это известно? Что значит «живет не по средствам»? Как это проверить? Где доказательства?

Входят Телкин и Коняхин.

Мы вас как раз ждем! Садитесь, товарищи! Да-

вайте поговорим по душам, откровенно, так сказать! Вы, наверное, уже знаете, что нам поручено разобраться с одной анонимкой. Ничего не поделаешь! Для начала вы, Василий Васильевич, ознакомьтесь, так сказать, с этим документом...

Протягивает Телкину бумагу. Тот знакомится с ее содержанием. Возвращает. Молчит. Коровина передает анонимку Коняхину

Коняхин *(прочитав)*. Интересная бумага...

Коровина *(не сразу)*. Что скажете, Василий Васильевич, по существу?

Телкин. По существу? Гнать меня в шею с работы, а заодно и из партии.

Коровина. Зачем же так горячиться, Василий Васильевич? Не надо принимать слишком близко к сердцу! Ну, как нам быть? Написали тут на вас всякое, а нам приходится доказывать, что вы не верблюд. Приходится. Постараемся. Докажем.

Телкин. А разве еще не ясно, что я не верблюд? Надо доказывать?

Коровина. Давайте не будем дискутировать, кто есть кто, давайте спокойно, по-товарищески, рассмотрим все пункты обвинения. К примеру, тут черным по белому написано, что *(читает)*: «Доктор Телкин использует свое служебное положение, нарушает врачебную этику». В чем это может выражаться? Конкретно?

Телкин. Надо понимать, что я беру взятки, принимаю подношения.

Коровина. Вы это подтверждаете? Вы берете?

Телкин *(спокойно)*. А вы принимаете?

Коровина *(вспылив)*. Не оскорбляйте меня, доктор Телкин! Я — коммунист!

Телкин. Я тоже не беспартийный!

Бычков. Сигнализируют, что вы, дескать, не по средствам живете! Что бы это значило? Как бы вы могли это объяснить или опровергнуть?

Телкин *(усмехнувшись)*. Есть у меня личная собака. Я ее куриными котлетами кормлю. Шницели ей покупаю, парикмахера ей нанял. Сам по вечерам в загородных ресторанах гуляю, золотишком не брезгую: кулонами всякими, брошами — тещу задабриваю, и все такое прочее... А в ведомости за одну зарплату расписываюсь. Вот так и живу!

Коняхин. Брось, Телкин, шутить! Говори все как есть! Знаем мы, как ты живешь. Знаем!

Коровина. Вы войдите в наше положение, Василий Васильевич! Мы же не можем серьезно отнестись к тому, что вы нам тут только что наговорили про куриные котлеты и кулоны. Вы ответьте нам по существу. Помогите нам разобраться.

Телкин *(успокоившись)*. А по существу я существую, как все. Живу на зарплату. Жена на пишущей машинке подрабатывает. Сам иной раз статью напечатаю. А вот на днях действительно при всех в нашем дворе посылку разгружал. Брат из Хабаровска мне подарок прислал – японскую стереофоническую аппаратуру: проигрыватель, магнитофон с кассетами и радио с колонками. Два ящика и распаковал. Это уж действительно не по средствам было бы приобрести.

Козлов. Кто видел?

Телкин. Соседи по дому видели. Доктор Утятникова мимо проходила, заинтересовалась. Где вы, спрашивает, такой звуковой комбайн себе отхватили? Не в «Березке» ли? Да, отвечаю, в «Березке»! Я теперь часть зарплаты валютными чеками получаю – некоторым иностранцам носы укорачиваю, чтобы не совали их куда не следует... Одним словом, отшутился!

Коровина. Зачем отшучивались? Могли бы правду сказать, что подарок получили.

Телкин. Так получилось.

Коняхин. А что Утятникова?

Телкин. Усмехнулась и пошла своей дорогой.

Коровина *(Коняхину)*. Не хотите ли вы этим что-нибудь сказать?

Коняхин. Я этим пока ничего не хочу сказать.

Коровина. А вы, Василий Васильевич?

Телкин. Я тоже.

Коровина. Тогда поедем дальше! *(Читает анонимку.)* «Доктор Телкин, как нам известно, не брезгует использовать авторитет некоторых своих больных в корыстных целях, для устройства личных дел. Так, например, не имея на это никаких оснований, он незаконно переехал в четырехкомнатную квартиру на набережной, сдав свою двухкомнатную в блочном строении. Где моральный облик ком-

муниста Телкина? Как верить тому, что он проповедует на своих лекциях?» Василий Васильевич! Это соответствует истине?

Телкин. Соответствует.

Коровина. Как вам удалось получить такую квартиру? Через кого?

Телкин. Через городское бюро обмена.

Бычков. Кто конкретно помог? Какой больной? К кому вы обращались?

Телкин. Мне не больные, а здоровые помогали.

Бычков. Хотите сказать, что поменялись нормальным образом?

Телкин. Не особенно нормальным, конечно. Около года обивал разные пороги. Собирал документы. Ждал решения районной депутатской комиссии. Потом решения исполкома района, потом города. Поддержали. В результате съехался с семьей сына. Живем теперь вместе.

Коровина. Будут вопросы?

Бычков *(неуверенно)*. Мы вот тут рассуждаем, время тратим, а надо бы все это на бумаге зафиксировать, ну, протоколом, что ли...

Коровина. Еще один пункт остался неясным. Тут написано, что врач Телкин неоднократно являлся на работу в нетрезвом виде и даже в таком состоянии принимал больных, делал перевязки.

Телкин *(зло)*. А не написано, что я из обрезков ушей и носов для своей собаки гуляш варил?!

Коровина. Василий Васильевич! Поверьте, нам сейчас не до шуток! Мы разбираемся по существу.

Коняхин. Ты, Коровина, когда-нибудь за все эти годы видела Телкина в нетрезвом состоянии? На работе, в стенах клиники? Хоть раз! Вспомни!

Коровина. Не припоминаю. А вот в нерабочее время видела. В большом подпитии. Два года назад. И Василий Васильевич не будет это отрицать.

Телкин. Не буду.

Коровина *(продолжает)*. Это было в ресторане «Белград», на дне рождения доктора Гусенко. Что уж тут говорить, чего вы там только за столом не плели, доктор Телкин! Плели ведь? И выпили лишнее. А могли бы не выпить.

Телкин. Мог бы. Но выпил. И плел. А вы пели!

Коровина. Пела. Ну и что? Все пели. Я тоже подтягивала. Но я не плела.

Козлов. Ладно. Хватит. Поговорили. Надо будет действительно по всем пунктам ответить на эту клевету письменно. Разговорами тут не обойдешься. Только бы следом новая анонимка на кого-нибудь из нас не пришла! Ведь на любого настрочить можно. Даже на тебя, Коровина!

Коровина. То есть?

Козлов. Ну, к примеру, как вы в своем кабинете будто в оранжерее сидите, благоухаете.

Коровина. Цветы — это знак внимания, в пределах дозволенного врачебной этикой. Я — врач, но я еще и женщина! Пусть не свежей молодости.

Козлов. Каждая гвоздичка пятьдесят копеечек стоит! А вам их десятками носят. Вот и подсчитайте!

Коровина *(с возмущением)*. Вы хотите сказать, что я ими торгую, доктор Козлов? Они у меня в кабинете вянут, и дежурная нянечка их потом выбрасывает. Это все знают.

Козлов *(невозмутимо)*. Мало ли что знают. А написать могут, что «до того как цветы завянут, доктор Коровина забирает их из кабинета и по дороге домой заворачивает с ними на рынок». Вот ведь как сочинить могут! Иди проверь!

Коровина. Клевета! Я могу доказать! Это голословное заявление! Надо все-таки отвечать за свои слова, Вениамин Яковлевич!

Козлов. Вот именно. Надо отвечать, Антонина Федоровна!

Затемнение

Из затемнения авансцена, по которой проходят один за другим персонажи пьесы. Последним проходит Телкин. Он встречается с Мотыльковой. На носу у нее марлевая повязка. Она плачет.

Телкин *(останавливаясь)*, Мотылькова! Что с вами? Вы опять плачете? Что случилось?

Мотылькова *(сдерживая рыдания)*. Он видел его... видел...

Телкин. Кто кого видел? Не понимаю!

Мотылькова. Он видел мой новый нос... Видел... мой жених видел... во время перевязки... зашел в перевязочную... без спроса... *(Плачет.)*

Телкин. Ну и что?

Мотылькова *(сквозь душащие ее слезы)*. Он ему не понравился... Он сказал, что он теперь утиный... А потом... потом... он сказал... что он сейчас уже не может... ничего решить... ему надо подумать...

Телкин *(доброжелательно)*. Я вас предупреждал, Мотылькова! Ну и очень хорошо, что он не может решить! Прекрасно! Вы — свободны!

Мотылькова *(продолжает плакать)*. Зачем же я тогда... переделывала свой нос? Это же я только ради него... Мне никто никогда не говорил, что он мне не к лицу... Это он... сказал...

Телкин *(убедительно)*. Успокойтесь, Мотылькова! Перестаньте плакать. Это хорошо для вас, что вы фигурально остались с носом! В следующий раз вы будете осмотрительнее в выборе себе спутника жизни. И не огорчайтесь! Уверен, что доктор Утятникова сделала вам отличный новый носик и вы начнете с ним новую жизнь.

Мотылькова *(успокаиваясь)*. Вы так думаете? Он мне пойдет?

Телкин. Безусловно. Учитывая, что вы должны были выйти замуж за сына самого товарища Журавля, наша Лариса наверняка постаралась. В таких случаях она из кожи лезет вон — так старается...

Мотылькова *(перестав плакать)*. Спасибо, доктор Телкин! Я вам так верю... Почему я вас сразу не послушалась?.. До свиданья, доктор!

Расходятся в разные стороны. Телкин, улыбаясь, смотрит ей вслед.

Затемнение

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

То же место действия, что и в предыдущей сцене. Идет заседание комиссии. Присутствуют Коровина, Бычков, Козлов, Коняхин и Утятникова.

Бычков. Товарищи! Подводим итоги. Завершаем работу. Отвечаем по пунктам и фиксируем в протоколе. Коняхин, докладывайте!

Коняхин *(кладет перед собой записи)*. Ну, был я в бюро обмена. Был. Полдня там просидел. Два инспектора мне помогали. Перерыли все папки

за три года. Нашли обменное дело. Прочитали. Проверили. Все в ажуре.

Коровина. Можно точнее? Чтобы всем было ясно.

Коняхин. Можно и поточнее. Тогда слушайте.

Козлов. Если можно, то говорите помедленнее, я записываю.

Коняхин *(заглядывая в свои записи)*. Итак, съезд семьи доктора Телкина с семьей его сына Валерия Телкина произведен на законном основании. Оформлен по всем правилам. Некая персональная пенсионерка по фамилии Петросян, занимавшая четырехкомнатную квартиру в кирпичном доме на набережной, разъехалась со своим бывшим мужем, по фамилии Акопян. Сын Телкина Валерий, занимавший с женой однокомнатную квартиру в зеленой зоне, предложил свою площадь вышеназванной пенсионерке Петросян. Та ее устроила. Семья доктора Телкина проживала в двухкомнатной квартире в приличном блочном доме в центре, со всеми удобствами, поблизости от работы вышеназванного Акопяна. Предложенная ему квартира Телкиных его также устроила. Таким образом при совершившемся тройном обмене Петросян переехала в квартиру сына Телкина, Акопян переехал на площадь доктора Телкина Василия Васильевича, а две семьи Телкиных — отца и сына — переехали в четырехкомнатную квартиру общей площадью около шестидесяти метров. У меня все!..

Утятникова. Не многовато ли на четырех человек при существующих нормах?

Коняхин *(спокойно)*. В данной четырехкомнатной квартире две комнаты смежные. Кроме того, Телкины имеют право на дополнительную площадь. Жена Валерия беременна... Исполком утвердил решение депутатской комиссии. Я не поленился и даже побеседовал с председателем депутатской комиссии, заместителем председателя райисполкома товарищем Пуговкиным.

Коровина. Он у нас не лежал? Что-то я припоминаю эту фамилию.

Коняхин. Есть Пуговкин — известный артист «Мосфильма». Так он у нас тоже не лежал.

Коровина. Ясно. Хорошо доложили. Вопросов к товарищу Коняхину не будет?

Бычков. Тогда по первому пункту давайте запишем так: «Факт использования доктором Телкиным служебного положения не подтверждается. Новая квартира по такому-то адресу (это мы потом допишем!) получена на законных основаниях, предусмотренных соответствующим положением об обмене жилплощади. Подтверждено документами и проверено комиссией». Записали?

Козлов. Записали. Пошли дальше. Корыстные цели отпадают.

Коровина. Твоя очередь, Козлов, как члена комиссии! Что ты можешь нам доложить насчет «не по средствам»?

Козлов. Что я могу доложить? Взрослые люди! На что мы наше драгоценное время расходуем? Чем мы тут с вами занимаемся? Стыдобушка! Вот что я скажу...

Коровина. Поясните вашу мысль! И не нервничайте.

Козлов. Кто о Телкине может судить лучше нас с вами, безо всякой формальной проверки? Что мы, не знаем, как он живет? Это требует особой проверки? Машины у него нет. Дачи нет. Даже такого садового участка нет, как у доктора Утятниковой.

Утятникова *(вскипает)*. При чем тут я? Разве меня сегодня обсуждают? У меня муж — главный технолог завода. Нам официально предложили садовый участок, и мы взяли.

Коровина. Товарищи, товарищи! Ближе к делу! Значит, этот пункт тоже отпадает, как я понимаю. Что касается дорогостоящей импортной техники, то с ней тоже все ясно — подарок родного брата. Мы запрашивали Хабаровск. Тогда давайте так и запишем: «Фактов, подтверждающих, что доктор Телкин живет не по средствам, проверкой не установлено». Записали?

Козлов. Записали.

Бычков. Теперь в отношении выпивки и появления на работе в нетрезвом состоянии. Кто выскажется?

Коняхин. Пишите сразу: не подтверждается!

Коровина. Может быть, доктор Утятникова, как член месткома и заведующая отделением, хотела бы высказаться по данному вопросу?

Утятникова. А что я должна сказать?

Коняхин. Как что? Вы когда-нибудь Василия Васильевича видели на работе в нетрезвом виде? Видели или не видели? Вот что вы должны сказать. Лично я не видел. Ни-ког-да!

Козлов. Я тоже.

Бычков. Присоединяюсь.

Утятникова. Я на работе ни к кому не принюхиваюсь. В том числе и к доктору Телкину. Это не входит в мои обязанности.

Козлов. Между прочим, в перевязочной всегда пахнет спиртом.

Коняхин. Фиксируем: не подтверждается!

Коровина. Мотивировка?

Коняхин. Какая может быть мотивировка? Более десяти лет работаю бок о бок с Телкиным. Трезвый человек. Мне-то можно поверить? Выпивает? Выпивает. Как все! Дома. В гостях. По праздникам. На работу всегда является трезвый как стеклышко! Вот вам и вся мотивировка.

Коровина. Тоже не надо уж так идеализировать: на работе не пьет, дома выпивает. Дома, знаете ли, можно так нализаться, что потом два дня перегаром нести будет. И на праздниках тоже надо меру знать. Я уже говорила, как на дне рождения доктора Гусенко...

Козлов *(перебивая)*. Когда это было? При царе Косаре? В прошлом веке было! В прошлом веке!

Коровина. То, что в прошлых веках было, мы тоже не должны забывать! Этому нас учит история!

Козлов. Извини, Антонина Федоровна, но ты тоже тогда за столом у Гусенко хороша была. Во все горло пела, а потом плакала. Я бы уточнил — рыдала!

Коровина. Это было закономерно. Я расчувствовалась. А Телкин был пьян. Ему даже Гусенко сказал: «Не пей больше!»

Коняхин. Вот он и не пьет с тех пор.

Бычков. Ну, кто это знает?.. Какое будет суждение по последнему пункту? Формулируйте!

Козлов. Я запишу в такой редакции: «Доктора Телкина никто никогда в служебное время на работе в нетрезвом виде не видел». Согласны?

Коровина *(подумав)*. Может быть, лучше так записать: «Фактов появления доктора Телкина в

нетрезвом состоянии в стенах клиники не установлено».

Козлов. Можно и так. Я записываю. *(Записывает.)*

Коняхин. А теперь у меня есть предложение закончить наши выводы следующим добавлением и записать в протокол, что «комиссия отмечает развитое чувство ответственности хирурга В. В. Телкина, кандидата медицинских наук, члена коммунистической партии, бывшего фронтовика, ушедшего мальчишкой на фронт, имеющего ряд боевых наград... Да, да! Так и записать: «Ушедшего мальчишкой на фронт». Далее отметить его активную общественную деятельность, высокую политическую грамотность, отличную квалификацию опытного специалиста и некоторые другие положительные качества, которые были указаны в утвержденной нами не так давно служебной и партийной характеристике, оформленной на доктора Телкина. Я уж не помню, куда мы ее тогда посылали?..

Большая пауза.

Коровина *(в некоторой растерянности)*. Но мы же ее отозвали!

Коняхин. Как отозвали? Отозвали характеристику?

Козлов. Когда отозвали?

Коровина. Когда пришла анонимка.

Коняхин. Какая была в этом надобность? Зачем отозвали? Чего испугались?

Бычков. Не испугались, но ситуация изменилась. Анонимка ведь пришла туда же, куда была направлена характеристика.

Коняхин. Да при чем тут эта анонимка? Телкин-то остался тем же, что и был! Это подтверждается и этой, на мой взгляд, безобразной по своей сути проверкой нашей комиссии! Предлагаю характеристику подтвердить и немедленно вернуть! Анонимку считать клеветнической.

Козлов. Я присоединяюсь.

Утятникова *(осторожно)*. А не подумают в министерстве, что мы нашего товарища покрываем? Не могут нас обвинить в семейственных отношениях? Надо бы в райкоме посоветоваться...

Коняхин. Лично я, как член партбюро, уже посоветовался.

Коровина. Почему я ничего не знаю? Я тоже советовалась.

Бычков. Ну и что вам обоим посоветовали?

Коняхин. Поступать по партийной совести.

Коровина. Удивительное совпадение. Мне тоже. Рекомендовали руководствоваться партийной совестью.

Козлов *(горячо)* А что мы Телкину скажем? Как мы ему с нашей партийной совестью в глаза смотреть будем? Извини, мол, нас, Василий Васильевич, за то, что мы нервы тебе потрепали, унизили твое человеческое достоинство?

Утятникова. Я слышала, что он собирается уходить «по собственному желанию», несмотря на любое решение комиссии. Кстати, как его здоровье? Он последние три дня на бюллетене.

Бычков. Я узнавал. Обошлось. Отлежался.

Коняхин. Он оскорблен.

Коровина. Надо будет его познакомить с выводами комиссии, может быть, даже извиниться... Сказать, что нам тоже было не так легко выполнять это поручение. Он коммунист, он должен нас понять. В конце концов, у нас не было другого выхода. В письменном виде давать объяснения он категорически отказался. А приглашать в комиссию людей со стороны...

Козлов. Этого еще не хватало! Ладно! Все записано. Все опровергнуто. Остается распечатать наш протокол со всеми выводами и разослать по назначению. Ну, а что дальше?

Коняхин. Я лично настаиваю на моем предложении: в протоколе повторить характеристику Телкина.

Все молчат.

Коровина *(воодушевленно)*. Товарищи! Дорогие товарищи! Примите мой вариант! В министерство и в райком сообщить, что факты, изложенные в анонимке, не подтвердились. Приложить подписанный членами комиссии протокол проверки. Считать анонимку клеветнической. К сожалению, ее автор остался неизвестным. Что касается характеристики на Телкина, то раз мы ее уже успели отозвать, то временно ее задержать. Временно! Пусть пока полежит. Все уляжется, за-

будется, и тогда мы новую характеристику ему оформим. Да еще добавим кое-что из того, что предложил доктор Коняхин. Согласны, товарищи?

Все молчат.

Молчание – знак согласия! А нам всем это большой урок!

Коняхин. Какой урок?

Коровина *(простодушно)*. Анонимки надо подписывать! Тогда будем знать, с кого спрашивать.

Козлов *(усмехнувшись)*. Логично.

Коровина *(неожиданно, с пафосом в голосе)*. «Злостный анонимщик – существо глубоко чуждое нашей советской морали, нашей действительности! Рано или поздно вскрывают лицо пасквилянта, но, к сожалению, он успевает наделать много вреда»... Товарищи! Вы не подумайте, что это мои личные слова! Я на днях выписала эти слова из одной статьи, опубликованной в центральной партийной печати. И, как видите, запомнила! Мудро сказано!

Все молчат.

Затемнение

Из затемнения авансцена. Здесь собрались действующие лица пьесы, все, кроме Телкина и Мотыльковой. У всех приподнятое настроение. В руках у Утятниковой цветы. Все кого-то ждут. Появляется Телкин. Его встречают улыбками и аплодисментами. Петушинский выходит вперед.

Петушинский *(обращаясь к Телкину)*. Уважаемый Василий Васильевич! Коллектив, от имени которого я сейчас говорю, искренне рад поздравить вас по случаю присвоения вам ученой степени доктора медицинских наук! Сегодня у нас знаменательное событие! Примите же наши поздравления! *(Крепко пожимает руку Телкину.)*

Все обступают Телкина. Козлов и Коняхин, переглядываясь, держатся несколько в стороне. Утятникова вручает Телкину цветы, что-то лепечет ему на ухо, пытается поцеловать в щеку. Тот уклоняется.

Телкин. Благодарю вас, товарищи! Благодарю!

Бычков *(с задором)*. Василий Васильевич! С вас причитается!

Утятникова. Без банкета не обойтись, Василий Ва-

сильевич! Вы теперь у нас двойной доктор! *(Смеется.)*

Телкин *(громко и твердо)*. Товарищи! За поздравление благодарю! Спасибо! Но извините за откровенность... Честное слово, если бы я был сегодня уверен, что вам, моим товарищам по работе, никогда больше не придется по какому-нибудь «сигналу» тратить дорогое рабочее время на новое изучение моей личной жизни и служебной деятельности, я бы, возможно, пригласил всех вас в ресторан «Белград», где мы однажды так хорошо отмечали день рождения доктора Гусенко. Помните, Антонина Федоровна? К сожалению, я лишен возможности так рисковать! Потому я предпочитаю провести сегодняшний вечер дома, в семье! Еще раз благодарю вас за внимание! Спасибо!

Петушинский *(неожиданно)*. Я бы на вашем месте поступил точно так же, Василий Васильевич!

Коняхин и Козлов *(вместе)*. Мы тоже!

Конец пьесы

1977

АВТОРСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО

Комедия в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Живов Иван Петрович, изобретатель.
Живова Анна Захаровна, его супруга.
Ошметкин Теодор Фотиевич, друг дома.
Дефактов-Деюров Глеб Арнольдович, директор НИИ.
Прибылев, представитель завода.
Жучков, сговорчивый человек.
Врач.
Полный мужчина.
Дама в очках.
Секретарша.

По ходу действия: сотрудники института, сослуживцы и знакомые семьи Живовых.

Действие происходит почти в реальной действительности.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

В КАБИНЕТЕ ДИРЕКТОРА НИИ

Здесь продолжается затянувшаяся беседа между директором НИИ Дефактовым-Деюровым, изобретателем Живовым и представителем завода Прибылевым. Разговор идет в повышенных тонах. Все устали.

Дефактов-Деюров *(не скрывая раздражения)*. Этак мы ни до чего не договоримся, Иван Петрович! Вы нервничаете, сосете валидол...

Живов. Я не буду сосать валидол, если это вас так раздражает, Глеб Арнольдович! На чем мы остановились?

Дефактов-Деюров. Вы не принимаете предложений завода.

Живов *(помолчав)*. Давайте начнем с азов! Вы не возражаете, товарищ Прибылев?

Прибылев. С азов так с азов. Не возражаю.

Живов. Мое изобретение прошло испытания. Результат положительный. Так?

Дефактов-Деюров. Так.

Живов. Головной институт рассмотрел заявку на изобретение. Результат положительный. Так?

Дефактов-Деюров. Экспертиза пришла к заключению, что изобретение полезно.

Живов. Прекрасно. Договорились: изобретение полезно! Большое спасибо за такое определение! А теперь прикинем, чего мне это стоило.

Дефактов-Деюров. В каком смысле? Надеюсь, не в материальном отношении?

Живов. И в материальном тоже! Вы забываете, что изготовление модели аппарата стоило мне определенных сумм. Да, да! Я конструировал ее на личные средства. Но я бы в рожу тому плюнул, кто только намекнул бы мне на материальную заинтересованность в продвижении моего изобретения. Ей-богу, плюнул бы!

Дефактов-Деюров. Да не горячитесь вы, Иван Петрович!

Живов. Не могу не горячиться. Я так устроен, так сконструирован матушкой-природой!

Дефактов-Деюров. Вы знали, на что шли, когда стали на стезю изобретательства! Знали!

Живов. Знал. Знал, Глеб Арнольдович, и не раскаиваюсь! И еще я знал, что у нашего брата изобретателя должны быть не нервы, а корабельные канаты. И это знал. И тем не менее...

Дефактов-Деюров *(перебивая)*. Ну, так чего же вы теперь кипятитесь?

Живов *(переводя дух)*. Ну ладно... Итак, мое изобретение признано полезным. Меня это устраивает. Более того, я доволен и признателен. Я счастлив. Я горд и рад. Правда, у некоторых товарищей возникло желание помочь мне в усовершенствовании моего детища, но я от их так называемой «помощи» отказался. Нашел в себе силы и мужество, а может быть, даже необдуманной наглости отказаться! И теперь...

Дефактов-Деюров. Что теперь? Я не понимаю, что вы имеете в виду?

Живов. Я имею в виду материальное воплощение моего изобретения и внедрение его в серийное

производство. Все, казалось бы, одобрено, все необходимые визы получены, но возникает конфликт с заводом-изготовителем. С вами, товарищ Прибылев! Так или не так? Отвечайте!

Прибылев. Я не привык вести деловую беседу в таком тоне.

Дефактов-Деюров. Да, действительно! Давайте, Иван Петрович, поспокойнее!

Живов *(беря себя в руки)*. Хорошо. Поспокойнее так поспокойнее... Прошу извинения! (*Помолчав.*) Но конфликт все-таки возникает, товарищ Прибылев?

Прибылев. О каком конфликте идет речь? Нет никакого конфликта! Просто у нас нет возможности перестройки производства и создания специальной технологии для каждого нового изобретения, которое нам предлагается для освоения. Нас надо понять.

Живов. И поэтому...

Прибылев *(перебивая)*. Поэтому мы предлагаем свою технологию изготовления ряда узлов и деталей вашего аппаратика.

Живов *(вскипая)*. Не аппаратика, а аппарата, товарищ Прибылев!

Прибылев *(поправляется)*. Вашего аппарата.

Живов. И в этом случае я должен вместе с вами...

Прибылев *(перебивая)*. Почему именно со мной? Я в данном конкретном случае являюсь всего-навсего представителем завода, которому поручено обговорить с вами ряд вопросов. У нас есть хорошие, опытные специалисты.

Живов *(перебивая)*. И с этими вашими хорошими и опытными специалистами я должен подгонять свое изобретение под технологию завода и безропотно соглашаться с устаревшими техническими решениями? Я вас правильно понял, товарищ Прибылев? Так, что ли?

Прибылев *(невозмутимо)*. Я уже сказал, что нас надо понять!

Живов *(теряя самообладание)*. Меня! Меня надо понять! В первую очередь меня — автора! Изобретателя!

Прибылев *(спокойно)*. У вас никто не собирается отнимать ваше авторство. Речь идет о наших реальных возможностях.

Живов *(обращаясь к директору)*. А реальность, Глеб Арнольдович, выразится в том, что я в лучшем случае окажусь в одном ряду с одним, а то и с несколькими соавторами, а в худшем — завод будет выпускать мой аппарат в таком виде, в каком ему заблагорассудится. И я уверяю вас, что они *(показывает на Прибылева)* найдут сговорчивых людей в том же головном институте, которые дадут новый отзыв и признают более целесообразным выпуск заводского, а не моего варианта! И этот вариант... *(Машет рукой, кладет в рот таблетку валидола. Молчит)*.

Прибылев. Не надо считать всех жуликами, товарищ Живой!

Живов *(устало)*. Не Живой, а Живов! И пока я жив, я буду настаивать на своем: или вы беретесь выпускать мой аппарат по моей рабочей модели, или нам придется искать другое предприятие.

Прибылев. Воля ваша. Ваше дело — хозяйское.

Дефактов-Деюров *(не сразу)*. Иван Петрович! Вот вы тут кипятитесь, за валидол опять хватаетесь, а ведь в соавторы к вам пока никто не набивается.

Прибылев *(пожав плечами)*. Да странно как-то все это слышать...

Дефактов-Деюров. У нас нет оснований ссориться с заводом. Что касается ваших опасений, то изобретением считается идея изобретения, а не ее конструкторское или технологическое выполнение.

Прибылев. Вот именно.

Живов *(усмехнувшись)*. К сожалению, теория слишком часто расходится с практикой.

Дефактов-Деюров *(улыбаясь)*. Вы стали пессимистом, Иван Петрович.

Живов *(устало)*. Глеб Арнольдович! Кому, как не вам, знать, что на пути изобретателей, этого одержимого идеями племени, среди массы преград есть одна, порой труднопреодолимая... Есть люди, которые так и норовят присосаться к чужому интеллекту, урвать свою долю, позаботиться о своем фиктивном участии в создании изобретения. Разве мало таких? Мы их что, не видели? Да я многих в лицо знаю! По фамилиям.

Дефактов-Деюров. Есть авторское изобретательское право!

Живов. Они его знают. И право знают, и как его обойти знают. И как еще обходят! За милую душу обходят! И в результате от изобретателя остаются рожки да ножки! Да, да! Немало есть этому примеров...

Прибылев. Мы, товарищи, несколько отвлеклись от существа вопроса. На чем же мы остановимся? Что мне доложить руководству завода?

Дефактов-Деюров *(играя карандашом)*. По-моему, нам надо еще разок всем вместе собраться и во всем детально разобраться. В спокойной обстановке, без валидола, выслушать и обсудить взаимные претензии. И — поставить точку! Вы не возражаете, Иван Петрович?

Живов. Давайте соберемся...

Дефактов-Деюров. Таково мое предложение на сегодняшний день.

Прибылев *(поднимаясь)*. Когда соберемся? И в каком составе?

Дефактов-Деюров. Давайте во вторник на будущей неделе. Состав обговорим...

Прибылев, тяжело вздохнув и пожав руку только директору НИИ, выходит. Большая пауза.

Живов. Вот так-то, Глеб Арнольдович! Тяжелый у нас хлеб...

Дефактов-Деюров. Честно говоря, Иван Петрович, я удивляюсь вашему упорству! Столько вы сил тратите, столько энергии расходуете... Страшно смотреть!

Живов. А без этого в жизни нельзя. Взялся за гуж, не говори, что не дюж!

Дефактов-Деюров. Нервные клетки не восстанавливаются. Знаете?

Живов. Знаю, знаю. Две жизни все равно не проживешь. И я это знаю.

Дефактов-Деюров. Незащищенный вы, Иван Петрович! Вот что я вам скажу! С кандидатом наук кто теперь считается? Вот были бы вы доктором — тогда другое дело! С доктором спорить труднее, труднее его подмять. Остепенился чин чинарем

и тогда — валяй! Изобретай! Я вам в свое время хотел помочь по-товарищески...

Живов *(перебивая)*. Воспользоваться вашей докторской степенью, Глеб Арнольдович?

Дефактов-Деюров *(мягко)*. Ну, хотя бы... В конце концов, дело-то важное, а мы с вами не первый год в глаза друг другу глядим.

Живов *(сухо)*. В глаза, но не в рот... Работаем вместе, да врозь!..

Дефактов-Деюров. Ну что вы, жизни не знаете, Иван Петрович?

Живов *(в раздумье)*. Жизнь мы знаем... Знаем мы жизнь... И тем не менее будем бороться с теми, кто хочет нас подмять... В конце концов, я ведь не для себя изобретаю, не ради денег и славы... Я должен видеть в серийном производстве мой аппарат, и я хочу, чтобы он был доступен каждому, кто в нем нуждается!

Дефактов-Деюров *(помолчав)*. Да! Хотел я вас просить об одном одолжении...

Живов. Я вас слушаю, Глеб Арнольдович!

Дефактов-Деюров. Я имею в виду дело Дормешкина. Я слышал, вы высказывались по этому поводу в парткоме. Не надо раздувать вопрос. Дормешкин через месяц защищается. А тут уже до райкома дошло... Не надо. Прошу вас!

Живов. Но ведь по законоположению замена одного известного материала другим не является рационализаторским предложением! Насколько я понимаю, фактически никакого технического решения рационализаторского характера в предложении Дормешкина не было. А вознаграждение он получил! Четыреста пятьдесят рублей!

Дефактов-Деюров. Не он один получил...

Живов. Тем более! Если вы, как директор института, не будете препятствовать подобным махинациям, вам, Глеб Арнольдович, трудно будет позавидовать!

Дефактов-Деюров *(упавшим голосом)*. Заместитель начальника объединения признал предложение рационализаторским. Есть его виза.

Живов. Визируем... премируем... А что визируем, что премируем — это вроде нас не касается, деньги все равно из государственного кармана летят! *(Поднимается. Прощается. Вздыхает. Уходит.)*

Дефактов-Деюров *(говорит по внутренней связи секретарше)*. Клавдия Ефремовна!

Голос секретарши. Слушаю вас, Глеб Арнольдович!

Дефактов-Деюров. Соедините меня с Дормешкиным! Если его нет, попросите зайти ко мне секретаря парткома.

Голос секретарши. Хорошо, Глеб Арнольдович!

Дефактов-Деюров мрачно задумывается.

СЦЕНА ВТОРАЯ

КВАРТИРА ИЗОБРЕТАТЕЛЯ

Холл. Из него две двери: одна — в столовую, другая — в кабинет изобретателя. На маленьком столике ваза с астрами. Появляются Живова и Ошметкин. Анна Захаровна в вечернем туалете. Разговор они ведут вполголоса.

Живова. Ваня пришел сегодня такой расстроенный, такой взвинченный, возбужденный. Кое-как закусил, даже обедать не стал и прилег вздремнуть. Голова у него разболелась — две таблетки принял. Два часа уже спит. Скоро буду будить. Мы на концерт в кои-то веки собрались. Который час на ваших?

Ошметкин. На моем хронометре без семнадцати шесть.

Живова. Пусть еще поспит минут пятнадцать. Совсем он извелся с этим своим аппаратом.

Ошметкин *(усмехнувшись)*. Да уж аппарат у них в институте самый что ни на есть...

Живова. Вы не знаете, что там сегодня произошло? Он мне так ничего и не рассказал. Я спросила, а он только рукой махнул, запил таблетки чаем и ушел к себе.

Ошметкин. Знаю только, Анна Захаровна, что было у них совещание в кабинете Дефактова-Деюрова. Совещались с представителем завода, которому поручен выпуск аппарата.

Живова. А они что, отказались?

Ошметкин. Не то чтобы отказались, но ни о чем пока толком не договорились. Будут еще собираться.

Живова. Господи! Сколько раз я ему говорила: брось изобретать! Пиши лучше докторскую! А он —

ночами не спит, все что-то соображает, вычисляет, контролирует, и все за личный счет, на свои деньги. Вы знаете, сколько нам эта рабочая модель стоила?

Ошметкин. Представляю. Я ведь ему помогал.

Живова. Не надо было помогать, Теодор Фотиевич! Не надо было!

Ошметкин. Как так?

Живова *(упрямо)*. А вот так. Очень просто. Не надо было!

Ошметкин. А я помогал: винтики, шайбочки, проводнички всякие ему доставлял. А уж он их потом на свои места приспособлял. Курочка ведь по зернышку клюет... А вам, Анна Захаровна, не надо было замуж за изобретателя выходить. Вот я, к примеру, ничего не изобретаю, никаких экспертиз знать не знаю, ни с кем в конфликты не вступаю и – живу!

Живова. А за кого мне было замуж выходить, если Иван Петрович мне первый предложение сделал? И потом, откуда же я знала, что он изобретать начнет? Он только-только на кандидата защитился!

Ошметкин. Не знаю, не знаю... А ведь вы мне всегда нравились, Анна Захаровна! Ей-богу, нравились! Если хотите знать, до сих пор холостым хожу...

Живова. Бросьте, бросьте говорить глупости, Теодор Фотиевич! Когда это я вам нравилась, интересно знать?

Ошметкин. Как впервые вас увидел, так сразу и понравились.

Живова. А когда вы меня впервые увидели?

Ошметкин. На свадьбе у Картошкиных. Помните, я еще через одного человека в очках по правую руку от вас сидел?

Живова. Что-то я не припоминаю.

Ошметкин. Я вам еще все шампанское подливал, а вы сопротивлялись... Думал вас после свадьбы домой проводить, так вы с Иваном Петровичем уехали...

Живова. Ну, да глупости все это! Поздно нам с вами о таких вещах говорить. Нашли, что вспоминать! Давно это было. Давно быльем поросло!

Ошметкин. Не скажите! Вы мне и сейчас нра-

витесь. Ей-богу, не вру! Еще как нравитесь-то! Особенно в этом вашем вечернем туалете, который вам так к лицу!

Живова. Сказали вам: бросьте чепуху болтать! Пойдемте лучше в столовую, я вас ореховым тортом угощу. Так уж и быть. За все ваши неуместные комплименты...

Уходят.

Сцена некоторое время пуста. Затем дверь кабинета бесшумно отворяется, и на пороге комнаты возникает Изобретатель. Он мертвенно-бледен. Притворив за собой дверь, он так же бесшумно проходит в угол холла и как бы во сне опускается в кресло. Сидит, не шевелясь, в глубоком раздумье. Где-то издалека звучит «Траурный марш» Шопена...
Появляются Живова и Ошметкин. В руках у Ошметкина тарелочка с куском торта, который он ест.

Живова. Ну вот, можно и будить. Сколько на ваших?

Ошметкин. Ровно шесть!

Живова *(подходит к дверям, стучит)*. Ваня! Иван Петрович! Пора просыпаться! Поднимайся! Можем на концерт опоздать! *(Прислушивается.)*

Ошметкин. Мне бы такой сон!

Живова проходит в кабинет мужа. Оттуда раздается ее истошный крик.

Живова *(кричит)*. Скорей! Теодор Фотиевич! Скорей, ко мне! Сюда! Ему плохо! Ради бога! *(Выбегает из кабинета. Бросается к телефону.)*

Ошметкин. Что случилось? *(Скрывается в кабинете.)*

Живова *(набирает номер телефона)*. Может быть, можно еще спасти... Это – ноль три? «Скорая»? «Скорая», дорогая! Очень прошу срочно приехать. Что случилось? Как что случилось? Он умирает! Мой муж. Известный изобретатель! Кандидат наук! Сколько лет? Пятьдесят один. Нет, пятьдесят два! Адрес? Наш адрес? Понимаю. Записывайте! Проспект Юных техников. Дом один дробь три. Это – угловой. Угол Юных техников и академика Тимирязева. Первый подъезд. Третий этаж. Квартира номер пятнадцать, сразу направо от лифта... Скорая! Умоляю! Только поскорей! *(Кладет трубку.)*

Из кабинета выходит Ошметкин.

Ошметкин *(печальным голосом)*. Поздно, Анна Захаровна! Поздно...

Живова *(не сразу)*. Он умер? Да? Да отвечайте же? Что с ним?

Ошметкин. Видимо... во сне...

Живова. Господи! Неужели поздно? Какой ужас... *(Плачет.)*

Ошметкин. Пульса нет... и его уже тоже нет...

Сидящий в кресле Изобретатель является немым свидетелем этой сцены. Теперь можно заметить, что он с интересом реагирует на происходящее в комнате. Во всяком случае, ясно, что он все видит и все слышит. Для действующих лиц он невидим...
В передней звонок.

Живова *(бросается к выходу)*. Приехали!

Ошметкин. Кто?

Живова. «Скорая»!

Ошметкин. Так быстро? Не бывает! *(Машинально доедает кусок торта.)*

Живова выбегает. Возвращается с прибывшим врачом и медсестрой «Скорой помощи».

Врач. Где больной?

Живова. Там! *(Показывает на дверь кабинета.)* Там!

Врач. Проведите!

Все проходят в кабинет. Изобретатель лукаво улыбается им вслед. Большая пауза. Все возвращаются.

Врач. Я вынужден констатировать смерть. Он скончался часа полтора тому назад. Мы, к сожалению, бессильны вам чем-нибудь помочь. Мы опоздали.

Живова *(в прострации)*. Нет, нет! Что вы! Вы же так быстро приехали...

Врач. Мы же «Скорая помощь»!

Живова. Я была дома... Он спал... Я ничего не слышала.

Врач. Смерть наступила в результате паралича сердца. Во сне.

Ошметкин. Легкая смерть.

Врач *(строго)*. Но все-таки: смерть! Простите!

Все, кроме Ошметкина, выходят. Ошметкин стоит в непосредственной близости от кресла, на котором сидит Изобретатель. Ошметкин никого не видит, хочет опуститься в кресло, но в

последнее мгновение отходит и начинает рассматривать висящие на стене картины, как бы оценивая их. Появляется Живова.

Живова. Теодор Фотиевич! Милый! *(Бросается ему на грудь. Рыдает.)*

Ошметкин. Возьмите себя в руки, Анна Захаровна! Соберитесь... Все бывает...

Живова *(сквозь слезы)*. Что же мне теперь делать? Надо же что-то делать? Надо кому-то сообщить! Я ведь совсем одна... совсем одна...

Ошметкин. Вот она — жизнь! Нервничал, волновался, спорил... И все — прахом!

Живова. Он так добивался признания... Что теперь? Теодор Фотиевич! Что теперь?

Ошметкин *(не сразу)*. Похороны... Поминки...

Живова. Да, да! Обязательно поминки! Пусть придут самые близкие люди... друзья, товарищи по работе... Пусть скажут о нем, поделятся воспоминаниями... Он же был таким человеком... таким человеком... Такое горе!

Ошметкин. Надо будет организовать хороший некролог от группы товарищей.

Живова. Теодор! Милый! Я на вас надеюсь... Я ведь ничего в этом не понимаю... Вы мне поможете? С чего начинать? Миленький, не бросайте меня в такую тяжелую минуту. Я такая несчастная... *(Утирает слезы.)*

Ошметкин *(деловым тоном)*. Наследники у него есть?

Живова. Нет. Никого. Я одна у него...

Ошметкин. Это хорошо. А то если много наследников, да еще спорных... начнутся суды и пересуды... *(Решительно.)* Я, пожалуй, подъеду сейчас в институт. Там у них сегодня «Устный журнал». Может, я еще Дефактова-Деюрова застану. Партком и местком проинформирую.

Живова *(провожая Ошметкина)*. Да уж, пожалуйста, Теодор Фотиевич! Я вам буду так благодарна... А когда хоронить?

Ошметкин. Сейчас надо соблюсти необходимые формальности. Похоронить успеем. Одним словом, я к вашим услугам, Анна Захаровна! Можете на меня рассчитывать. Я же — друг дома!

Живова. Кого приглашать? Вы мне подскажете? Что готовить? На сколько человек?

Ошметкин. Сообразим, сообразим, Анна Захаровна! Вы пока сидите дома. Если нужно кому позвонить — звоните, а я побегу! Позвоню вам часа через полтора. Все обсудим, все решим. Я вас теперь не брошу! *(Целует руку Живовой. Та растроганно целует его в лоб. Ошметкин выходит. Живова, после паузы, медленно проходит в кабинет мужа.)*

Изобретатель *(неожиданно, про себя)*. Любопытно... Поглядим, кому будет нужно мое изобретение...

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

ПОМИНКИ

Обстановка второй сцены. Обе двери из холла раскрыты. Из столовой, где за накрытым столом справляются поминки, доносятся голоса. В холле на маленьком столике — увеличенная фотография Изобретателя в траурной рамке, ваза с астрами. Изобретатель продолжает сидеть в том же кресле. С его лица не сходит ироническая улыбка. Он прислушивается к голосам в столовой.

Голос Ошметкина *(из столовой)*. Да, товарищи! Я заканчиваю... От нас ушел человек с большой буквы... Помню, еще поехали мы как-то на рыбалку. Смотрю, у Ивана Петровича клюет! А он на поплавок не глядит, сидит себе под кустом. В отключке — что-то про себя шепчет, в книжечку записывает... Ну, я, естественно, кричу ему: «Иван Петрович! Клюет!» А он на меня ноль внимания Так увлекся... Ну, что я могу еще сказать? Да вот, пожалуй, я на этом эпизоде и закончу свое воспоминание. Предлагаю выпить за светлую память покойного!

Все молча пьют. Пауза. Некоторые гости, уже в подпитии, выходят из-за стола, появляются в холле. Среди них Полный мужчина и Дама в очках.

Полный мужчина. Вот так живешь, живешь, и — на́ тебе, уже поминки! У меня знакомый был. Посмотришь на него — диву даешься! Кровь с молоком! Весельчак! Сколько исторических анекдотов знал! Без него ни одна компания не обходилась...

Дама в очках. Ну, и что же с ним случилось?

Полный мужчина. Случилось? Под велосипед он попал! Вот что с ним случилось! И представьте себе: сотрясение мозгов, какой-то там сложный

перелом и — готов! Я тоже на поминках был. Там стол побогаче накрыли. Не так, как здесь. Одной зернистой на стол две банки выставили...

Дама в очках. Я здесь ничего не пила и не ела.

Полный мужчина. Что так?

Дамав очках. У меня диабет.

Полный мужчина. У меня тоже. А пью и ем. Вы — родственница?

Дама в очках. Знакомая Анны Захаровны. В театральной кассе работаю. Если вы дефицитными спектаклями интересуетесь, то можете записать мой телефон...

Полный мужчина. С удовольствием... *(Отходят.)*

Появляется Живова. Она в трауре. За ней следует Ошметкин. Они подходят к группе приглашенных, в кругу которых было, видимо, только что рассказано что-то смешное. Увидев вдову, все замолкают.

Живова. Товарищи! Я вас прошу не расходиться! Сейчас будет чай. А кто пожелает, тому кофе... *(Отходит. Обращается к Ошметкину.)* Теодор Фотиевич! Не в службу, а в дружбу! Миленький, пройдите на кухню и достаньте из холодильника большую коробку с тортом.

Ошметкин. Кое-кто не допил. Надо бы на стол еще бутылочку коньяку подбросить.

Живова. Возьмите из серванта. Там, кажется, еще бутылка армянского есть.

Ошметкин *(вполголоса)*. Вы, Анна Захаровна, за Дефактовым-Деюровым поухаживайте. Директор института! От него теперь многое будет зависеть. Теперь надо ухо востро держать!

Живова *(испуганно)*. Почему востро?

Ошметкин. А потому, что изобретение Ивана Петровича теперь беззащитно! Автора нет, а шакалы есть!

Живова. Какие шакалы?

Ошметкин. Потом, потом все вам объясню. Так где, вы говорите, коньяк? В серванте?

Живова. На верхней полке. Там еще бутылка шампанского стоит. Ее тоже на стол поставьте. Пусть уж допивают за светлую память... *(Присоединяется к Даме в очках. Что-то рассказывает ей.)*

Появляются Дефактов-Деюров и Прибылев. Гости рассредоточиваются. Живова проводит несколько человек в ка-

бинет Изобретателя, который со своего места провожает их неодобрительным взглядом.

Дефактов-Деюров. Вы не раскаиваетесь, что я вас сюда затащил? Посидели... помянули...

Прибылев. Если вы так считаете... Несколько неудобно, может быть?

Дефактов-Деюров. Ничего, ничего. Все в норме. Вы же понимаете, что теперь мы будем иметь дело с вдовой. Я ей представил вас как человека, от которого во многом зависит судьба изобретения. А вам небезразлична причастность к нему нашего института: оно родилось в стенах нашего НИИ, Живов был нашим научным сотрудником. Так что, сами понимаете... Престиж!

Прибылев. Но вы ведь, Глеб Арнольдович, в курсе, так сказать, наших принципиальных разногласий с покойным автором? Мы остаемся при своем мнении. Нам придется менять технологию.

Дефактов-Деюров. Меняйте.

Прибылев. Вы должны и нас понять. Надо исходить из реальных возможностей.

Дефактов-Деюров. Я вас понимаю. Мы должны взаимно понять друг друга.

Появляется Живова.

Живова. Прошу всех пройти в столовую! Чай; кофе на столе.

Дефактов-Деюров *(подводит Прибылева)*. Анна Захаровна! Вы познакомились?

Живова. Да, конечно. Мы познакомились. Очень приятно.

Дефактов-Деюров. Забыл вам сказать, что товарищ Прибылев очень высоко ценил талант Ивана Петровича и хотел всемерно помочь ему в деле внедрения аппарата. Нам надо будет обязательно как-нибудь на днях встретиться у меня в институте и обстоятельно все обсудить... Теперь уже с вами как с единственной наследницей.

Живова. Большое спасибо. Прошу к столу!

Дефактов-Деюров, пропуская вдову вперед, толкает Прибылева многозначительно под локоть.

Дефактов-Деюров. Да-а-а... Не по веселому поводу мы сегодня здесь собрались. Не по веселому...

Все проходят в столовую. Сцена пуста. Исчез со своего места и Изобретатель. Видимо, теперь он находится уже в столовой...

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

В КАБИНЕТЕ ДИРЕКТОРА НИИ

Обстановка первой сцены. Секретарша проводит в кабинет Живову и Ошметкина. В углу на стуле сидит невидимый действующим лицам Изобретатель. Во время действия он бесшумно двигается по комнате в непосредственной близости от персонажей пьесы.

Секретарша. Проходите, пожалуйста! Глеб Арнольдович просил его подождать, он задерживается в парткоме. Располагайтесь! *(Уходит.)*

Ошметкин *(настойчиво)*. Вы, Анна Захаровна, вдова изобретателя и его единственная наследница. Усвойте себе это положение! Я — друг и помощник покойного. У меня есть доказательства. Я вас с ними ознакомил?

Живова *(несколько растерянно)*. Да, да!

Ошметкин. Без моего участия Иван Петрович не смог бы завершить изготовление рабочей модели.

Живова *(упавшим голосом)*. Вы мне рассказывали. Я вам верю.

Ошметкин. Ну, так вот! Сейчас зайдет Глеб Арнольдович. Вы подайте ему наше совместное заявление и устно, при мне, настаивайте на моем соучастии как соавтора Ивана Петровича.

Живова. Да, да... Конечно. Если вы так считаете...

Ошметкин. Не я так считаю, Анна Захаровна, а обстоятельства подсказывают это единственно правильное решение. Если я буду юридически считаться соавтором, то у нас будут развязаны руки. Мы не пустим это дело на самотек. Мы будем за него бороться! А что касается вознаграждения, то мы — свои люди... сочтемся!

Живова. Да, да... Безусловно. Я полагаюсь на вас, Теодор Фотиевич! Вы лучше знаете, как поступить. Я вдова, меня и обмануть легко! Я ведь ничего в этом не понимаю.

Ошметкин. Да что об этом говорить? Ничего не стоит вас вокруг пальца обвести. Раз плюнуть! Я вам говорил: шакалы! Так и норовят... так и норовят... Ну, ничего! Посмотрим... Только вы уж поубедительнее с Глебом Арнольдовичем! Поубедительнее! А я вас в обиду не дам...

Входит Дефактов-Деюров.

Дефактов-Деюров. Извините, что заставил вас ждать. Было срочное дело. (*Здоровается. Проходит за свой стол.*) Ну что ж... Давайте поговорим! Сначала я хотел бы послушать вас, Анна Захаровна! С чем вы ко мне пришли? С какими соображениями?

Живова (*робея*). Видите ли, Глеб Арнольдович, мой муж говорил мне о вас...

Дефактов-Деюров. Не удивительно. Мы работаем вместе. Иван Петрович руководил одной из наших лабораторий. Его изобретение прошло, так сказать, через наши руки. Мы были в курсе испытаний. Мы представляли изобретение на экспертизу в головной институт. Вышла, правда, небольшая заминка с запуском модели в серийное производство, но это уже в большой степени зависит от завода-изготовителя. Думаю, что и этот вопрос мы решим...

Живова (*достает из сумочки заявление и передает его через стол Дефактову-Деюрову*). Вот тут небольшое заявление... Мы хотели бы, чтобы вы его прочитали.

Дефактов-Деюров читает заявление. Выражение его лица меняется.

Дефактов-Деюров. Да-а-а... (*Обращаясь к Ошметкину, сухо.*) Это вы претендуете на соавторство?

Ошметкин. В нашем совместном заявлении сказано все предельно ясно.

Дефактов-Деюров. Но покойный изобретатель считал себя единственным автором, насколько мне это известно.

Ошметкин выразительно смотрит на вдову.

Живова *(сбивчиво)*. Как раз незадолго до смерти Иван Петрович говорил мне, что он решил добавить еще фамилию Теодора Фотиевича Ошметкина. Он ему очень помогал, когда они вместе изобретали...

Дефактов-Деюров *(иронически)*. Вместе изобретали?

Ошметкин. Да. Вместе. И этому есть доказательства.

Дефактов-Деюров. Какие же доказательства? Интересно полюбопытствовать.

Ошметкин. Извольте! *(Достает из бумажника несколько записок.)* Вот, пожалуйста!

Дефактов-Деюров *(читает записки вслух)*. «Дорогой друг Теодор! Спасибо тебе за неоценимую помощь. Что бы я делал без твоего внимания? То, что ты мне в прошлый раз раздобыл, очень пригодилось. Без этих деталей я бы не знал, что делать. Думаю, что работа над моделью скоро будет завершена и можно будет приступить к испытаниям». «Теодор Фотиевич! Опять ты меня выручил. Сам понимаешь, как я тебе безгранично благодарен. Твое участие поддерживает меня в моем одиночестве. Никто ведь палец о палец не хочет ударить, чтобы мне помочь. Только завидуют, подсчитывают, что я за это получу, и ставят палки в колеса. Можно сказать, что ты в каком-то смысле можешь себя считать причастным к реализации моей идеи». *(Помолчав и возвращая записки.)* И это все доказательства?

Ошметкин *(твердо)*. Мало? По-моему, предостаточно. Он же пишет: «Можешь считать себя причастным». Это же пишет не кто-нибудь, а основной автор изобретения. «Причастным»! Все предельно ясно.

Дефактов-Деюров *(вдове)*. Вы, Анна Захаровна, настаиваете на том, что вы изложили в вашем совместном заявлении?

Живова. Настаиваю. Теодор Фотиевич принимал участие... Он много сделал...

Дефактов-Деюров *(помолчав)*. Ну ладно... Разберемся. Только предупреждаю вас, это повлечет за собой новые формальности. Это затянет дело с запуском в производство... Придется заново обращаться в соответствующие инстанции. Отзывать прежние документы...

Ошметкин. Ничего. Мы подождем. В конце концов, дольше ждали.

Дефактов-Деюров *(поднимается)*. Хорошо. К сожалению, я сейчас буду занят... Позвоните мне дней через пять-шесть.

Живова. Это вы мне говорите?

Дефактов-Деюров. Вам обоим. Это безразлично. Может позвонить соавтор.

Ошметкин *(самоуверенно)*. Я позвоню, с вашего разрешения.

Уходят.

Дефактов-Деюров *(говорит по аппарату внутренней связи)*. Зинаида Ивановна!

Секретарша *(по аппарату)*. Я вас слушаю, Глеб Арнольдович!

Дефактов-Деюров. Позвоните на Первомайский завод и разыщите там товарища Прибылева из экспериментального цеха. Пусть срочно со мной свяжется. Я буду ждать.

Секретарша *(по аппарату)*. Прибылев здесь, Глеб Арнольдович! Вы же просили его к нам заехать!

Дефактов-Деюров. Черт! Совсем забыл.. Пусть зайдет.

Входит Прибылев.

Дефактов-Деюров. Извините меня, пожалуйста, товарищ Прибылев! Из головы вылетело, что я вас пригласил на встречу с вдовой Живова. Я только что их отпустил.

Прибылев. Я их видел. Только они меня не узнали. А что случилось?

Дефактов-Деюров. Никак я не ожидал такого поворота с этим изобретением.

Прибылев. А что такое?

Дефактов-Деюров. А то, что объявился соавтор!

Прибылев. Кто такой?

Дефактов-Деюров. С неба свалился! Ошметкин! Они у меня вдвоем были — вдова и он, этот соавтор. Заявление оставили. Почитай! Твое мнение?

Прибылев *(прочитав заявление)*. Ну, это мы поломаем! В два счета поломаем. Таких учить надо!

Дефактов-Деюров. Я думаю, что в этом случае завод должен пересмотреть вариант Живова...

Прибылев. У нас есть хорошие, опытные специалисты. Я же уже говорил о них!

Изобретатель исчезает.

СЦЕНА ПЯТАЯ

В ГОЛОВНОМ ИНСТИТУТЕ

Приемная перед одним из кабинетов, за дверью которого идет заседание. Входят и выходят люди с папками, на ходу здороваются, переговариваются. Уходят.
Из кабинета выходят Прибылев и Жучков. За их спиной появляется никем не видимый Изобретатель. Он садится в углу комнаты на стул и внимательно прислушивается к происходящему разговору.

Жучков. Ясно, как божий день, что заводской вариант намного совершеннее! Мы в свое время предлагали Живову нашу помощь. Хотели помочь ему усовершенствовать конструкцию его рабочей модели. Он тогда категорически отказался. Даже оскорбился.

Прибылев. Упрямство всех ему подобных. Изобретут что-нибудь и носятся со своим изобретением как с писаной торбой!

Жучков. В сущности, этих оглашенных энтузиастов можно понять. Ведь если кто подключается в процессе работы при изготовлении аппарата, тот уже не хочет потом оставаться в стороне.

Прибылев. К примеру, этот Ошметкин! Куда его теперь девать?

Жучков. А никуда! Сам отвалится вместе с Живовым! Мы же дали новый отзыв, в котором не считаем целесообразным выпуск аппарата Живова в его первоначальном варианте. Авторское свидетельство будете получать вы — завод! Живов тут уже ни при чем, а уж Ошметкин тем более, если теперь сомнительно авторство основного изобретателя.

Прибылев. А как быть с вдовой?

Жучков. Не знаю. Юридически ее покойный супруг лишается всех прав на участие в создании последующих моделей аппарата. Кто у вас занимался этим делом?

Прибылев. Наши ведущие инженеры Степкин, Фрад-

кин и Разгильдяев. Они предложили новую технологию, переделали все узлы, упростили схему, подогнали изобретение под возможность его серийного выпуска на нашем заводе.

Жучков. Можно их поздравить. Хорошо поработали.

Прибылев. А вас поблагодарить. Хорошо провели.

Жучков. Главное — найти общий язык. Мы пошли вам навстречу, вы — нам! Есть даже такой художественный фильм: «Ты — мне, я — тебе». *(Смеется).*

Прибылев. Не случайно вас рекомендовали как сговорчивого человека. Мы на днях должны все вместе встретиться. Вы не против?

Жучков. Грех отказываться! Ничто человеческое нам не чуждо!

Прибылев *(глубокомысленно).* Вот она... жизнь!

Изобретатель *(неожиданно, с места).* Жизнь прекрасна!

Жучков *(оглядывается, никого не видит).* Что? Кто это сказал?

Прибылев *(оглядывается, никого не видит).* Вам тоже послышалось?

Жучков. Что именно?

Прибылев. Мне послышалось, будто кто-то сказал: «Жизнь прекрасна!»

Жучков *(помолчав).* Так о чем говорили?

Прибылев. О жизни. Я сказал: «Вот она... жизнь!» Я хотел сказать, что вот так оно и бывает... Живет человек, и вдруг — нет человека! И все хлопоты, все заботы уже ни к чему! Все конфликты ликвидированы. Все само собой рассосалось. А ведь, честно говоря, способный он был человек, этот Иван Петрович! Что ни говорите, а идея его весьма перспективна! Вот только умер он не вовремя!

Изобретатель *(с места).* А если не умер?

Прибылев. Что это?

Жучков. Опять? Тот же голос!

Прибылев. Чертовщина какая-то! Я ясно слышал его голос.

Жучков. Это был его голос?

Прибылев. Точно.

Жучков. Что он сказал?

Прибылев. «А если не умер?»

Жучков. Я тоже это самое услышал. Но ведь он же умер?

Прибылев. Спохватились! Полгода, как его уже нет! Я на поминках был. Ошметкин на вдове женился. Как это так «не умер»?

Жучков. Тогда выходит, что нам обоим померещилось? С чего бы это? Однако странное совпадение: обоим и одно и то же!

Прибылев. Пошли отсюда! А то еще чего-нибудь услышим!

Направляются к выходу. Но голос Изобретателя останавливает их возле двери.

Изобретатель *(с места)*. Погодите, друзья! Не спешите уходить! Вы полагаете, что все это вам пройдет даром? Нет! Не для того я ломал голову и пробивал свою идею по всем инстанциям, чтобы вы присосались к ней, как пиявки! Да! Жизнь прекрасна, потому что есть правда на земле и она восторжествует и в моем случае! Обязательно восторжествует. Вы зарвались и обнаглели, друзья мои! Вот вы, гражданин Жучков! Сколько вам обещали заплатить за то, чтобы вы как сговорчивый человек беспринципно подошли к рассмотрению нового варианта чужого изобретения, представленного заводом? Сколько?

Жучков *(в ужасе шепчет)*. Триста рублей. *(Ноги у него подкашиваются, он садится на ближайший стул.)*

Изобретатель *(продолжает)*. Триста сребреников! А вы, Прибылев? Сколько вам обещали подкинуть ваши «хорошие и опытные» специалисты, если вы удачно проведете эту грязную операцию?

Прибылев *(в ужасе, шепчет)*. Триста двадцать пять... *(Ноги у него подкашиваются, и он опускается на стул рядом с Жучковым.)*

Изобретатель *(продолжает, грозно и внушительно)*. А кто поставил подписи под моим изобретением? Не эти же дельцы оформляют сегодня технические решения, не являющиеся новыми, и незаслуженно получают крупные вознаграждения за якобы рационализаторские предложения, с которых не платят партийные взносы? Не они ли отклоняют подлинно новаторские идеи до тех пор, пока

их не включают в число соавторов? Неужели вы думаете, что они останутся безнаказанными? И вы в том числе, Жучков и Прибылев?! Суд идет! Прошу встать!

Прибылев и Жучков одновременно поднимаются. В полном смятении смотрят друг на друга. Изобретатель исчез.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

КВАРТИРА ИЗОБРЕТАТЕЛЯ

Начало сцены точно повторяет первую часть второй сцены. Анна Захаровна в вечернем туалете беседует с Ошметкиным.

Живова. А за кого мне было замуж выходить, если Иван Петрович мне первый предложение сделал? И потом, откуда же я знала, что он изобретать начнет? Он тогда только-только на кандидата защитился!

Ошметкин. Не знаю, не знаю... А ведь вы мне всегда нравились, Анна Захаровна! Ей-богу, нравились! Если хотите знать, до сих пор холостым хожу...

Живова. Бросьте, бросьте говорить глупости, Теодор Фотиевич! Когда это я вам нравилась, интересно знать?

Ошметкин. Как впервые вас увидел, так сразу и понравились.

Живова. А когда вы меня впервые увидели?

Ошметкин. На свадьбе у Картошкиных. Помните, я еще через одного человека в очках по правую руку от вас сидел за столом.

Живова. Что-то я не припоминаю.

Ошметкин. Я вам еще все шампанское подливал, а вы сопротивлялись... Думал вас после свадьбы домой проводить, так вы с Иваном Петровичем уехали.

Живова. Ну, да глупости все это! Поздно нам с вами о таких вещах говорить. Нашли, что вспоминать. Давно это было. Давно! Быльем поросло.

Ошметкин. Не скажите. Вы мне и сейчас нравитесь. Ей-богу, не вру! Еще как нравитесь-то! Особенно в этом вашем вечернем туалете, который вам так к лицу!

Живова. Сказала вам: бросьте чепуху болтать! Пойдемте лучше в столовую, я вас ореховым тортом угощу. Так уж и быть... За все ваши неуместные комплименты...

Уходят.

Сцена некоторое время пуста. Затем появляется Живова и Ошметкин. В руках у Ошметкина тарелочка с тортом.

Живова. Ну вот! Можно и будить! Сколько на ваших?

Ошметкин. Ровно шесть.

Живова *(подходит к двери, стучит)*. Ваня! Иван Петрович! Просыпайся! *(Прислушивается.)*

Живов *(за дверью, не сразу)*. Слышу. Встаю!

Живова. У нас Теодор Фотиевич!

Живов *(за дверью)*. Пусть ко мне зайдет!

Ошметкин входит в кабинет.

Живова. Ваня! Только ты не задерживайся, а то мы можем на концерт опоздать! Седьмой час уже!

Живов *(за дверью)*. Я уже готов! Не опоздаем! *(Выходит в сопровождении Ошметкина. На Живове новый костюм, который ему очень к лицу. Он хорошо выглядит. Вид свежий, отдохнувший.)*

Живова. Прошла голова? Больше не болит?

Живов. Ничего не болит! Такая чертовщина мне сейчас приснилась...

Ошметкин. Сегодня что у нас? Вторник? Спал после обеда? По вторникам послеобеденные сны недействительны! А что приснилось?

Живов. Кошмар какой-то! Будто я умер. Будто мое изобретение украли. Будто ты на Анне Захаровне женился.

Живова. Господи! Чепуха какая! Приснится же такое!

Ошметкин. Пропустил я твою Анну Захаровну! Ты мне тогда дорогу перебежал.

Живов. Да уж, пожалуйста, выкинь это из головы!

Живова. Теодор Фотиевич не обидится, если мы сейчас с ним расстанемся? Хорошо, если на стоянке такси есть, а то мы можем опоздать в Театр эстрады!

Ошметкин. А когда я обижался? Вы — на концерт,

а я — приятеля навестить, из Праги вчера приехал. Сувенир мне привез.

Живов. Ну, пошли тогда! А то и впрямь опоздаем. *(Все уходят. Живов задерживается в дверях, возвращается, проходит на авансцену, задумывается и неожиданно серьезно говорит в зрительный зал.)* Вот и умирай после этого!.. *(Помолчав, твердо.)* Надо жить! *(Уходит.)*

Конец

1977

СОДЕРЖАНИЕ

БАСНИ И САТИРИЧЕСКИЕ СТИХИ

СОЛОВЕЙ и ВОРОНА

Соловей и Ворона 7
Заяц во хмелю 8
Лиса и Бобер 10
Слон-живописец 12
Енот, да не тот 14
Без вины пострадавшие 15
Лев и Муха 17
Морской Индюк 18
Медвежий зарок 20
Заяц и Черепаха 22
Нужный Осел 23
Коза, Медведь и Глухой Осел 24
Кукушка и Скворец 25
Две подруги 26
Паук и Метла 27
Бешеный Пес 28
Волк-травоед 30
Полкан и Шавка 32
Дальновидная Сорока 34
Зарвавшийся Петух 35
Назойливый Комар 36
Свинья 37
Рыбьи дела 38
Хитрая Мышка 40
Разборчивая Кошечка 41
Ворона и Гусь 42
Осторожные птицы 43
Мартышка и Орех 45
Непьющий Воробей 46
Дутый авторитет 48
Баранья критика 49
Коты и Мыши 50
Петух-болтун 51

Преступление без наказания 52
Седой Осел 54
Ку-ка-ре-ку! 55
Позиция Жука 56
Зеленый и вареный 57
Лев и ярлык 58
Осел в обойме 60
Больной Кабан 61
Волк-дипломат 62
Знакомый голос 63
Тихий водоем 64
Смелое предложение 65
Свинки и Свиньи 66
Сорока-наушница 67
Шарик-Бобик 68
Невручeнная награда 69
Завидное упорство 70
Журавль и Хавронья 71
Наглый Заяц 72
Старый Лев 73
Синица за границей 74
Шакал в посольстве 75
Сплетня 76
Сбоку припеку 77
Полуправда 78
Мать 79
Сомнительное бахвальство 80
Расторопная курочка 81
Трудный хлеб 82
Руслан и Трезор 83
Большая кость 84
Мираж 85
Собака и Осел 86
Ученый Кот 87
Червяк на крыльях 88
Дым без огня 89
Орлы и Воробьи 90
Щенок и Гадюка 91
Два Воробья 92

ДОБРЫЕ СОВЕТЫ

Темнота 93
Рождение оды 95
Толстый и Тонкий 97

Текущий ремонт 98
Гигант и цитата 99
Пегас и Поэт 100
Смешная фамилия 101
Океан и Профан 103
Поэт и наборщик 104
Завистливый больной 105
Тщеславие 106
Иван Иваныч заболел... 107
Количество и качество 108
Портной на лаврах 109
Когда везет 111
Простая справка 112
Таланты и коммерсанты 113
Со своей колокольни 114
Кладовая поэта 116
Классический пример 118
Простой секрет 119
Бюрократ и смерть 120
Ради друга 121
Сокращение расходов 122
Богатые впечатления 123
Чужая беда 124
Три портрета 125
Дальновидная самокритика 127
Скала и Утес 128
Добрые советы 129
Федот, болото и Пастух 131
Возница, Конь и пень 132
Зависть 133
Ах, кока-кола! 134
Ослы 135
Средний уровень 136
Данное обязательство 137
Особая мебель 138
Поклеп 139
О дураке 140
Колея 141
Юнец-индивидуалист 142
Муха и Слон 144
Народный артист 145
Две морали 146
Клеветник 147
Проблема ишака 148

Заветное желание 149
Бедный Зябликов 150
Жертва моды 152
Горстка гаек 153
Три ответа 154
Несовместимость 155
Фальшивомонетчики 156
Пятак и Рубль 157
Гусеница и Бабочка 158

ГРОМООТВОД

Арбуз 159
Колос и Василек 160
Винтик 161
Забытый храм 162
Руки 163
Кирпич и льдина 164
«Москвич» и «Волга» 165
Курам на смех 166
В знойный день 167
Вороны и Скульпторы 168
Два Топора 169
Ромашка и Роза 170
Зерно сатиры 171
Любитель книг 172
Пастух и Блоха 173
Муха и Пчела 174
Хирургия и сатира 175
Ответ взломщика 176
Дом и план 177
Сатирик и Сапер 178
Форма и содержание 179
Живая вода 180
Громоотвод 181
Голова и Ноги 182
Грибы 183
Живой родник 184
Фрукт 185
Неупомянутый 186
Чемодан без ручки 187
Неблагодарный гость 188
Стена и дом 189
Муравьи 190
Пятиминутка *(Шутка)* 191

Плющ на высоте 192
Пошляк с букетом 193
Самосохранение 194
О, Галилей! 195
Личное ведро 196
Тропа 197
Новый препарат 198
Негодная машина 199

ПЕРЕВОДЫ

Из А. Исаакяна
(С армянского)

Медведь и Змея 200
Сатана и его дочери 201

Из М. Корюна
(С армянского)

Чужой успех 202
Мать и сын 203

Из Стояна Михайловского
(С болгарского)

Павлин и Ласточка 204
Филин и Светлячок 205

Из Банчо Банова
(С болгарского)

Канарейка и Кошка 206

БАСНИ В ПРОЗЕ

Точка зрения 209
Зеркало 210
Жадный Заяц 211
Заяц-симулянт 212
Два толстяка и Заяц 214
Экзамен 215
Кабан и хомут 216
Упрямый Петух 218
Портрет 219
Пеликанье воспитание 220
Просчитался 221
Аисты и Лягушки 222
Заячье горе 223
Ошибка 224
Белые перчатки 225

Хочу бодаться 226
Ответ 227
Захваленная певунья 228
Осел и Бобр 229
Последнее желание 230
Пьяные вишни 231
Волшебное слово 232
Как удав подавился 233
Тьфу! 234
Дурная примета 235
Почему мыши котов не обижают 236
Кто кого? 237
Условный рефлекс 238
Ломака 239
Друзья в походе 240
Аналитик 241
Вырвихвост 242
Что кошка о себе вообразила 244
Осторожные козлы 245
Нос 247
Услужливый 248
Не стоит благодарности 249
Заячий мост 250
Кабан на шее 251
Шакал-интриган 253
Звание — сила 255
Психологический эффект 256

СЦЕНКИ, МИНИАТЮРЫ

Соринка 259
Ревизоры поневоле 278
Паршивая овца 287
Седьмая встреча 300
Варакушка 309
Перед премьерой 318
Темнота 321
Благодарные сослуживцы 332
Сила привычки 336
Общий язык 344
В одном сапоге 352
Добрые знакомые 357
Анонимка 361
Авторское свидетельство 386

Михалков С. В.
М69 Собрание сочинений: В 6-ти т. — М.: Худож. лит., 1981 —
Т. 3. Басни и сатирические стихи; Басни в прозе; Сценки и миниатюры. 1981. 416 с.

В третий том входят широко известные сатирические произведения писателя: басни и сатирические стихи, басни в прозе, сценки, миниатюры.

М $\frac{70402-050}{028(01)-81}$ подписное 4702010200 Р2

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ МИХАЛКОВ

Собрание сочинений в шести томах

ТОМ ТРЕТИЙ

Редактор З. Кондратьева

Художественный редактор Е. Ененко

Технический редактор Л. Ковнацкая

Корректоры Н. Замятина и В. Широкова

ИБ № 2168

Сдано в набор 09.06.80. Подписано к печати А 06720 11.02.81. Формат 84 × 108 1/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Таймс». Печать высокая. 21,84 усл. печ. л., 21,84 усл. кр.-отт. 15,483 уч.-изд. л. Тираж 75 000 экз. Изд. № IIIе—31. Заказ 1378. Цена 1 р. 50 к. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература», 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

1р.50к.